

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра политических наук

На правах рукописи

Чжан Юйкунь

**«Мягкая сила» в образовательной сфере России и Китая:
сравнительный анализ**

Специальность 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент
Керимов А. А.

Екатеринбург – 2025

Оглавление

Введение	3
Глава I. Теоретические основы исследования «мягкой силы»	17
1.1. «Мягкая сила»: понятие, сущность, функции	17
1.2. Концептуализация категории «мягкой силы» в политической науке	35
1.3. Интерпретация «мягкой силы» в китайской политической науке	53
 Глава II. Образовательный аспект в политике «мягкой силы» Китая и России	 70
2.1. Особенности политики «мягкой силы» Китая в образовательной сфере ...	70
2.2. Российская политика «мягкой силы» в образовательной сфере	90
2.3. Сходства и различия политики «мягкой силы» Китая и России в образовательной сфере	113
2.4. Китайско-российские отношения в образовательной сфере: состояние и перспективы	130
Заключение	158
Список использованных источников и литературы	164

Введение

Актуальность исследования. Россия и Китай стали значимыми игроками в мировом образовательном пространстве, привлекая все большее число иностранных студентов и налаживая образовательные партнерства по всему миру. Стратегии мягкой силы, применяемые обеими странами, играют ключевую роль в формировании международного восприятия и укреплении сотрудничества в сфере образования.

Мягкая сила относится к способности страны влиять на других посредством привлечения и убеждения, а не принуждения или силы. В контексте образования мягкая сила предполагает использование культурных, образовательных и интеллектуальных активов для повышения глобального статуса и влияния страны.

Сравнительный анализ позволяет углубленно изучить различные стратегии мягкой силы, используемые Россией и Китаем. Анализируя сходства и различия в их подходах к образовательной дипломатии, программам культурного обмена, продвижению языка и академическому сотрудничеству, можно получить представление об эффективности и воздействии их инициатив «мягкой силы».

Изучение мягкой силы в сфере образования имеет более широкие последствия для международных отношений и дипломатии. Понимание того, как Россия и Китай используют свои образовательные ресурсы и институты для повышения своего глобального имиджа и влияния, может пролить свет на динамику современной международной политики и международного сотрудничества.

Результаты сравнительного анализа могут послужить основой для разработки политики и стратегии в области образования как в России, так и в Китае. Выявляя лучшие практики и области для улучшения, политики могут усовершенствовать свои инициативы в области мягкой силы, чтобы они лучше соответствовали национальным целям и международным устремлениям.

Сравнительный анализ мягкой силы в образовательной сфере России и Китая дает ценную информацию о меняющейся динамике глобального образования и международных отношений. Изучая стратегии, вызовы и последствия их инициатив в области мягкой силы, исследование способствует более глубокому пониманию роли образования в формировании международного восприятия и отношений.

Степень разработанности проблемы.

При всестороннем рассмотрении концепции «мягкой силы» нами был рассмотрен широкий спектр трудов как российских, так и зарубежных специалистов. Следует отметить, что основой для формирования и последующей детализации данной теоретической модели стали исследования Дж. Ная, работы которого легли в фундамент исследования и послужили отправной точкой для нашего анализа. Сама идея «мягкой силы» эволюционировала на базе предыдущих исследований вопросов власти, влияния и механизмов управления, находящих отражение в работах, традиционно рассматриваемых как предшественники или альтернативы современной концепции. Так, к этим интеллектуальным предшественникам можно отнести труды А. Грамши¹, С. Стрэнджа², Ж. Бодрийяра³, Ж. Липовецки⁴, С. Льюкса⁵. Необходимо отметить, что сам анализ данной идеи неоднократно становился объектом критической оценки, что в конечном итоге стимулировало Дж. Ная к дальнейшему совершенствованию теоретической

¹ Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.

² Strange S. The persistent myth of lost hegemony // International Organization. 1987. Vol. 41. № 4. P. 551–574.

³ Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Изд-во Ad Marginem, 2000. С. 171.

⁴ Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.

⁵ Lukes S. Power: a radical view. London: Macmillan, 1974. 64 p.

базы. В числе тех, кто подвергал сомнению основные положения концепта, являются Н. Фергюссон⁶, Б. Уомакк⁷, К. С. Грей⁸, П. Бильгин⁹, Е. Лок¹⁰. Наряду с критическими отзывами, в научном дискурсе регулярно появляются попытки более глубокого осмысления и развития концепции, среди которых заслуживают внимания исследования Г. Галаротти¹¹, М. Клэра¹², М. Куналакиса и Р. Сингха¹³. Кроме того, особое место занимают работы специалистов, сосредоточенных на изучении отдельных аспектов «мягкой силы»: например, исследования И. Кацуджи, посвященные роли акторов в этом процессе; анализ Х. Кима, рассматривающего культурную дипломатию как стратегический инструмент; а также труды М. Фрейзера, раскрывающие потенциал популярной культуры в реализации данной концепции.

Сегодня российское научное сообщество можно охарактеризовать как арену для динамичного развития идей, связанных с «мягкой силой». Научные исследования в этой области получили мощный импульс благодаря усилиям многочисленных российских экспертов, чьи труды охватывают как теоретические, так и эмпирические аспекты проблемы. Среди авторов, чьи работы сыграли значительную роль в формировании и дальнейшем развитии данной парадигмы, можно выделить таких исследователей, как Д.Б. Казаринова, В.М. Капицын¹⁴, Е.Г. Пономарева¹⁵, О.Ф. Русакова¹⁶, Г.Ю. Филимонов¹⁷, А.

⁶ Ferguson. N. *Colossus: the price of America's empire*. N.Y.: Penguin Press, 2004. 384 p.

⁷ Womack B. *Dancing alone: a hard look at soft power* // *The Asia Pacific Journal: Japan Focus*. 2005.

⁸ Gray C. *Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century* // *Strategic studies institute Monograph*. 2011.

⁹ Bilgin P., Elis B. *Hard power, soft power: toward a more realistic power analysis* // *Insight Turkey*. 2008

¹⁰ Lock E. *Soft power and strategy. Development a strategic concept of power* // *Soft power and US foreign policy: Theoretical, historical and contemporary perspectives*. – London: Routledge. 2010. P. 32–50.

¹¹ Gallarotti G. *Soft power: what is it, why it is important, and the conditions under which it can be effectively used* // *Wesleyan University, WesScholar*. 2011.

¹² Klare M. *Hard power, soft power, and energy power* // *Foreign affairs*. 2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-03-03/hard-power-soft-power-and-energy-power>

¹³ Kounalakis M., Simonyi A. *The hard truth about soft power* // *USC public diplomacy*. 2011.

¹⁴ Капицын В. Космополитизм – компоненты «мягкой силы» и глобального управления // *Обозреватель* 2009. №10. С. 70–79.

¹⁵ Пономарева Е. Г., Рудов Г.А. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // *Обозреватель Observer*. 2015. № 11. С. 59–73; Пономарева Е. Г. Железная хватка «мягкой силы» // *Однако*. 2013. № 6. С. 18–26; № 7. С. 18–21; Пономарева Е. Г. «Умная сила» как инструмент евразийской интеграции // *Панорама Евразии*. 2015. № 2 (13). С. 66–69; Пономарева Е. Г. «Мягкая сила» России как интеграционный ресурс // *Геополитический журнал*. 2016. № 3. С. 9–17.

¹⁶ Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // *Научный ежегодник института философии и права УрО РАН*. 2010. Вып. 10. С. 173–192; Русакова О. Ф.

Казанцев, В.Н. Меркушев¹⁸, Р.С. Мухаметов¹⁹, И. Радиков, Я. Лексютин²⁰ и Д.М. Ковба²¹. Эти ученые не только представили оригинальные интерпретации явления, но и разработали комплексные модели, позволяющие глубже понять, как «мягкая сила» функционирует в современных политических и культурных процессах.

Если рассматривать «мягкую силу» в контексте образовательного процесса, то следует констатировать, что концептуальные основы исследования мягкой силы в образовательном контексте были заложены в работах Дж. Ная, который впервые ввел термин «мягкая сила» в научный оборот. Однако применительно к образовательным системам Китая и России, эта концепция получила дальнейшее развитие и спецификацию в трудах ряда исследователей. Вопросы, связанные с применением концепции «мягкой силы» в образовательных системах, находятся в центре внимания представителей самых разных научных дисциплин: политологии, социологии, культурологии, педагогики и других областей знания. Это связано с тем, что образование рассматривается не только как механизм передачи знаний, но и как инструмент продвижения национальных интересов, формирования позитивного образа

Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 3. общественные науки, 2008. Вып. 6. № 61. С. 114–122.

¹⁷ Филимонов Г. Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США: Монография. М.: РУДН, 2010. 212 с

¹⁸ Казанцев А. А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. № 2 С. 122–135.

¹⁹ Мухаметов Р.С. Культура как инструмент внешней политики России // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 1. С. 193–198; Он же. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 2. С. 84–90; Он же. Императивы внешней политики России: это компонент «мягкой силы» или фактор охлаждения отношений с Западом? // Дискурс-Пи. 2014. № 1. С. 174–179; Он же. Сравнительный анализ «мягкой силы» РФ и ЕС на постсоветском пространстве // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 3. С. 46–57; Он же. Культурная дипломатия КНР: институты, инструменты и проблемы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 4. С. 150–157; Он же. Мягкая сила России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ программ политических партий постсоветских государств // Сравнительная политика. 2020. № 4. С. 78–91.

²⁰ Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. №2. С. 19–22.

²¹ Ковба Д. М. "Мягкая сила" как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. Екатеринбург, 2017. 38 с.

страны и ее культурных ценностей за рубежом (исследования И.Г. Актамова, М.М. Лебедевой, Дж. Ная, М. Ли и др.)²².

Обычно в научных трудах «мягкая сила» в образовательной сфере изучается в широком контексте внешнеполитической стратегии государства, направленной на укрепление международного имиджа и повышение привлекательности национальной культуры. Такой подход предполагает анализ образования как одного из ключевых ресурсов публичной дипломатии, дополняющего традиционные (жесткие) инструменты внешней политики. С учетом динамики развития современной политической науки, данные вопросы в большей степени освещаются в зарубежной литературе (Дж. Най, С. Анхольт, Дж. Галаротти и др.), хотя в последние годы заметен рост интереса к данной проблематике и среди российских исследователей. При этом в постсоветском научном пространстве становление концепции «мягкой силы» в образовательном аспекте тесно связано с переосмыслением роли высшей школы в формировании международных контактов и диалога культур. Прикладные исследования, связанные непосредственно с образовательными стратегиями, стали активно развиваться лишь в последние два десятилетия. В исследованиях, посвященных «мягкой силе» Китая, доминирует анализ деятельности Институтов Конфуция как наиболее наглядного инструмента продвижения языка и культуры, а также роль стипендиальных программ и совместных образовательных проектов (Hunter²³, Feng²⁴, Peters²⁵). Что касается российской стратегии «мягкой силы» в образовании, то, несмотря на меньшую масштабность проектов, у российских вузов также сформировался

²² Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 231–236; Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3(54). С. 212–223; Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век / пер. с англ. В. Н. Верченко. Москва: АСТ, 2014. 448 с.; Li M. Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics. London: Lexington Books, 2009. 284 p.; Lintner B. The Costliest Pearl: China's Struggle for India's Ocean. Hurst, 2019. 288 p.

²³ Hunter A. Soft Power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics. 2009. Vol. 2. P. 378–379.

²⁴ Feng Y. The development of Russian language education in China: Challenges and prospects // Russian Language Studies. 2020. № 18 (2). P. 235–252.

²⁵ Peters M. A. China's belt and road initiative: Reshaping global higher education // Educational Philosophy and Theory. 2020. № 52 (6). P. 586–592.

определенный потенциал в продвижении национальных интересов за рубежом. В отношении китайской образовательной стратегии мягкой силы значительный вклад внесли работы Д. Уилсона²⁶, в которых проведен комплексный анализ роли Институтов Конфуция в продвижении китайского языка и культуры за рубежом. Российская стратегия мягкой силы в образовании исследована менее детально, однако работы М.М.Лебедевой²⁷ предоставляют ценный анализ роли российских университетов в продвижении национальных интересов за рубежом. Исследование демонстрирует, что российские образовательные программы для иностранных студентов способствуют формированию позитивного имиджа страны, хотя и в меньшей степени, чем аналогичные китайские инициативы.

Сравнительный анализ китайских и российских стратегий мягкой силы в образовании представлен в работах А.В.Торкунова²⁸ и Е.М.Харитоновой²⁹. Их исследование выявило ряд сходств и различий в подходах двух стран. В частности, было отмечено, что китайская стратегия характеризуется более высокой степенью централизации и финансирования, в то время как российский подход отличается большей гибкостью и ориентацией на постсоветское пространство.

Важный вклад в понимание эффективности образовательных стратегий мягкой силы внесли эмпирические исследования С. Анхол³⁰ и Ю.П. Давыдова³¹. Их работы, основанные на обширных социологических опросах иностранных студентов в Китае и России, показали, что образовательные программы обеих стран способствуют формированию более позитивного восприятия страны-

²⁶ Wilson J. L. Soft power as a component of Russian and Chinese discourse and strategy // American Political Science Association. Norton, MA, 2013

²⁷ Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3(54). С. 212–223

²⁸ Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4(25). С. 85–93.

²⁹ Харитонов Е. М. Образование в политике «мягкой силы» Великобритании // Трансформация международных отношений в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции. / Отв. ред. М. В. Грановская, О. А. Тимакова. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. С. 397–402.

³⁰ Anholt S. Why brand? Some practical considerations for nation branding // Place Branding. 2006. No. 2 (2). P. 97–107.

³¹ Давыдов Ю. П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2014. № 1. С. 69–80.

хозяина, однако степень этого влияния варьируется в зависимости от региона происхождения студентов и специфики программы обучения.

Критический анализ концепции мягкой силы в контексте образовательных систем представлен в работах Дж. Галлар³² и О.Г. Леоновой³³. Их исследования указывают на ограничения и потенциальные риски чрезмерного акцента на мягкую силу в образовательной политике, включая возможность восприятия образовательных программ как инструментов пропаганды.

Рассматривая образование как многоуровневый фактор «мягкой силы», исследователи уделяют особое внимание влиянию культурных и коммуникативных характеристик образовательных программ на формирование благоприятного восприятия страны-донора. При этом подчеркивается, что эффективность таких программ во многом определяется их адаптированностью к конкретным региональным и социокультурным условиям.

В целом, степень изученности вопроса проявления стратегии мягкой силы в образовательных системах Китая и России можно охарактеризовать как умеренную, с тенденцией к росту интереса в последние годы. Однако существует ряд областей, требующих дальнейшего исследования. В частности, недостаточно изучены долгосрочные эффекты образовательных программ на формирование внешнеполитических предпочтений их участников, а также влияние цифровизации образования на стратегии мягкой силы. Кроме того, существует потребность в более детальном анализе региональных различий в восприятии образовательных инициатив Китая и России, а также в исследовании взаимодействия образовательных стратегий мягкой силы с другими инструментами внешней политики. Эти аспекты представляют собой перспективные направления для будущих исследований в данной области.

Объект исследования – «мягкая сила» в образовательной сфере.

³² Gallarotti G. M. The Power Curse: Influence and Illusion in World Politics. Lynne Rienner Pub, 2009. 209 p.

³³ Леонова О. Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель – Observer. 2015. № 2 (301). С. 80–89.

Предмет исследования — особенности политики «мягкой силы» в образовательной сфере Китая и России.

Цель исследования — через сравнительный анализ выявить особенности «мягкой силы» в образовательной сфере Китая и России.

Задачи исследования:

1. Изучить понятие, сущность и функции мягкой силы как категории.
2. Выявить специфику концептуализации категории мягкой силы в политической науке.
3. Установить особенности интерпретации категории мягкой силы в китайской политической науке.
4. Охарактеризовать особенности политики мягкой силы Китая в образовательной сфере.
5. Проанализировать особенности российской политики мягкой силы в образовательной сфере.
6. Установить сходства и различия политики мягкой силы Китая и России в образовательной сфере.
7. Дать оценку состоянию и перспективам развития китайско-российских отношений в образовательной сфере.

Хронологические рамки исследования: исследование охватывает временные рамки с 2005 по 2024 годы.

Начало исследования с 2005 г. обусловлено тем, что именно в этот период наблюдается активное развитие образовательных инициатив, направленных на повышение международного имиджа как России, так и Китая. С этого времени усилилась институциональная поддержка программ культурного обмена и образовательных партнерств, что отражает переход к более осознанному использованию «мягкой силы» в образовательной политике. Кроме того, начиная с 2005 года, появляются первые эмпирические исследования и практические примеры интеграции образовательных стратегий в государственную внешнюю политику. Таким образом, выбранный период

позволяет проследить эволюцию концепции мягкой силы в образовании и её влияние на международные отношения в условиях глобальных трансформаций.

Наиболее существенные научные результаты и их новизна:

- осуществлен комплексный сравнительный анализ стратегий «мягкой силы» в образовательной сфере двух крупных геополитических игроков – России и Китая, что является одной из первых попыток подобного исследования;
- раскрыта специфика концептуализации категории мягкой силы в политической науке;
- выявлены уникальные черты и отличительные особенности, а также общие тенденции в образовательных стратегиях двух стран с различными культурными и политическими традициями;
- установлены сходства и различия между политикой мягкой силы Китая и России в сфере образования;
- предложена авторская методологическая модель для оценки эффективности образовательных инструментов «мягкой силы», интегрирующая количественные показатели (например, число иностранных студентов и объемы финансирования образовательных программ) с качественными параметрами (изменения восприятия страны, долгосрочные эффекты на карьерные траектории выпускников);
- дана оценка состояния и перспектив развития китайско-российских отношений в образовательной сфере, а также образовательных инициатив, направленные на формирование «мягкой силы» государства в глобальном образовательном пространстве.

Теоретическая и практическая значимость исследования:

Исследование вносит вклад в теоретическое осмысление концепции мягкой силы, предлагая новую типологию образовательных инструментов мягкой силы, основанную на их целевой аудитории, механизмах воздействия и ожидаемых результатах. Эта типология может быть применена не только к России и Китаю, но и к другим странам, активно использующим образование

как инструмент мягкой силы. Также предложен авторский взгляд на взаимосвязь между образовательными стратегиями мягкой силы и более широкими геополитическими целями государств. Исследование демонстрирует, как образовательные инициативы интегрируются в общую внешнеполитическую стратегию и как они адаптируются к меняющимся глобальным условиям, включая цифровизацию образования и геополитическую напряженность.

С точки зрения практического применения результаты исследования могут быть использованы при разработке и корректировке образовательных стратегий России и Китая, а также других стран, стремящихся усилить свое влияние через образовательные инициативы. Предложенная методология оценки эффективности образовательных инструментов мягкой силы может быть применена практиками для мониторинга и оптимизации существующих программ. Анализ, представленный в исследовании, позволяет прогнозировать будущие тенденции в области международного образования и образовательной дипломатии. Понимание механизмов образовательной мягкой силы может способствовать улучшению межкультурного диалога и международного академического сотрудничества. Результаты исследования также могут быть полезны университетам и другим образовательным учреждениям для разработки стратегий интернационализации и привлечения иностранных студентов. Понимание механизмов влияния образовательных программ на формирование мягкой силы может помочь оптимизировать инвестиции в международные образовательные инициативы.

Методология и методы диссертационного исследования включают неинституциональный подход, позволяющий проанализировать исторический и социокультурный контекст, влияющий на формирование политики мягкой силы в образовательных стратегиях, а также выявить особенности российского и китайского подходов в данном вопросе. Институциональный подход позволяет проанализировать специфику реализации Россией и Китаем стратегии мягкой силы в образовательной сфере через конкретные институты,

учреждения и организации. Структурно-функциональный подход используется для анализа стратегий мягкой силы двух стран в образовательной сфере в ходе их реализации. Системный подход позволил показать политику российских и китайских властей по внедрению мягкой силы в сфере образования как комплексную стратегию. В работе использовались описательный, прогностический, диалектический и аналитический методы исследования. Кроме того, в работе также используется сравнительный метод для выявления общих черт и различий в подходах к использованию мягкой силы в образовательной сфере России и Китая в зависимости от национальных интересов и геополитических целей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Мягкая сила отражает способность государства влиять на предпочтения других в силу присущей ему привлекательности, охватывающую такие элементы, как культура, политические ценности и внешняя политика. Технологии «мягкой силы» представляют собой важный компонент современного государственного управления и реализации национальных интересов. Эффективность «мягкой силы» зависит от гармонизации внешних и внутренних факторов государства, включая геополитическое положение, цивилизационное наследие, политические и экономические модели, стратегические планы развития, коммуникативные возможности, идеологию, социальные стандарты, ценности, национальный этос, культурное самовыражение.

2. Концептуализация категории мягкой силы в политической науке нашла отражение в ряде теоретических конструкций: модель реляционной власти; взаимосвязь мягкой силы и публичной дипломатии; стратегическая нарративная теория; идея мягкого силового капитала; критический теоретический подход; сетевая перспектива применения мягкой силы; специфика проявления мягкой силы в «незападных» контекстах; проявление мягкой силы в среде цифровой коммуникации и др. Актуальные тенденции дальнейшей концептуализации мягкой силы включают в себя: уточнение

критериев измерений; проведение контекстуального анализа; оценку роли негосударственных субъектов; рассмотрение мягкой силы с точки зрения критического подхода; разработку понятия «цифровая мягкая сила».

3. Интерпретация и развитие концепции мягкой силы в китайской политической науке отражают динамичный процесс взаимодействия с западными идеями, переосмысления через призму китайской культуры и философии и практического применения во внешней политике. По мере того, как КНР продолжает расти как мировая держава, ее подход к мягкой силе формируется как внутренними приоритетами, так и международными реалиями. Поскольку мир переживает эпоху быстрых перемен и динамики глобальной власти, китайская интерпретация мягкой силы, несомненно, продолжит оставаться предметом пристального научного интереса и практического значения.

4. Политика мягкой силы Китая в сфере образования представляет собой многогранную и динамичную стратегию по усилению его глобального влияния и культурной привлекательности. Поскольку Китай продолжает развивать принципы мягкой силы в образовательной системе, международные проекты будут и в дальнейшем влиять на общую направленность политики в этой сфере, формируя роль страны в глобальной экономике знаний. Продолжающаяся эволюция этой стратегии, вероятно, сыграет решающую роль в формировании позиции Китая на мировой арене в ближайшие десятилетия.

5. Политика мягкой силы России в образовательной системе представляет собой сложную и развивающуюся стратегию, которая сочетает историческое наследие с современными геополитическими целями. Успех этой стратегии будет зависеть от способности России адаптироваться к меняющейся глобальной повестке, сбалансировать государственное участие с органической культурной привлекательностью и предложить образовательные возможности, которые являются одновременно востребованными и актуальными для международной аудитории.

6. Анализ сходств и различий в политике мягкой силы Китая и России в образовательной сфере показывает, что обе страны признают важность высшего образования как инструмента международного влияния и активно разрабатывают свои стратегии в этой области. Однако существуют существенные различия в масштабах, подходах и приоритетах этих стратегий. Обе страны в ближайшей перспективе столкнутся с новыми вызовами, к которым относятся: а) баланс между продвижением национальных интересов и принципами академической свободы; б) адаптация к растущей цифровизации образования; в) устранение геополитической напряженности, которая может повлиять на образовательные обмены и сотрудничество; г) конкуренция с устоявшимися западными образовательными учреждениями и новыми образовательными центрами в других частях мира; д) обеспечение качества и актуальности своих образовательных предложений на быстро меняющемся мировом рынке труда.

7. Китайско-российские отношения в сфере образования достигли значительных успехов в последние годы, что отражает широкое стратегическое партнерство между двумя странами. Будущее китайско-российских образовательных отношений будет зависеть от способности обеих стран использовать свои взаимодополняющие сильные стороны, решать существующие проблемы и адаптироваться к новым глобальным тенденциям в образовании. Углубление китайско-российских образовательных связей может внести значительный вклад в развитие человеческого капитала обеих стран, усилить их мягкую силу на мировой арене.

Достоверность результатов исследования обеспечивается применением обоснованной методологии, а также использованием обширной теоретической и эмпирической базы, включающей обзоры научных статей, материалов научно-практических конференций, онлайн-медиа, контент интернет-СМИ (на русском, английском, китайском языке), а также других открытых информационных источников, связанных с темой исследования.

Апробация результатов исследования. Результаты работы представлены в 6 научных публикациях, 3 из которых изданы в журналах, рекомендованных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ. Основные положения диссертации излагались и обсуждались на 3 международных и всероссийских конференциях в г. Петрозаводске (декабрь 2024), г. Самаре (январь, февраль 2025).

Диссертация обсуждена на заседании кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и рекомендована к защите.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, заключения, списка литературы, содержащего 160 названий. Общий объем работы – 178 стр.

Глава I. Теоретические основы исследования «мягкой силы»

1.1. «Мягкая сила»: понятие, сущность, функции

Углубленный анализ современных исследований концептуальных основ, лежащих в основе стратегий межгосударственной конфронтации, показывает сложную разработку не прямых действий и использование «мягкой силы» в качестве технологий ведения геополитической борьбы. Эти стратегии направлены на установление всеобъемлющего контроля как над внутренними делами, так и над внешней политикой целевых стран, оказывая влияние на различные сферы, включая политическое руководство, оборону, культуру, социально-экономическую сферу и идеологию. Такие стратегии межгосударственной конфронтации проявляются не только в открытых конфликтах, но и в тайных операциях, в ходе которых страны-агрессоры и страны-жертвы поддерживают, казалось бы, нормальные дипломатические и экономические отношения.

Среди исследователей, оказавших заметное влияние на развитие теоретических основ и практических применений концепции «мягкой силы», выделяются имена таких ученых, как Х. Эйвери, Ли Минхиан, М. Куналак, Ю. Давыдова, С. Картунова, П. Паршин, В. Капицына, В. Изотова, Г. Филимонова, С. Цатурян, Э. Опенк и другие. Их публикации способствовали глубокому анализу многообразных механизмов, лежащих в основе данного феномена, и позволили осветить, каким образом стратегии мягкой силы находят свое отражение в условиях современной геополитики. В своих исследованиях авторы не только изучают взаимосвязь культурных, экономических и социальных факторов, но и демонстрируют, как эти элементы влияют на

формирование международных отношений. Благодаря системному подходу и междисциплинарному анализу, их работы обогащают теоретическую базу, позволяя выявить скрытые резервы для эффективного использования мягкой силы в различных стратегических сценариях.

Параллельно с этим, другой круг ученых, сосредоточившихся на разработке концепции «разумной силы», предложил свежие взгляды на интеграцию рациональных стратегий в общую систему межгосударственного взаимодействия. Среди них можно отметить С. Носсела, В. Коэна, Т. Карпентье, К. Вейтона, Д. Пинто, Дж. Ная и их коллег, чьи исследования вносят существенный вклад в понимание того, как разумное применение силы может стать важным инструментом в решении конфликтов и установлении прочных международных партнерств. Их труды подробно рассматривают принципы и практические аспекты применения «разумной силы», выделяя ее роль в стратегическом управлении и выстраивании эффективных отношений между странами. Анализируя реальные примеры и интерпретируя современные вызовы, они предлагают новые методологические подходы, что позволяет не только расширить теоретические рамки, но и найти практические решения для устойчивого развития международных отношений в условиях глобальной изменчивости.

В современной науке о международных отношениях понятие «силы» занимает центральное место, оставаясь одним из основных аналитических инструментов в арсенале как государственных, так и негосударственных акторов. На протяжении всей истории этот термин играл роль ключевого элемента, определяющего стратегию и тактику внешнеполитических решений. Сегодня же, несмотря на его очевидное значение, определение и интерпретация силы остаются предметом сложных дискуссий в академической среде. Современные исследователи отмечают, что понятие власти в международном контексте многогранно и подвержено влиянию различных культурных, политических и экономических факторов. Это обуславливает появление множества теоретических подходов, где каждый из них предлагает свой взгляд

на сущность и роль силы в глобальных процессах. В результате, несмотря на очевидное значение концепции, единая трактовка остается недостижимой, что вызывает необходимость дальнейшего глубокого анализа и уточнения критериев оценки. Выдающийся американский политолог и родоначальник политического реализма Ханс Моргентау подчеркнул сложность и спорный характер этой концепции, заявив, что «концепция силы является одной из самых сложных и противоречивых проблем в политической науке»³⁴.

Классическая формулировка понятия «сила» в политологии приписывается американскому политологу Роберту Далю, основополагающей фигуре в концептуализации плюралистической демократии. Даль определяет силу как «способность одного действующего лица заставить другого действующего лица действовать так, как в любом другом случае он бы не действовал»³⁵. Это расширительное определение власти породило обширный научный дискурс относительно методов, условий и ресурсов, с помощью которых субъект может применять силу для достижения своих внешнеполитических целей.

Традиционно понятие силы субъекта приравнивалось преимущественно к его военным возможностям. Примечательным среди сторонников этой точки зрения в XX веке является американский военный теоретик Клаус Норр. Он утверждает, что «силу во внешнем мире можно рассматривать как обладание способностями, которые позволяют субъекту выдвигать заслуживающие доверия угрозы. Но ее также можно интерпретировать как фактическую реализацию влияния на поведение стороны, которой угрожают»³⁶. Хотя эта интерпретация оставалась укоренившейся в рамках межгосударственных отношений в течение значительного периода времени, она постепенно начала терять актуальность с появлением либеральной школы международных исследований. Ограничения, присущие этому подходу, становились все более

³⁴ Morgenthau H. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 3rd edn. NY: Knopf, 1985, p. 27.

³⁵ Dahl R. A. *The Concept of Power* // *Behavioral Science*. 1957. Vol. 2. № 3. P. 201.

³⁶ Knorr K. *The Power of Nations*. New York: Basic Books, 1975. P. 9.

очевидными в середине XIX – начале XX веков, что совпало со значительными преобразованиями в сфере международных отношений.

Меняющийся характер динамики международных отношений требует всесторонней переоценки концепции силы. Помимо традиционной военной мощи, сила в современных международных отношениях охватывает экономическое влияние, дипломатический потенциал, культурную привлекательность и технологический прогресс. Следовательно, понимание власти вышло за рамки общепринятых понятий и сейчас включает в себя такие элементы, как убеждение, привлекательность и идеологическая ориентация.

В современной международной политической мысли появились новые подходы к концептуализации понятия силы. В рамках политического реализма категория «сила» играет фундаментальную роль в формировании динамики международных отношений. Согласно принципам реализма, международная политика, по сути, функционирует как сфера, в которой доминирует динамика силы. Государства, как основные действующие лица на международной арене, обладают необходимыми ресурсами, чтобы обладать силой и влиять на поведение других действующих лиц в преследовании своих собственных интересов. Оценки силовых возможностей формирует основу восприятия государствами глобального пространства.

Реалисты утверждают, что государства выступают в качестве основных носителей власти в международных отношениях, обладая материальными и стратегическими ресурсами, необходимыми для утверждения господства над другими субъектами. В то время как отдельные лица, общественные организации и многонациональные корпорации могут играть определенную роль в международных делах, их влияние и способность к проецированию власти ограничены такими факторами, как масштаб, ресурсы и легитимность³⁷.

Арнольд Вулферс, ключевая фигура в этом дискурсе, очертил различия между понятиями «сила» и «влияние». Хотя оба концепта направлены на изменение поведения других субъектов в свою пользу, они различаются по

³⁷ Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 3rd edn. NY: Knopf, 1985, p. 27.

своим методологиям: сила опирается на принуждение, в то время как влияние использует убеждение. Вулферс заметил, что граница между силой и влиянием не всегда четкая, поскольку инструменты внешней политики часто сочетают элементы как принуждения, так и убеждения³⁸. Следовательно, реалистическая концепция власти эволюционировала, чтобы охватить как принудительные, так и убеждающие аспекты, заключая в себе представление о том, что сила проявляется через способность принуждать или убеждать других придерживаться своих интересов. Генри Киссинджер в дальнейшем воплотил это расширенное понимание силы, кратко определив ее как «влияние», тем самым подчеркнув тонкое взаимодействие между принуждением и убеждением в сфере международных отношений³⁹.

Раймон Арон, выдающийся французский исследователь, значительно обогатил понимание силы в рамках политического реализма. Он ввел тонкие различия не только между понятиями «сила» и «влияние» в международной политике, но и провел разграничение между «силой» и «могуществом», «принуждением» и «властью», а также динамикой «силы» в рамках властных отношений. Концептуализация Арона выходила за рамки международной политики, охватывая тонкости внутригосударственной динамики власти. Для Арона проявление силы наблюдается, когда государственный аппарат берет на себя контроль над обществом. Он выделил несколько элементов, составляющих власть, включая территориальный контроль, монополию на законное физическое принуждение и институциональные структуры. Арон далее проводил различие между потенциальными и реальными силами государства. Потенциальные силы охватывают материальные, человеческие и моральные ресурсы, имеющиеся в распоряжении государства, в то время как актуализация этих ресурсов воплощается в его вооружениях и военном потенциале⁴⁰.

³⁸ Wolfers A. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. 283 p.

³⁹ Kissinger H. *American Foreign Policy*. 3d ed. New York: W. W. Norton & Co., 1977. P. 57.

⁴⁰ Aron R. *Machiavel et les tyrannies modernes*. Paris: Editions de Fallois, 1993. 418 p.; Aron R. *Peace and War: A Theory of International Relations*. L.: Routledge, 2003. 820 p.

В рамках либеральной традиции исследования международных отношений особый акцент делается на изучении происхождения и объема «силы». Основываясь на вере в потенциал регулирования международных отношений с помощью правовых рамок и специализированных организаций, сторонники либеральной школы отвергают преобладающую военную интерпретацию силы. Согласно либеральной традиции, узкая ориентация на военные аспекты силы создает значительные риски для человечества. Участвуя в безжалостной конкуренции за энергетические ресурсы, мировое сообщество рискует самоуничтожиться. Глубинные причины конфликтов часто выходят за рамки территориальных споров или конкуренции за ресурсы; психологические мотивы, такие как потребность в национальном престиже и превосходстве, стимулируют агрессивное поведение международных субъектов⁴¹.

В либеральных рамках концепция силы существует в рамках более широкого мировоззрения, которое выступает за коллективные усилия международных субъектов для обеспечения взаимной безопасности и процветания. Стремление к политике силы, рассматриваемое через призму либерализма, сопряжено с неотъемлемыми рисками и, в конечном итоге, может привести к саморазрушительным результатам. Разрешение конфликтов, с этой точки зрения, требует взаимных соглашений и уступок, а не обращения к войне.

Либеральные ученые подчеркивают различия между двумя типами власти: властью, основанной на ресурсах, и властью поведенческой. Первая относится к количеству и качеству ресурсов, доступных международному субъекту, в то время как вторая относится к способности достигать желаемых результатов. В своей основополагающей работе «Власть и взаимозависимость: переходный период мировой политики» Коэн и Най описывают, как динамика власти формируется взаимозависимостью между акторами. Взаимосвязанность

⁴¹ Cohen C., Nye J.S., Armitage R.. A Smarter, More Secure America. Report of the CSIS Commission on Smart Power. URL: <http://csis.org/publication/smartermore-secure-america>

делает отношения ценными, поскольку статус и влияние действующих лиц зависят от характера и глубины этих отношений⁴².

В рамках парадигмы структурализма была предпринята попытка переоценить интерпретацию понятия «власть» в международных отношениях. По мере того, как XX век подходил к концу, международная система претерпевала преобразования, ознаменованные началом глобализации, характеризующейся усилением экономических, научных, технологических и культурных взаимосвязей. Одновременно такие события, как кризис в Персидском заливе и война в Югославии, подчеркнули непреходящее значение военной мощи во внешнеполитических стратегиях глобальных игроков. Чтобы охватить многогранные аспекты современной международной системы, ученые, придерживающиеся структуралистских взглядов, ввели в свой дискурс понятие «структурная сила»⁴³, которое охватывает удовлетворение четырех фундаментальных социальных потребностей, лежащих в основе современной экономики: безопасность (включая обороноспособность), знания, производство и финансы.

Развивающаяся динамика мировой экономики глубоко изменила взаимодействие между международными субъектами. Следовательно, сила государств, транснациональных корпораций, международных организаций и даже нетрадиционных образований, таких как террористические группы, идеи, технологии и финансовые инструменты, зависит от характеристик и функционирования глобальной экономической системы. В этой эволюционирующей парадигме выдающимся игроком является организация, способная аккумулировать максимум ресурсов и эффективно управлять ими во всех четырех измерениях глобальной экономики. Согласно Сьюзен Стрэндж⁴⁴, США в настоящее время занимают эту позицию, выступая в качестве

⁴² Keohane R., Nye J. Jr. Power and interdependence in the information age // *Foreign Affairs*. 1998. Vol. 77. № 5. P. 81–94.

⁴³ Barnett M., Duvall R. Power in Global Governance. Barnett M., Duvall R., eds. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, pp. 1–32.

⁴⁴ Strange S. Towards a Theory of Transnational Empire // E. O. Czempiel and J. N. Rosenau (eds.). *Global Changes and Theoretical Challenges: Approaches to World Politics for the 1990s*. Lexington: Lexington Books, 1989. P. 45–65.

эпицентра транснациональной финансовой империи. В конструктивистской интерпретации власть выходит за рамки простого физического принуждения; скорее, означая способность создавать новые социальные структуры, которые способствуют консолидации и объективации желаемых представлений в международной среде, тем самым влияя на идентичность, мотивацию и поведение других акторов.

Школа геополитики представляет собой еще одно важное направление в изучении международных отношений, в котором категория политической силы приобретает первостепенное значение. В отличие от реалистической точки зрения, геополитика фокусирует свое внимание на географических и геоэкономических детерминантах государственной власти. Такие деятели, как Ф. Ратцель и Р. Челлен, утверждали, что глобальное влияние страны зависит от ее географического положения и экономической географии. Для Ратцеля и Челлена территория государства, его природные богатства и близость к другим крупным державам являются основными источниками власти. Более того, территории, стратегически выгодные с экономической и политической точек зрения, становятся законными целями для военных действий, поскольку расширение «жизненного пространства» считается естественным императивом в международных отношениях⁴⁵.

Х. Маккиндер, выдающаяся фигура в геополитике, подчеркивал центральную роль географического положения государства как его наиболее важного источника силы и могущества. Его теория, основанная на дихотомии моря и суши, классифицировала государства либо как морские, либо как наземные. Маккиндер утверждал, что морские государства, имеющие доступ к морю, обладают большим внешнеполитическим влиянием и переживают более быстрое развитие по сравнению со своими коллегами, не имеющими выхода к морю. Он концептуализировал мир как состоящий из трех основных регионов: Хартленда (центральная часть суши), Внутреннего Полумесяца (прибрежные

⁴⁵ Ratzel F. Die Gesetze des raumlichen Wachstums der Staaten. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen politischen Geographie // Petermanns Geographische Mitteilungen. 1896. № 42. P. 97–107

районы) и Мирового острова (внешние континентальные массивы суши). Маккиндер утверждал, что глобальное господство основывается на контроле над Хартлендом⁴⁶.

К концу XX века научный дискурс в сфере международных отношений начал признавать необходимость более широкого толкования понятия «власть». Традиционное представление о власти исключительно как о военной мощи стало неадекватным перед лицом глобализации, что побудило ученых из различных теоретических школ – реализма, либерализма и структурализма – выступать за более полное понимание динамики силы в международных делах. Следовательно, исследователи стремились вникнуть в многогранные аспекты и проявления власти и силы.

В конце 1980-х годов Джозеф Най, профессор Гарвардского университета, ввел концепцию «мягкой силы». Дж. Най охарактеризовал мягкую силу как способность государства влиять на предпочтения других в силу присущей ему привлекательности, охватывающую такие элементы, как культура, политические ценности и внешняя политика, которые избегают насильственного принуждения. Он очертил дихотомию между «жесткой» и «мягкой» силой, причем первая обозначает способность государства отстаивать свои внешнеполитические интересы военными и экономическими средствами, в то время как вторая предполагает привлечение других посредством культурной и идеологической привлекательности.

Мягкая сила, по концепции Дж. Ная, действует посредством привлечения, а не принуждения, используя методы, которые вдохновляют и притягивают для достижения желаемых результатов. Она обращается к нематериальным ресурсам, таким как культура, идеология и социальные институты, для оказания влияния, противодействуя материальным ресурсам, связанным с жесткой властью (военная доблесть и экономическая мощь). Дж. Най выделил несколько ключевых компонентов или «столпов» мягкой силы. Главным из них

⁴⁶ Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. Strategic Narratives. Communication Power and the New World Order. New York: Routledge, 2013. 224 p

является привлекательность американской культуры и образа жизни, примером которой являются такие показатели, как уровень иммиграции, продукция СМИ, популярность музыки и академические достижения. Вторым столпом является американская политическая идеология, которая продвигает такие ценности, как либеральная демократия и принципы свободного рынка, которые находят отклик во многих странах мира. США стремятся распространить эти нормативные идеалы с помощью механизмов мягкой силы, воздерживаясь от навязывания с помощью традиционной силы, но представляя их в качестве привлекательных альтернатив.

Чтобы укрепить «мягкую силу», Дж. Най предложил Государственному департаменту США содействовать программам культурного обмена, способным подчеркнуть ненасильственные аспекты американских ценностей и культуры. Кроме того, спонсируемые правительством теле- и радиопередачи должны были способствовать укреплению доверия к Америке и ее «мягкой силе» за рубежом. По сути, появление «мягкой силы» означает смену парадигмы в понимании динамики международного влияния, подчеркивая убедительную силу культуры, идеологии и общих ценностей в формировании глобальных отношений⁴⁷.

В рамках концепции мягкой силы Джозефа Нае дипломатические усилия, направленные на разрешение кризисов, имеют приоритет над карательными мерами или военным вмешательством. Най подчеркивает важность усилий на низовом уровне, делая упор на развитие прочных отношений, а не на внешнее навязывание. Он декларирует ключевую роль неправительственных организаций (НПО) в отстаивании государственных интересов за рубежом. Согласно Наю, гражданское общество, охватывающее все сферы (от Голливуда до академических кругов), служит мощным каналом для распространения национальных ценностей и идеалов, повышения привлекательности страны на мировой арене.

⁴⁷ Nye J. Bound to lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990. 336 p; Nye J. Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford: Oxford University Press, 2002. 240 p.

В контексте данной концепции распространение информации приобретает первостепенное значение в пропаганде мягкой силы. Най устанавливает прямую корреляцию между информационной эпохой и преобладанием мягкой силы как прагматического инструмента в глобальной политике. Технологические достижения в области коммуникации способствуют распространению культурных ценностей и политических нарративов, усиливая влияние «мягкой силы» нации.

По мнению Най, распространение мягкой силы зависит от внутренней привлекательности страны, а не от принудительной силы. Основные принципы западного мира, воплощенные в таких принципах, как свобода личности, социальная мобильность и политическая открытость, составляют основу проецирования мягкой силы. Доступ к высшему образованию, политическая инклюзивность и культурная динамика являются ключевыми атрибутами, повышающими привлекательность и силу нации⁴⁸.

Со временем Най усовершенствовал и детализировал концептуальную основу мягкой силы, предоставив ученым тонкое понимание ее различных компонентов. Изначально задуманная как инструмент американской внешней политики, мягкая сила превратилась в научную дисциплину, дающую представление о динамике международного гуманитарного сотрудничества.

Однако траектория дискурса о мягкой силе претерпела кардинальный сдвиг после событий 11 сентября 2001 года, которые привели к пересмотру приоритетов американской внешней политики в направлении борьбы с глобальным терроризмом. Этот сдвиг парадигмы породил переоценку парадигмы мягкой силы, что привело к формулированию более всеобъемлющей концепции, названной «разумная сила». Дж. Най предложил «разумную силу» как целостный подход, который объединяет ресурсы как мягкой, так и жесткой силы для эффективного достижения целей внешней политики.

По сути, эволюция от «мягкой силы» к «разумной силе» подчеркивает динамичный характер теории международных отношений, отражая

⁴⁸ Nye J. Jr. Soft power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affaires, 2004. 208 p.

необходимость адаптации теоретических основ к современным геополитическим реалиям. Концептуальные инновации Дж. Най подчеркивают необходимость тонкого, многогранного подхода к проецированию силы в современном мире.

Под эгидой американского Центра стратегических и международных исследований в 2006 году была создана специальная комиссия, которая в 2007 году представила свой знаменитый аналитический доклад. В документе, разработчиками которого считаются Дж. Най и Р. Армитидж, концепция «разумной силы» воплощает комплексное использование различных источников «мягкой силы» в международных отношениях, отличающихся своей независимостью от прямого государственного контроля. Эти источники охватывают частное предпринимательство, инициативы гражданского общества, двусторонние соглашения и консультации в рамках многосторонних международных организаций. В отличие от прямолинейных механизмов «жесткой силы», которые облегчают достижение целей путем принуждения, «разумная сила» основана на достижении консенсуса и гармоничном объединении элементов мягкой силы⁴⁹.

Усиление напряженности в отношениях между СССР и США в 1980-е годы привело к переоценке понятия «гражданская сила». На фоне возрождения политического реализма, олицетворяемого британским экспертом австралийского происхождения Хэдли Буллом⁵⁰, концепция «гражданской власти» в Европе подверглась пристальному изучению. Булл утверждал, что предполагаемое «прогрессивное мышление» Европы основано на шатком фундаменте, поскольку ее могущество исходит, в первую очередь, от военной мощи входящих в нее государств, а не от самого Европейского сообщества. Он выступал за уменьшение зависимости Европы от поддержки США и за

⁴⁹ Cohen C., Nye J.S., Armitage R.. A Smarter, More Secure America. Report of the CSIS Commission on Smart Power. URL: <http://csis.org/publication/smartermore-secure-america> (дата обращения: 14.01.2025).

⁵⁰ Булл Х. Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике // Антология мировой политической мысли. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX века. М., 1997. С. 802–805; Булл Х. Теория международных отношений: пример классического подхода // Теория международных отношений : хрестоматия / под ред. П.А. Цыганкова. М. : Гардарики, 2002. С. 187–200.

большую самодостаточность в вопросах обороны. Это стремление к укреплению военного измерения Европейского союза достигло кульминации в создании Европейской политики безопасности и обороны (ESDP) в 1999 году. В ответ на критику концепции «гражданской силы» датский политолог Ян Мэннерс в 2002 году ввел понятие «нормативной силы»⁵¹. Мэннерс предположил, что сила Европейского союза заключается в его способности формировать международные нормы. Он утверждал, что глобальные политические преобразования потребовали переоценки традиционной дихотомии между «гражданской» и «военной» силой, утверждая, что мощь ЕС выходит за рамки экономической и военной сфер, вместо этого находя отклик в идеях, ценностях и совести. Однако парадигма «нормативной силы» подвергается критике за свою теоретическую непоследовательность, особенно в отношении расхождения между ее идеалистической предпосылкой и практическим применением.

Позже Мэннерс усовершенствовал концепцию «нормативной силы», выделив три различных подхода к ее интерпретации: нормативная международная теория, концептуализация силы как атрибута действующего лица и ее отражение в международной идентичности действующего лица. Однако соотношение между «нормативной силой» и другими формами власти, в частности «мягкой силой», остается предметом споров. В то время как «мягкая сила» охватывает косвенное влияние для достижения долгосрочных стратегических целей, «нормативная сила» рассматривается как теоретическая конструкция, которая подчеркивает нормативные практики и социальное распространение, в отличие от инструментов внешней политики, направленных на продвижение национальных интересов⁵².

По сути, хотя «мягкая сила» и «нормативная сила» имеют концептуальное сходство, последняя позиционируется как теоретическая

⁵¹ Manners I. Normative power Europe: A contradiction in terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40, N 2. P. 235–258.

⁵² Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40. Issue 2. P. 235–258.

основа, очерчивающая нормативную практику, а не как эмпирический инструмент внешней политики. Это различие подчеркивает тонкую природу динамики власти в международных отношениях и многогранный характер современных парадигм власти.

С концепциями «мягкой» и «разумной» силы пересекается дискурс «публичная дипломатия». Публичная дипломатия, как феномен политической практики, привлекает все большее внимание как в концептуальном, так и в прикладном научном контексте в связи с растущим разнообразием форматов трансграничной коммуникации и активизацией усилий современных государств по повышению привлекательности своей внешней политики для иностранной аудитории.

Хотя термин «публичная дипломатия» не является новым, его современная интерпретация расходится с его первоначальными семантическими коннотациями. В разгар холодной войны в середине XX века американские журналисты и интеллектуалы использовали термин «публичная дипломатия», чтобы вытеснить более негативно окрашенный термин «пропаганда» в западном дискурсе. Этот лингвистический сдвиг отразил более широкие усилия по пересмотру стратегий дипломатической коммуникации в контексте идеологической конкуренции.

Эволюция публичной дипломатии в США потребовала систематического и теоретического понимания ее эволюционирующей природы. В 1965 году американский ученый Э. Гуллион предложил определение публичной дипломатии как расширения традиционной дипломатии, охватывающего средства, с помощью которых правительства и частные организации влияют на мнения и установки иностранных правительств и народов для формирования их внешнеполитических решений. Гуллион подчеркнул центральную роль транснационального потока информации и идей в публичной дипломатии. Во время холодной войны практика публичной дипломатии в США часто склонялась к пропагандистским усилиям, воспринимавшимся как жизненно важный инструмент в оборонном арсенале страны. Однако с окончанием

холодной войны подход к публичной дипломатии сместился от жестких пропагандистских стратегий к более тонким и учитывающим культурные особенности методам. Публичная дипломатия эволюционировала в более мягкую, диалогичную форму, направленную на распространение западных ценностей, продвижение массовой культуры и содействие диалогу с формирующимися постсоветскими государствами и странами Восточной Европы⁵³. Эта постбиполярная адаптация публичной дипломатии распространила свою привлекательность за пределы американского дискурса, привлекая внимание ученых по всему миру. Хотя этот термин приобрел популярность в международном дискурсе, его определения остаются изменчивыми, отражая различные цели и способы его реализации.

В политологии публичная дипломатия часто рассматривается в контексте неолиберальных концепций, таких как «мягкая сила», сформулированная Дж. Наем. Мягкая сила, определяемая как способность формировать предпочтения, не прибегая к принуждению или стимулам, подчеркивает важность культуры, политических ценностей и внешней политики для оказания влияния на зарубежные общества. Публичная дипломатия служит каналом передачи этих компонентов зарубежной аудитории, тем самым повышая привлекательность государства и его влияние на мировой арене. По сути, публичная дипломатия представляет собой стратегический императив для государств, стремящихся проецировать свои ценности и идеалы за пределы своих границ. Ее эволюция отражает более широкие сдвиги в международных отношениях и подчеркивает сложное взаимодействие между коммуникацией, культурой и властью в современном геополитическом ландшафте.

Современные ученые В. Коган и М. Гринберг подразделяют аспекты «мягкой силы» на краткосрочные и долгосрочные инструменты, подчеркивая ключевую роль средств массовой информации, особенно глобальных новостных телеканалов, в краткосрочной сфере. Этот акцент обусловлен

⁵³ Hunter A. Soft Power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics. 2009. Vol. 2. P. 378–379.

несколькими факторами, включая непреходящее значение телевидения как источника информации, глобальный охват телевизионных новостей по национальным и международным проблемам и растущее разнообразие участников глобальной информационной сферы, охватывающей как государственные, так и коммерческие каналы⁵⁴.

Концепция «глобальных информационных войн» возникла для разъяснения различных подходов к распространению информации и представлению различных точек зрения глобальными телеканалами. Однако современное информационное поле претерпевает преобразования, которые выходят за рамки этого термина. Распространение новых платформ социальных сетей демократизировало распространение информации, сделав даже самые технологически развитые страны неспособными диктовать или регулировать информационный поток. Следовательно, многочисленные государства и неправительственные организации стремятся расширить свое присутствие в информационной сфере, оказывать влияние на ее содержание и формировать общественный дискурс по актуальным вопросам.

Развивающиеся тенденции в глобальной цивилизации подчеркивают растущее значение «мягкой силы» в более широких рамках динамики власти каждого государства. Сегодня фокус «мягкой силы» распространяется на глобальные социально-политические, экономические и культурные процессы, порождая новую систему мировой политики, характеризующуюся сетевыми структурами, которые вытесняют традиционные иерархические модели политических отношений. Следовательно, основная цель использования «мягкой силы» выходит за рамки продвижения национальных интересов и охватывает реализацию коалиционных, профсоюзных, многонациональных корпораций (ТНК), финансовых и информационных интересов⁵⁵.

Усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала порождают риски, связанные с незаконным и пагубным использованием

⁵⁴ Cohen W. S., Greenberg M. R. Smart power in US: China relations. Washington: CSIS, 2009. 41 p.

⁵⁵ Aron R. Peace and War: A Theory of International Relations. L.: Routledge, 2003. 820 p.

«мягкой силы». Эти риски проявляются в политическом принуждении к суверенным государствам, вмешательстве во внутренние дела, дестабилизации государственных систем, манипулировании общественным мнением и инструментализации гуманитарных проектов и проектов в области прав человека.

Таким образом, технологии «мягкой силы» представляют собой важный компонент современного государственного управления и реализации национальных интересов, воздействуя на аудиторию посредством реализации культурных, информационных и образовательных императивов. Культурные, информационные и образовательные аспекты составляют фундаментальные компоненты «мягкой силы», синергетически интегрирующие культурные инструменты с распространением информации, пропагандой, образовательными инициативами, технологическими достижениями и другими косвенными механизмами управления внешней политикой и глобальными процессами. Эффективность «мягкой силы» зависит от гармонизации внешних и внутренних факторов государства, включая внешнеполитическое мастерство, геополитическое положение, цивилизационное наследие, политические и экономические модели, стратегические планы развития, коммуникативные возможности, идеологию, социальные стандарты, ценности, национальный этос, культурное самовыражение и творческую изобретательность. Конвергенция внешних и внутренних факторов имеет решающее значение для создания привлекательного и резонансного имиджа страны на мировой арене, тем самым максимизируя потенциал продвижения национальных интересов по каналам «мягкой силы»⁵⁶.

Стратегическое применение «мягкой силы» основано на манипулировании как материальными, так и нематериальными факторами, с выделением двух способов восприятия: поверхностным, который охватывает внешние проявления, такие как образ жизни и поведение, и глубоким, который

⁵⁶ Peters M. A. China's belt and road initiative: Reshaping global higher education // Educational Philosophy and Theory. 2020. № 52 (6). P. 586–592.

проникает в сознание, подсознание, стереотипы и архетипы, оказывая постепенное и всепроникающее влияние о когнитивных структурах и социальных парадигмах. В конечном счете, эффективность «мягкой силы» зависит от стратегии развития государства, идеологических рамок, ценностной ориентации, привлекательности социальной системы, приверженности стратегическим императивам, сохранения исторического наследия, культурной динамичности и международного авторитета, которые в совокупности формируют нарратив и проекцию национальной идентичности на мировую арену.

1.2. Концептуализация категории «мягкой силы» в политической науке

С момента введения в научный оборот Д. Наем в конце 1980-х годов категория «мягкой силы» стала влиятельной концепцией для анализа способности стран формировать предпочтения других посредством привлечения, а не принуждения. Однако эта концепция остается спорной, и продолжаются дебаты о ее определении, измерении и полезности. Поэтому необходимо отследить развитие теоретических оснований мягкой силы, проанализировать касающиеся ее ключевые концептуальные вопросы, а также оценить ее текущий статус и будущие направления в политологических исследованиях.

Как отмечалось ранее, концепция мягкой силы становится все более заметной в дискурсе политологии и международных отношений с 1990-х годов. Как теоретическая конструкция, мягкая сила широко использовалась учеными и политиками для анализа влияния стран в международной системе за пределами традиционных мер материальных возможностей. Однако эта концепция остается спорной, продолжаются дискуссии о ее точном определении, измерении и эффективности в качестве объяснительной основы⁵⁷.

Для более глубокого понимания проблемы обратимся к первоначальной формулировке Дж. Нае, который утверждал, что в мире, который становится все более взаимосвязанным, способность формировать предпочтения других становится столь же важной, как и традиционные формы власти, основанные на военной и экономической мощи.

Традиционно, вслед за концепцией Дж. Нае, исследователями выделяется три основных источника мягкой силы:

1. Культура (когда она привлекательна для других политических субъектов). Например, всемирная популярность американских фильмов, музыки и моды вносит значительный вклад в мягкую силу Соединенных Штатов.

2. Политические ценности (когда они соблюдаются внутри страны и за рубежом). Ценности, которых придерживается страна, такие как демократия,

⁵⁷ Цыганков П. А. Политическая социология международных отношений. М. : РАДИКС, 1994. 320 с.

права человека и верховенство закона, могут вызывать восхищение и подражание. Страны, которые считаются оплотом этих ценностей, могут оказывать сильное влияние на другие государства.

3. Внешняя политика (когда она рассматривается как законная и имеющая моральный авторитет). Политика, способствующая международному сотрудничеству, миру и развитию, может привлечь поддержку и инициировать программы сотрудничества со стороны других стран.

Концепция мягкой силы получила дальнейшее теоретическое развитие в работах зарубежных авторов. Рассмотрим основные идеи, изложенные в них.

1. Модель реляционной власти, осмысленная в работе Джулио Галларотти «Проклятие власти: влияние и иллюзия в мировой политике», предлагает значительное теоретическое расширение мягкой силы. Галларотти анализирует модель реляционной силы, которая объединяет мягкую и жесткую силу. Он утверждает, что мягкая сила – это не просто отдельная форма силы, она тесно переплетена с жесткой силой сложными способами. Эта работа помогает ответить на критику искусственного разделения мягкой и жесткой силы⁵⁸.

Ключевая идея Галларотти заключается в том, что власть не является фиксированным атрибутом государства, а возникает и трансформируется в процессе взаимодействия между акторами международной системы. Это означает, что потенциал влияния страны может существенно варьироваться в зависимости от конкретной ситуации, целей и стратегий вовлеченных сторон.

Модель реляционной власти выделяет несколько ключевых положений:

– эффективность властных ресурсов зависит от конкретного контекста их применения. То, что может быть источником влияния в одной ситуации, может оказаться бесполезным или даже контрпродуктивным в другой;

⁵⁸ Gallarotti G. M. The Power Curse: Influence and Illusion in World Politics. Lynne Rienner Pub, 2009. 209 p.

- власть рассматривается не как односторонний процесс, а как результат сложных взаимодействий между государствами. Даже сильные державы зависят от кооперации и признания со стороны других акторов;

- важность нематериальных аспектов власти, таких как репутация, легитимность и способность формировать международную повестку дня;

- властные отношения постоянно эволюционируют, что требует от государств гибкости и адаптивности в своих стратегиях влияния.

Модель реляционной власти имеет важные импликации для анализа современной мировой политики. Она помогает объяснить, почему государства с меньшими материальными ресурсами иногда могут успешно противостоять более сильным державам или почему могущественные страны сталкиваются с неожиданными ограничениями своего влияния.

Этот подход также подчеркивает важность дипломатии, многосторонних институтов и «мягкой силы» в формировании международных отношений. По мнению Галларотти, государства, способные эффективно использовать широкий спектр инструментов влияния и адаптировать свои стратегии к меняющемуся контексту, имеют наибольшие шансы на успех в долгосрочной перспективе⁵⁹.

2. Взаимосвязь мягкой силы и публичной дипломатии рассмотрена в работе Яна Мелиссена «Новая публичная дипломатия: мягкая сила в международных отношениях». Мелиссен теоретизирует, как государства могут стратегически развивать мягкую силу посредством различных форм публичной дипломатии, обеспечивая более практическое применение теории мягкой силы⁶⁰.

Ключевые аспекты его анализа включают смещение фокуса от односторонней пропаганды к диалогу и взаимодействию с зарубежной аудиторией, расширение круга акторов с признанием роли негосударственных

⁵⁹ Gallarotti G. M. The Power Curse: Influence and Illusion in World Politics. Lynne Rienner Pub, 2009. 209 p.

⁶⁰ Melissen J. The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations. Palgrave Macmillan, 2005. 245 p.

субъектов в дипломатических процессах, учет технологического фактора и влияния новых коммуникационных технологий на дипломатическую практику. Мелиссен также подчеркивает важность культуры, ценностей и политики государства, отмечает долгосрочную ориентацию новой публичной дипломатии, фокусирующейся на формировании устойчивых отношений и взаимопонимания. Он демонстрирует, что успех в современной дипломатии зависит от способности государств эффективно взаимодействовать не только с правительствами, но и с широкой общественностью других стран. Мелиссен также отмечает растущую важность управления национальным имиджем и репутацией в контексте глобальной информационной среды. Работа Мелиссена стала основополагающей для дальнейших исследований в области публичной дипломатии и мягкой силы, предложив новый взгляд на роль коммуникации и взаимодействия в международных отношениях.

3. Стратегическая нарративная теория Алистера Мискиммона, Бена О'Локлина и Лора Розелла изложена в работе «Стратегические нарративы: коммуникационная сила и новый мировой порядок». Авторы утверждают, что мягкая сила действует посредством построения и проецирования убедительных нарративов о международном порядке, идентичности и политических вопросов⁶¹.

Теория стратегических нарративов рассматривает, как страны используют повествовательные (нарративные) структуры для формирования восприятия международных событий, легитимизации своих действий и влияния на поведение других акторов. Авторы выделяют три уровня стратегических нарративов:

- системные нарративы, описывающие структуру и функционирование международной системы;
- национальные нарративы, формирующие идентичность и ценности государства;

⁶¹ Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. Strategic Narratives. Communication Power and the New World Order. New York: Routledge, 2013. 224 p.

– нарративы проблем, фокусирующиеся на конкретных политических вопросах.

Авторы подчеркивают, что эффективность стратегических нарративов зависит от их согласованности, резонанса с целевой аудиторией и способности адаптироваться к меняющимся условиям. Они демонстрируют, что в эпоху цифровых коммуникаций государства сталкиваются с новыми вызовами и возможностями в продвижении своих нарративов, учитывая множественность источников информации и растущую роль негосударственных акторов.

Теория также рассматривает, как стратегические нарративы влияют на формирование политики, дипломатические отношения и восприятие легитимности действий государств на международной арене. Мискиммон, О'Локлин и Розелл утверждают, что успешные стратегические нарративы могут служить инструментом «мягкой силы», позволяя государствам формировать предпочтения других акторов без прямого принуждения. Они также обращают внимание на потенциальные конфликты между конкурирующими нарративами и важность критического анализа в их восприятии.

4. Идея мягкого силового капитала Тая Соломона отражена в исследовании «Аффективные основы мягкой силы». Этот теоретический подход опирается на понятие культурного капитала Пьера Бурдьё, чтобы объяснить, как ресурсы мягкой силы накапливаются и действуют в международных полях власти⁶².

Соломон доказывает, что традиционное понимание мягкой силы, сфокусированное на рациональных аспектах привлекательности государства, недостаточно для объяснения ее эффективности в международных отношениях. Он подчеркивает важность эмоциональной и аффективной составляющей в формировании и реализации мягкой силы. Ключевая идея Соломона заключается в том, что мягкая сила основывается не только на когнитивных

⁶² Solomon T. The Affective Underpinnings of Soft Power // European Journal of International Relations. 2014. № 20(3), p. 720.

процессах, но и на эмоциональных связях и чувствах, которые государство способно вызвать у зарубежной аудитории.

Мягкий силовой капитал, по мнению автора, представляет собой накопленный потенциал позитивных эмоциональных ассоциаций и симпатий, связанных с образом страны. Этот капитал формируется через различные каналы, включая культурные обмены, публичную дипломатию, медиа и личные контакты. Соломон утверждает, что государства с большим мягким силовым капиталом имеют преимущество в международных отношениях, так как они способны более эффективно влиять на предпочтения и поведение других акторов. Автор подчеркивает, что аффективное измерение мягкой силы может быть более устойчивым и долгосрочным, чем рациональные аргументы или материальные стимулы. Он также обращает внимание на то, что мягкий силовой капитал может быть как позитивным, так и негативным, и его накопление требует последовательных усилий и времени.

Идея мягкого силового капитала Соломона предлагает новый подход к анализу эффективности публичной дипломатии и стратегий национального брендинга. Она также подчеркивает важность учета эмоциональных и культурных факторов в формировании внешнеполитических стратегий⁶³.

5. Критический теоретический подход к мягкой силе предложен Джанисом Маттерном в работе «Почему «мягкая сила» не такая уж мягкая: репрезентативная сила и социолингвистическое построение привлекательности в мировой политике». Автор утверждает, что обращение к мягкой силе преимущественно включает в себя формы принуждения через язык и репрезентацию, что стирает грань между мягкой и жесткой силой⁶⁴.

Маттерн доказывает, что традиционное понимание мягкой силы как добровольного притяжения, основанного на привлекательности культуры, ценностей и политики государства, недостаточно учитывает скрытые

⁶³ Solomon T. The Affective Underpinnings of Soft Power // *European Journal of International Relations*. 2014. № 20(3), pp. 721.

⁶⁴ Mattern J. B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // *Millennium* 2005(06). Vol. 33. Iss. 3. P. 583–612.

механизмы принуждения, присущие этому феномену. Автор вводит понятие «репрезентативной силы», утверждая, что мягкая сила часто опирается на социолингвистические практики, которые формируют и навязывают определенные представления о реальности. По мнению Маттерна, государства, использующие мягкую силу, не просто предлагают привлекательную альтернативу, но активно участвуют в конструировании социальной реальности, в которой их ценности и идеи представляются как естественные и универсальные. Этот процесс, по сути, является формой вербального принуждения, где альтернативные точки зрения маргинализируются или делегитимизируются. Маттерн подчеркивает, что такое использование языка и дискурса для формирования восприятия и предпочтений других акторов может быть не менее принудительным, чем традиционные формы жесткой силы⁶⁵.

Автор показывает, что эффективность мягкой силы часто зависит от способности государства формировать общепринятые интерпретации событий и ценностей. Этот процесс может включать в себя манипуляцию информацией, селективное представление фактов и эмоциональное воздействие на аудиторию. Маттерн также обращает внимание на то, что репрезентативная сила может быть особенно эффективной в условиях глобализации и развития информационных технологий, где контроль над дискурсом приобретает все большее значение. Критический подход Маттерн призывает к более глубокому анализу механизмов мягкой силы, выявлению скрытых форм принуждения и пониманию того, как власть реализуется через язык и коммуникацию в международных отношениях

6. Сетевая перспектива применения мягкой силы отражена в работе Мелиссы Арончик «Брендинг нации: глобальный бизнес национальной идентичности». Исследователь рассматривает, как нации развивают мягкую

⁶⁵ Там же.

силу посредством инициатив по брендингу наций, подчеркивая роль различных субъектов и сетей в этом процессе⁶⁶.

7. Специфику проявления мягкой сила в «незападных» контекстах исследовал Минцзян Ли в работе «Мягкая сила: новая стратегия Китая в международной политике», где автор рассматривает критику западной предвзятости мягкой силы, анализирует, как эта концепция понимается и применяется в различных культурных контекстах, особенно в Китае⁶⁷.

Ли показывает, что китайский подход к мягкой силе существенно отличается от западной модели и отражает уникальные культурные, исторические и политические особенности страны. Автор подчеркивает, что китайская концепция мягкой силы (软实力) включает в себя не только культурную привлекательность и идеологическое влияние, но и экономическую мощь, которую на Западе традиционно относят к жесткой силе. Ли отмечает, что китайское руководство рассматривает мягкую силу как инструмент для создания благоприятного международного окружения и противодействия теории «китайской угрозы». Важной особенностью китайского подхода, по мнению Ли, является акцент на внутренних аспектах мягкой силы: укреплении национальной сплоченности, развитии культурной индустрии и формировании позитивного образа страны среди собственного населения.

Важным аспектом исследования Ли является анализ ограничений и вызовов, с которыми сталкивается Китай в реализации стратегии мягкой силы, включая различия в политических системах и ценностях между Китаем и западными странами. Автор подчеркивает, что эффективность китайской мягкой силы часто ограничивается восприятием страны как авторитарного государства и озабоченностью других стран растущим влиянием КНР. Ли заключает, что китайский опыт демонстрирует необходимость адаптации концепции мягкой силы к различным культурным и политическим контекстам,

⁶⁶ Aronczyk M. Branding the Nation: The Global Business of National Identity. New York: Oxford. University Press, 2013. 256 p.

⁶⁷ Li M. J. Soft power in Chinese discourse : popularity and prospect // RSIS Working Paper. Singapore: Nanyang Technological University. 2008. № 165. 38 p.

и предлагает переосмыслить традиционное разделение между мягкой и жесткой силой в международных отношениях ⁶⁸.

8. Проявление мягкой силы в среде цифровой коммуникации описал Илан Мэнор в работе «Цифровизация публичной дипломатии». Мэнор разрабатывает теоретическую структуру для понимания того, как цифровые платформы трансформируют способы, которыми государства проецируют мягкую силу и участвуют в публичной дипломатии ⁶⁹.

Мэнор показывает, что развитие интернета и социальных медиа кардинально изменило ландшафт международных отношений, создав новые возможности и вызовы для реализации мягкой силы государств. Автор подчеркивает, что цифровая среда размывает традиционные границы между внутренней и внешней аудиторией, требуя от государств более гибкого и интерактивного подхода к публичной дипломатии. Мэнор вводит понятие «цифровой публичной дипломатии», которая характеризуется использованием социальных сетей, онлайн-платформ и мобильных приложений для взаимодействия с зарубежной общественностью. Он отмечает, что цифровизация позволяет государствам напрямую обращаться к гражданам других стран, минуя традиционные дипломатические каналы и СМИ. Это создает возможности для более персонализированной и таргетированной коммуникации, но также повышает риски дезинформации и информационных войн.

В своей работе Мэнор анализирует, как государства адаптируют свои стратегии мягкой силы к цифровой среде, используя технологии больших данных и искусственного интеллекта для анализа общественного мнения и оптимизации своих политических посланий. Автор обращает внимание на возрастающую роль «цифровых послов» и виртуальных дипломатических представительств в социальных сетях. Важным аспектом исследования Мэнора является анализ изменения темпоральности публичной дипломатии в цифровую

⁶⁸ Li M. Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics. London: Lexington Books, 2009. 284 p.

⁶⁹ Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy. Gebonden: Springer International Publishing, 2019. 372 p.

эпоху: необходимость мгновенного реагирования на события и круглосуточного присутствия в информационном поле создает новые вызовы для дипломатических служб⁷⁰.

Мэнор также рассматривает, как цифровизация влияет на формирование национального бренда и управление репутацией государства в глобальном масштабе. Он подчеркивает важность аутентичности и последовательности в цифровой коммуникации для построения доверия с зарубежной аудиторией. Автор приходит к выводу, что эффективное использование цифровых инструментов требует не только технологических навыков, но и глубокого понимания культурных особенностей целевой аудитории и этических аспектов онлайн-коммуникации⁷¹.

Эти и другие теоретические соображения представляют собой некоторые из наиболее значимых разработок в теории мягкой силы с момента первоначальной формулировки Ная. Они демонстрируют эволюцию концепции, рассматривая различные критические замечания и расширяя ее применимость в различных контекстах и дисциплинах в рамках политической науки. Каждый из этих теоретических подходов предлагает уникальные идеи о природе, источниках и эффектах мягкой силы, способствуя более тонкому и всестороннему пониманию этой сложной концепции в политической науке.

Как видим, по мере того как концепция получала теоретическое обоснование, исследователи продолжали совершенствовать и расширять теорию мягкой силы. Основные направления включали:

- а) различие потенциальных ресурсов мягкой силы и реализованных результатов ее применения;
- б) изучение взаимосвязи между мягкой и жесткой силой, включая концепцию «умной силы» (данные концепты рассмотрены нами в предыдущем разделе работы);

⁷⁰ Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy. Gebonden: Springer International Publishing, 2019. 372 p.

⁷¹ Там же.

в) изучение применения мягкой силы негосударственными субъектами и в областях, находящихся за пределами международных отношений.

В настоящее время теория мягкой силы столкнулась со значительной критикой и концептуальными проблемами. Сформулируем основные спорные моменты.

Во-первых, это неоднозначность определений, т.к. критики утверждают, что мягкая сила страдает от «концептуальной многозначности» и двусмысленности. Широкий характер определения Дж. Ная привел к различным толкованиям и применениям концепции, что затрудняет ее операционализацию и последовательную оценку. Во-вторых, отмечаются проблемы с измерением и фиксацией. Количественная оценка мягкой силы оказалась сложной. Были предложены различные индексы и показатели, но выработано единого мнения о том, как точно измерить мягкую силу страны. Эта эмпирическая слабость ограничивает объяснительную силу концепции⁷². В-третьих, некоторые ученые утверждают, что в теории мягкой силы отсутствуют четкие причинно-следственные алгоритмы, объясняющие, как ресурсы мягкой силы преобразуются в желаемые политические и экономические результаты. Процессы, посредством которых притяжение приводит к влиянию, остаются недостаточно определенными, даже умозрительными. Отсутствие инструментария для измерения и единых критериев для мониторинга процессов проявления мягкой силы создает риски утраты данным концептом научного статуса.

Также звучат мнения, что мягкая сила в своем изначальном концептуальном выражении отражает западную, либеральную точку зрения, которая не может применяться для анализа универсальных процессов. Источники и эффекты мягкой силы могут значительно различаться в зависимости от культурного контекста, от цивилизационной специфики того или иного региона.

⁷² Pang Z. Y. The Beijing Olympics and China's Soft Power // Brookings Institution: online media. URL: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2008/09/04-olympics-pang> (дата обращения: 14.01.2025).

Например, США используют свой культурный экспорт (голливудские фильмы, музыка), образовательные программы (стипендии Фулбрайта) и публичную дипломатию (трансляции «Голоса Америки») для усиления своего мирового влияния. Глобальная популярность корейских драм и кухни значительно усилила мягкую силу Южной Кореи, привлекая поклонников по всему миру и способствуя формированию позитивного имиджа страны. Франция использует свое богатое культурное наследие, язык и ценности свободы и прав человека для поддержания эффекта мягкой силы в мире⁷³.

Отметим, что отличие между мягкой и жесткой силой не всегда четкое. Некоторые авторы утверждают, что мягкая сила в конечном итоге вытекает из возможностей жесткой силы, подвергая сомнению ее концептуальную независимость. На наш взгляд, этот пункт является весьма спорным ввиду различий в материальных носителях различных видов политической силы: нужно признать принципиальную разницу между военной силой и культурным влиянием.

Приведем ключевые различия в виде таблицы (Таблица 1):

Таблица 1. Различия между мягкой силой и жесткой силой

Аспект	Мягкая сила	Жесткая сила
Природа	Привлечение и убеждение	Принуждение и сила
Инструменты	Культура, политические ценности, внешняя политика	Военная сила, экономические санкции, побуждения
Цели	Формирование предпочтений и создание	Принуждение к поведению посредством угроз

⁷³Tomlin G. M. Murrow's Cold War: Public Diplomacy for the Kennedy Administration. Lincoln, NE: Potomac Books, 2016. 424 p

	альянсов	или финансовых обременений
Примеры	Культурные обмены, образовательные программы, дипломатия	Военные интервенции, экономические эмбарго

Несмотря на продолжающиеся дебаты, концепция мягкой силы остается достаточно влиятельной в политической науке. Исходя из приведенных проблемных моментов, можно выявить актуальные тенденции ее дальнейшей концептуализации. Ученые продолжают работать над разработкой более надежных и объективных методов измерения мягкой силы, включая композитные индексы лидирующих индикаторов и case-studies. Все больше внимания уделяется пониманию того, как мягкая сила действует в конкретных контекстах, выходя за рамки универсальных утверждений, чтобы изучить ее вариации в различных культурных и политических условиях. Перспективное направление исследования включает изучение вопросов о том, как корпорации, неправительственные организации и террористические группы, развивают и используют инструменты мягкой силы. Отдельные авторы применяют критические теоретические конструкции к анализу проявлений мягкой силы, изучая ее роль в воспроизводстве структур власти и гегемоний. Наконец, распространение цифровых технологий и рост влияния социальных сетей на политическую реальность открыл новые возможности для проекции и анализа мягкой силы, стимулируя исследования «цифровой мягкой силы» и ее последствий.

Цифровая мягкая сила относится к способности стран, организаций или отдельных лиц влиять на других и привлекать их в цифровую сферу с помощью ненасильственных средств. Это расширение традиционных концепций мягкой силы в цифровое пространство, использующее технологии и онлайн-платформы для формирования восприятия, установления повестки дня и

продвижения ценностей ⁷⁴ . Ключевые аспекты цифровой мягкой силы включают:

а) технологическое влияние: способность формировать мировые стандарты и нормы для новых технологий, таких как 5G, искусственный интеллект и квантовые вычисления;

б) культурный охват: использование цифровых платформ для распространения культурного контента, идей и ценностей по всему миру;

в) распространение информации: использование онлайн-каналов для общения и формирования нарративов в глобальном масштабе;

г) использование цифровой дипломатии: участие в дипломатических действиях через социальные сети и другие цифровые платформы с целью построения доверия и отношений с зарубежной аудиторией;

д) экономическое воздействие: влияние на мировые рынки и экономику с помощью цифровых инноваций и финтех-решений.

Цифровая мягкая сила особенно важна в нынешнюю информационную эпоху по ряду причин. Во-первых, она представляет возможности расширения социальных связей, обеспечения беспрецедентного охвата и влияния. Во-вторых, сказывается ее очевидная связь с экономикой внимания, т. к. в цифровой сфере привлечение и удержание внимания населения имеет решающее значение для оказания влияния. В-третьих, цифровые технологии позволяют неправительственным организациям, корпорациям и даже отдельным лицам использовать мягкую силу наряду с традиционными государственными субъектами. Наконец, цифровое пространство стало полем битвы для конкурирующих ценностей и идеологий, особенно между технодемократиями и техноавтократиями.

По мере того, как цифровой ландшафт продолжает развиваться, способность эффективно использовать цифровую мягкую силу становится все более важной для формирования глобальных мнений, установления

⁷⁴ Wu X. China and the Asia-Pacific Chess Game. Beijing: CCTV, 2007. 245 p.

международных стандартов и продвижения ценностей во взаимосвязанном мире.

В современном российском политологическом дискурсе концепция мягкой силы занимает значительное место как объект теоретического осмысления и предмет прикладных исследований. Данная концепция рассматривается российскими учеными как важнейший инструмент внешнеполитического влияния в эпоху глобализации и развития информационно-коммуникационных технологий. При этом российская интерпретация и подходы к применению мягкой силы имеют ряд существенных особенностей по сравнению с западными концепциями.

Российские исследователи, такие как М.М. Лебедева, А.В. Торкунов, О.Ф. Русакова, рассматривают мягкую силу как многоаспектный феномен, играющий ключевую роль в современных международных отношениях. В работах российских политологов подчеркивается амбивалентная природа мягкой силы, которая может служить как созидательным, так и деструктивным целям.

Например, О.Ф. Русакова отмечает, что функционал мягкой силы может быть направлен как на достижение гуманитарно-созидательных целей, так и на реализацию дестабилизирующе-разрушительных стратегий⁷⁵. Данный подход отражает более критическое отношение российских ученых к концепции мягкой силы по сравнению с изначальной трактовкой Дж. Ная.

В отличие от западного подхода, где мягкая сила часто рассматривается как результат деятельности широкого круга акторов, включая негосударственные организации и гражданское общество, в российской политической науке наблюдается тенденция к акцентированию роли государства в развитии и применении инструментов мягкой силы. А.П. Цыганков подчеркивает: «В России разработка инструментов мягкой силы преимущественно осуществляется в рамках государственной политики, что

⁷⁵ Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2015. 376 с.

отражает особенности политической культуры и исторического опыта страны»⁷⁶.

Российские исследователи уделяют особое внимание роли мягкой силы в информационном пространстве. И.А. Василенко отмечает: «В контексте современных геополитических вызовов мягкая сила приобретает особое значение как инструмент информационного влияния, способный формировать общественное мнение и влиять на принятие политических решений»⁷⁷.

Также характерной чертой российского дискурса о мягкой силе является рассмотрение данной концепции в контексте технологий «цветных революций». Е.Г. Пономарева и Г.А. Рудов пишут: «Анализ практик мягкой силы неразрывно связан с изучением технологий цветных революций, что отражает специфику российского восприятия данной концепции»⁷⁸.

В работах российских политологов выделяется и широкий спектр инструментов «мягкой силы». А.В. Торкунов предлагает следующую классификацию:

- информационно-коммуникационные технологии;
- механизмы формирования и продвижения национального имиджа;
- публичная дипломатия;
- культурная дипломатия;
- образовательные обмены;
- развитие туризма и спортивной дипломатии;
- поддержка и продвижение русского языка и культуры за рубежом.

Исследователь подчеркивает: «Эффективная стратегия мягкой силы требует комплексного применения различных инструментов, адаптированных к специфике целевых аудиторий»⁷⁹.

⁷⁶ Цыганков А. Всесильно, ибо верно?: «мягкая сила» и теория международных отношений // Россия в глобальной политике. 2013. № 6. С. 29.

⁷⁷ Василенко И. А. Роль технологий «мягкой силы» в формировании имиджевой стратегии России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 8(1). С. 31.

⁷⁸ Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Обозреватель. 2015. № 11. С. 63.

⁷⁹ Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4(25). С. 87-88.

Российские исследователи выделяют ряд проблем в реализации стратегий мягкой силы России:

- недостаточное финансирование программ;
- отсутствие четкого разграничения полномочий между ведомствами;
- необходимость модернизации инфраструктуры для работы с молодежной аудиторией;
- проблемы в формировании привлекательного имиджа страны.

Д.Б. Казаринова отмечает: «Преодоление этих вызовов требует не только увеличения финансирования, но и качественного переосмысления подходов к реализации стратегий мягкой силы»⁸⁰.

Таким образом, в современной российской политической науке концепция мягкой силы рассматривается как важнейший элемент внешнеполитической стратегии, но с акцентом на государственное управление и информационное влияние. Это отражает специфику российского подхода, отличающегося от западных концепций более критическим и прагматичным взглядом на природу и применение мягкой силы в международных отношениях.

В настоящее время мягкая сила имеет решающее значение для решения глобальных проблем, таких как изменение климата, кризисы в области здравоохранения и цифровые права. Технологические достижения (например, растущие социальные сети и прогрессирующий искусственный интеллект) создают новые возможности для культурного обмена и политического влияния. Понимание и эффективное использование мягкой силы необходимо для того, чтобы страны могли ориентироваться в сложностях международных отношений и способствовать глобальному сотрудничеству.

Концепция мягкой силы существенно повлияла на то, как политологи рассматривают проблемы влияния и власти в системе международных отношений. Несмотря на то, что она сталкивается с постоянными

⁸⁰ Казаринова Д. Б. Феномен «мягкой силы»: стратегии мягкой силы в политике государств – членов двадцатки // Свободная мысль: международный общественный журнал. 2011. № 3. С. 113.

концептуальными и методологическими проблемами, теория мягкой силы продолжает развиваться и генерировать продуктивные исследовательские программы. Перспективным направлением, полагаем, является уточнение ее концептуальных основ, совершенствование методов измерения и изучение ее применения в различных контекстах и различными субъектами. Поскольку глобальная динамика власти продолжает меняться, понимание природы и воздействия мягкой силы остается важнейшей задачей для исследований в области политологии.

1.3. Интерпретация «мягкой силы» в китайской политической науке

Для исследования проявления мягкой силы Китаем в различных сферах необходимо выявить специфику интерпретации данного понятия в китайской политической науке, рассмотреть то, как китайские ученые и политики адаптировали, переопределили и операционализировали концепцию, распространенную в западной науке, с учетом культурной, философской и академической специфики. Таким образом, нам необходимо рассмотреть ряд существенных вопросов, связанных с общим вектором диссертации:

1. Как концепция мягкой силы была адаптирована и переопределена в китайской политической науке?
2. Каковы исторические и философские основы осмысления мягкой силы в Китае?
3. Чем китайские интерпретации мягкой силы отличаются от западных концептуализаций?
4. Как китайское понимание мягкой силы повлияло на его внешнюю политику и стратегию выстраивания международных отношений?

Для ответа на эти вопросы мы обратились к анализу научных публикаций, программных политических документов, материалов масс-медиа, экспертных интервью и т. д.

Многие китайские ученые утверждают, что суть мягкой силы имеет глубокие корни в традиционной китайской философии. Профессор Ван Хунин, известный политолог и член Постоянного комитета Политбюро, пишет: «Идея

завоевания сердец и умов посредством добродетели и культуры, а не силы, является центральным принципом конфуцианской мысли»⁸¹.

Действительно, несколько классических китайских концепций имеют поразительное сходство с современными представлениями о мягкой силе:

а) конфуцианский идеал «правления добродетелью» (德治, dézhì): идея гармоничного сосуществования, центральная в конфуцианской философии, трансформировалась в концепцию «гармоничного мира» в международных отношениях, что подчеркивает стремление Китая к мирному сосуществованию и взаимовыгодному сотрудничеству;

б) акцент Мэн-цзы на доброжелательном управлении (仁政, rénzhèng);

в) концепция Лао-цзы «ничегонеделания» (无为, wúwéi) как формы лидерства и ненасильственного действия подчеркивает важность непрямого влияния и естественного притяжения вместо прямого принуждения;

г) стратегический принцип Сунь-цзы, который можно сформулировать как «Покорение врага без сражения» (不战而屈人之兵, bù zhàn ér qū rén zhī bīng).

Профессор Ли Минцзян из Наньянского технологического университета отмечает, что эти традиционные концепции формируют богатый философский фон, на котором современные китайские мыслители интерпретируют и развивают идею мягкой силы. Ли указывает на то, что Китай активно использует свою древнюю культуру, философию и историю как ресурсы мягкой силы, продвигая концепции «гармоничного мира» и «мирного развития». Он обращает внимание на специфику китайской публичной дипломатии, которая часто направлена на элиты зарубежных стран и использует государственные медиа для формирования международного общественного мнения.

⁸¹ Wang H. N. Culture as national power: soft power (作为国家实力的文化：软权力) // Journal of Fudan University (复旦学报). 1993. № 3. P. 95–114

Корни современной китайской мысли о мягкой силе можно также проследить в политическом дискурсе XX века. Наиболее показательные в этой связи примеры включают:

а) принцип Сунь Ятсена «Ван дао» (王道, wángdào) или «Царский путь», подчеркивающий моральный авторитет в управлении;

б) труды Мао Цзэдуна о «единстве-критике-единстве» и линии масс, подчеркивающие важность применения силы убеждения, а не грубого принуждения;

в) концепцию Дэн Сяопина о «Мире и развитии» как основе международных отношений Китая.

Например, принцип «Ван дао» представляет собой фундаментальную концепцию в китайской политической философии, которая подчеркивает важность морального авторитета в управлении государством. Эта идея, уходящая корнями в древнекитайскую философскую традицию, была переосмыслена Сунь Ятсеном в контексте модернизации Китая в начале XX века. «Ван дао» противопоставляется концепции «Ба дао» (霸道, bàdào) или «пути гегемона», который опирается на силу и принуждение. Сунь Ятсен утверждал, что истинно эффективное и легитимное правление должно основываться на моральном превосходстве лидера и его способности вдохновлять и вести народ примером, а не страхом или насилием. Согласно этой концепции, правитель должен культивировать добродетели, такие как справедливость, мудрость, благожелательность и честность, чтобы заслужить доверие и уважение народа. «Ван дао» тесно связан с идеей «минь бэнь» (民本, mínběn) или «народ как основа», которая подчеркивает, что благополучие и поддержка народа являются фундаментом стабильного государства⁸².

В современном контексте концепция «Ван дао» продолжает оказывать влияние на китайскую политическую мысль и риторику, особенно в аспектах, касающихся легитимности власти, социальной гармонии и роли государства в

⁸² Wang J. Soft Power in China. Public Diplomacy through Communication. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 230 p.

обществе. Эта идея также находит отражение в дискурсе о «мягкой силе» Китая и его стремлении к глобальному лидерству, основанному на моральном авторитете и культурной привлекательности.

Труды Мао Цзэдуна о «единстве-критике-единстве» и линии масс представляют собой важные элементы политической философии, подчеркивающие значимость убеждения и вовлечения народных масс в политический процесс. Концепция отражает диалектический подход Мао к разрешению противоречий внутри партии и общества. Согласно этой идее, начальное единство должно быть подвергнуто конструктивной критике для выявления и исправления недостатков, после чего достигается новый, более высокий уровень единства. Этот метод направлен на стимулирование открытого обсуждения проблем и самокритики, избегая при этом разрушительных конфликтов. Линия масс, в свою очередь, представляет собой принцип управления, согласно которому партийные кадры должны тесно взаимодействовать с народом, «учиться у масс и учить массы». Мао подчеркивал необходимость постоянной связи между руководством и простыми людьми, утверждая, что политика должна формироваться на основе реальных потребностей и опыта народа. Обе эти концепции отражают стремление Мао использовать силу убеждения и массовую мобилизацию вместо прямого принуждения. Однако важно отметить, что на практике реализация этих принципов часто отклонялась от теоретических идеалов, особенно в периоды политических кампаний и массовых движений⁸³.

Концепция «Мира и развития», сформулированная Дэн Сяопином, представляет собой ключевой элемент актуальной внешнеполитической стратегии Китая, направленный на создание благоприятных международных условий для внутреннего экономического роста и модернизации страны. Эта идея, выдвинутая в 1980-х гг., знаменовала собой существенный сдвиг в китайской внешней политике от новой идеологии к прагматичному подходу,

⁸³ Wang J. Soft Power in China. Public Diplomacy through Communication. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 230 p.

ориентированному на экономическое сотрудничество и стабильность. Дэн Сяопин утверждал, что мир и развитие являются двумя основными темами современной эпохи, и Китай должен активно участвовать в формировании мирного международного окружения, способствующего экономическому прогрессу. Согласно этой концепции, Китай стремится к мирному сосуществованию с другими странами, независимо от их социально-политического устройства, и фокусируется на взаимовыгодном экономическом сотрудничестве. Это предполагает отказ от идеологической конфронтации в пользу прагматичной дипломатии и экономической интеграции. Концепция «Мира и развития» также включает в себя идею о том, что экономический рост и повышение уровня жизни населения являются ключевыми факторами поддержания социальной стабильности и легитимности власти. В международном контексте эта стратегия направлена на создание имиджа Китая как ответственной мировой державы, стремящейся к гармоничному развитию и взаимовыгодному сотрудничеству.

Эти идеи заложили основу для восприимчивости Китая к идее ненасильственного расширения своего мирового влияния и уникальной интерпретации концепций мягкой силы в современную эпоху.

Формальное включение концепции мягкой силы Дж. Ная в китайский политологический дискурс произошло в конце 1990-х и начале 2000-х годов. Профессор Мэн Хунхуа из Центральной партийной школы отмечает в этой связи, что первоначальные переводы и обсуждения работы Ная вызвали большой интерес среди китайских ученых, которые увидели как ее актуальность для растущего глобального статуса Китая, так и ее взаимодополняемость с традиционной китайской мыслью⁸⁴.

При рассмотрении ключевых аспектов введения мягкой силы в китайский политологический дискурс необходимо обратить внимание на ряд работ. Так, в 1993 г. Ван Хунин публикует исследование «Культура как национальная сила:

⁸⁴ Men H. China's Position in the World and Orientation of Its Grand Strategy // China in the Xi Jinping Era; ed. by S. Tsang and H. Men. Cham: Springer International Publishing, 2016. p. 299–325.

мягкая сила», одну из самых ранних китайских академических работ по этой концепции⁸⁵. В 1997 г. был опубликован первый китайский перевод труда Дж. Ная «Обязанности лидера», а в 2005 г. понятие «мягкая сила» было включено в авторитетные китайские словари в переводе «软实力» (ruǎn shí lì).

Обсуждение концепции мягкой силы вызвало оживленные дебаты в китайских академических кругах. Некоторые ученые с энтузиазмом восприняли новые идеи, увидев в них подтверждение традиционных китайских ценностей и потенциальный инструмент для мирного роста влияния Китая в мире. Другие были настроены более скептически, рассматривая мягкую силу как западную конструкцию, которая не может быть механически перенесена в социокультурный контекст Китая: «Хотя мягкая сила является полезным аналитическим инструментом, мы должны быть осторожны и не принимать западные концепции некритически. Китаю необходимо разработать собственные теоретические основы, основанные на китайском опыте и философии»⁸⁶.

Одним из наиболее значительных этапов в развитии в Китае теории мягкой силы стало расширение ее сферы охвата, особенно в сфере культуры. Профессор Чжан Гоцзуо из Китайской академии общественных наук утверждает, что в китайском контексте культурная мягкая сила (文化软实力, wénhuà ruǎn shí lì) есть не просто компонент мягкой силы, она часто рассматривается как ее основная, сущностная характеристика⁸⁷.

Этот акцент на культурном компоненте мягкой силы применительно к китайскому ландшафту привел к развитию в КНР связанных концепций, таких как:

а) «культурная безопасность» (文化安全, wénhuà ānquán);

⁸⁵ Wang H. N. Culture as national power: soft power (作为国家实力的文化：软权力) // Journal of Fudan University (复旦学报). 1993. № 3. P. 95–114.

⁸⁶ Yan X. The Rise of China and its Power Status // The Chinese Journal of International Politics. 2006. Vol. 1. № 1. P. 25.

⁸⁷ Zhang G. Research Outline for China's Cultural Soft Power. Berlin: Springer, 2017. 143 p.

б) «культурное сознание» (文化自觉, wénhuà zìjué);

в) «культурная уверенность» (文化自信, wénhuà zìxìn).

Эти идеи достаточно полно отображают китайский подход к мягкой силе, который выходит за рамки оригинальной формулировки Дж. Ная.

В политическом ландшафте Китая взаимосвязанные концепции культурной безопасности, культурного сознания и культурной уверенности стали значимыми движущими силами национальной политики и риторики. Культурная безопасность отражает усилия правительства по защите традиционных ценностей и социальной стабильности Китая от предполагаемых внешних угроз, часто проявляющихся в усилении контроля над СМИ, образованием и киберпространством. Эта концепция согласуется с культурным сознанием, которое подчеркивает глубокое понимание и признание китайского культурного наследия, способствуя чувству национальной идентичности и единства. Китайское руководство активно продвигало эту идею для укрепления общественной сплоченности и сопротивления тому, что они считают вредоносным иностранным влиянием. Опираясь на эти основы, понятие культурной уверенности приобрело популярность, особенно в связи с политической линией Си Цзиньпина. Эта концепция воплощает наступательную позицию на мировой арене, отстаивая китайские культурные ценности и системы как жизнеспособные альтернативы западным моделям. На практике это проявляется в инициативах, таких как инициатива «Один пояс, один путь», которая не только служит экономическим целям, но и выступает в качестве средства культурного обмена и влияния. Вместе эти концепции формируют связный нарратив, который лежит в основе внутреннего управления Китая и международных отношений, формируя его подход к проецированию мягкой силы и глобальному взаимодействию, одновременно укрепляя легитимность Коммунистической партии внутри страны⁸⁸.

⁸⁸ Zhang G. Research Outline for China's Cultural Soft Power. Berlin: Springer, 2017. 143 p.

Китайские ученые также стремились разработать уникальное для своей культуры понимание мягкой силы. Профессор Пан Чжуньин из Университета Жэньминь предлагает концепцию «мягкой силы с китайской спецификой» (中国特色的软实力, zhōngguó tèshè de ruǎn shíli), которая включает такие элементы, как:

- а) привлекательность модели развития Китая;
- б) привлекательность традиционной культуры и ценностей Китая;
- в) декларация роли Китая как ответственной крупной державы в глобальном управлении⁸⁹. Это переосмысление отражает желание Китая сформулировать видение мягкой силы, которое соответствует его собственному политическому и культурному контексту.

Китайский ученый Чжао Гуанчэн рассматривает «мягкую силу» в контексте «Пояса и пути». Ученый отмечает, что с древнейших времен Шелковый путь, как важнейшая транспортная артерия, соединяющая Азию, Африку и Европу, был не только торговым маршрутом между Востоком и Западом, но и ареной для культурного обмена и соперничества цивилизаций. Как торговый путь, по Шелковому пути перемещались не только шелк, но и различные товары, технологии; распространялись не только материальные ценности, но и идеи. Как место культурного взаимодействия, вдоль маршрута различные цивилизации и народы обменивались опытом, сливались, а государства и народы общались и соперничали. Если военные конфликты и экономическая торговля отражают проявление жесткой силы, то культурный обмен и взаимодействие цивилизаций в большей степени демонстрируют мягкую силу. Чжао Гуанчэн определяет «мягкую силу» государства как совокупность четырех измерений: культурного влияния, привлекательности его институциональной модели, международной притягательности и общей внутренней сплоченности⁹⁰. По мнению китайских ученых, качество жизни,

⁸⁹ Pang Z. Y. The Beijing Olympics and China's Soft Power // Brookings Institution: online media. URL: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2008/09/04-olympics-pang> (дата обращения: 14.01.2025).

⁹⁰ 康瑜.高等教育全球化：一个全球地方化视角的解读[D].上海：华东师范大学，2008

образ жизни и нормы поведения народа, по сути, являются основой и ядром мягкой силы государства и нации. Ли Куан Ю даже утверждал: «Мягкая сила реализуется только тогда, когда другие страны завидуют культуре данной страны и стремятся ее подражать»⁹¹.

Еще одной значительным достижением политологов Китая является интеграция мягкой силы в более широкие рамки национальной силы. Концепция «комплексной национальной мощи» (综合国力, zònghé guóli), разработанная китайскими стратегами, включает в себя элементы как жесткой, так и мягкой силы. Профессор Ху Аньган из Университета Цинхуа утверждает: «Мягкую силу нельзя отделить от жесткой силы. Вместе они формируют комплексную картину общей силы и влияния нации»⁹².

В результате концепция мягкой силы была поддержана на высшем уровне, официально принята китайским руководством и включена в политический дискурс КНР. Так, в 2007 г. прозвучал доклад президента Ху Цзиньтао на 17-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая, в котором подчеркивалась важность усиления культурной мягкой силы Китая. Спустя 7 лет вышла программная речь Си Цзиньпина на Центральной конференции по международным отношениям, в которой содержался призыв к инновациям в концепциях и практиках применения мягкой силы для усиления позиций КНР в различных регионах мира.

При Си Цзиньпине мягкая сила была тесно связана с концепцией «китайской мечты» (中国梦, zhōngguó mèng). Эта ассоциация подчеркивает роль мягкой силы в содействии национальному возрождению Китая и усилении его международного влияния. Доктор Лю Юньшань, бывший член Постоянного комитета Политбюро, утверждает, что «китайская мечта» — это не только

⁹¹ Lam P. F. "Only the Dang Dynasty Came Close to Having Influence," in The Straits Times, Oct. 26, 1996.

⁹² Hu A. China: Comprehensive National Power and Grand Strategy // Strategy and Management. 2002. Vol. 3. Iss. 2. URL: <https://myweb.rollins.edu/tlairson/china/chigrandstrategy.pdf>. (дата обращения: 14.01.2025).

видение внутреннего развития, но и источник мягкой силы, которая может вдохновлять и привлекать другие страны»⁹³.

Для обеспечения практической реализации программ «мягкого влияния» на зарубежную аудиторию Китай запустил многочисленные инициативы, направленные на усиление своего культурного влияния, среди которых отметим наиболее значимые:

- а) глобальная сеть Институтов Конфуция;
- б) дни китайской культуры, иные культурные события и фестивали, проводимые совместно с другими странами;
- в) продвижение образования на китайском языке за рубежом;
- г) продюсирование выставок и представлений китайского искусства, как традиционного, так и современного на международном уровне и др.

Так, институты Конфуция служат краеугольным камнем стратегии мягкой силы Китая, функционируя как культурные форпосты, которые продвигают китайский язык и культуру во всем мире. Эти учреждения, как правило, встроенные в зарубежные университеты, предлагают языковые курсы, культурные мероприятия и образовательные обмены, выступая в качестве проводников культурной дипломатии Китая. Содействуя связям между людьми, они стремятся способствовать формированию положительного образа Китая за рубежом и противодействовать возможному негативному восприятию. Институты также служат платформами для академического сотрудничества, потенциально влияя на дискурс по темам, связанным с Китаем, в принимающих странах. Формируя нарративы, выстраивая отношения и способствуя культурному взаимопониманию, эти учреждения вносят значительный вклад в более деятельность Китая по улучшению своего международного положения.

Также в Китае продолжает реализовываться программа по привлечению средств в целях расширения своего международного присутствия в

⁹³ Li M. J. Soft power in Chinese discourse : popularity and prospect // RSIS Working Paper. Singapore: Nanyang Technological University. 2008. № 165. 38 p.

медиапространстве, что также входит в содержание политики мягкой силы. Ключевые инициативы в данном направлении включают:

а) расширение CGTN (Китайская глобальная телевизионная сеть) – один из крупнейших в мире вещателей, предлагающий разнообразный контент, адаптированный для конкретной аудитории и ее культурных особенностей, по всему миру;

б) развитие многоязычных новостных платформ, таких как Xinhua и China Daily, в интернет-пространстве;

в) увеличение вовлеченности глобальной аудитории в онлайн-активность на платформах социальных сетей (например, TikTok и Weibo).

Например, социальные сети Китая играют ключевую роль в стратегии мягкой силы страны, выступая в качестве цифровых платформ для формирования культурного нарратива как внутри страны, так и за рубежом. Эти сети, включая таких гигантов, как WeChat и Sina Weibo, а также новые платформы, такие как китайская версия TikTok Douyin, способствуют распространению китайского культурного контента, ценностей и перспектив в глобальных масштабах. Предоставляя пространство для пользовательского контента, соответствующего одобренным государством нарративам, эти платформы укрепляют «официальное» мировоззрение среди своих пользователей⁹⁴. На международном уровне китайские приложения, такие как TikTok, приобрели глобальную популярность, непреднамеренно становясь проводниками китайского культурного влияния за рубежом. Эти платформы не только демонстрируют аспекты китайской жизни и культуры международной аудитории, но и потенциально формируют глобальный дискурс по вопросам, связанным с Китаем. Более того, социальный медиа-ландшафт Китая служит моделью цифрового управления, которая бросает вызов западным представлениям о свободе интернета, представляя альтернативное видение киберсуверенитета. С помощью этих цифровых каналов Китай эффективно

⁹⁴ Men H. China's Position in the World and Orientation of Its Grand Strategy // China in the Xi Jinping Era; ed. by S. Tsang and H. Men. Cham: Springer International Publishing, 2016. p. 299–325.

расширяет свое влияние мягкой силы, вовлекая миллионы пользователей по всему миру в форму цифровой публичной дипломатии, которая дополняет его традиционные инициативы мягкой силы. Эта цифровая стратегия позволяет Китаю обходить традиционных посредников информации, напрямую взаимодействуя с зарубежной общественностью и формируя восприятие способами, которые поддерживают его более широкие геополитические цели.

Доктор Чжан Яньцю из Университета коммуникаций Китая утверждает, что медиа играют решающую роль в формировании китайским правительством глобальной повестки дня и восприятия страны внешней аудиторией, в свою очередь, медиастратегия Китая направлена на то, чтобы представить миру более сбалансированный и детализированный взгляд на Китай⁹⁵.

Следующим важнейшим компонентом стратегии мягкой силы Китая стало образование, в первую очередь высшее. Китайскими экспертами обосновано, что наиболее перспективным для продвижения национальных интересов через образовательную среду являются следующие направления:

- а) стипендии для иностранных студентов для обучения в Китае;
- б) создание китайско-иностранных совместных университетов;
- в) поддержка программ изучения различных сфер жизни Китая в иностранных университетах.

Значительной проблемой в китайском дискурсе мягкой силы является вопрос ее измерения и оценки эффективности: «Хотя Китай вложил значительные средства в инициативы мягкой силы, оценка их воздействия остается сложной. Нам нужны более надежные методологии для оценки результатов мягкой силы»⁹⁶. Политологи и эксперты используют несколько базовых методов для оценки и анализа мягкой силы Китая, в том числе:

- а) анализ эффективности публичной дипломатии;
- б) исследование общественного мнения;
- в) анализ содержания медиа;

⁹⁵ Zhang Y. Understand China's Media in Africa from the perspective of Constructive Journalism. Beijing: CMI, 2014. 12 p.

⁹⁶ Lintner B. The Costliest Pearl: China's Struggle for India's Ocean. Hurst, 2019. 288 p.

- г) изучение академических исследований и научные публикаций;
- д) оценка эффективности экономического сотрудничества
- е) мониторинг социальных сетей и оценка эффективности цифровой дипломатии.

В дополнение к количественным методам, политологи используют качественные методы исследования, такие как интервью с экспертами и анализ кейсов, чтобы глубже понять механизмы и результаты применения мягкой силы.

Некоторые китайские ученые утверждают, что существует необходимость в более эффективной интеграции стратегий мягкой и жесткой силы. У Синьбо из Университета Фудань обращает внимание на то, что Китай должен найти баланс между отстаиванием своих интересов и созданием положительного имиджа, а чрезмерный акцент на «жесткой силе» может подорвать достижения «мягкой силы»⁹⁷.

Китайские аналитики признают, что определенные аспекты внутреннего и международного поведения Китая могут негативно повлиять на его мягкую силу. Утверждается, что для усиления своей мягкой силы Китай должен решить такие проблемы, как проблемы с правами человека, экологические проблемы и восприятие агрессивного поведения в территориальных спорах⁹⁸. Многие китайские исследователи призывают к разработке расширенной теорий мягкой силы, с учетом положений, которые больше укоренены в китайской философии и актуальном политическом опыте. Профессор Чжао Суйшэн из университета Денвера предполагает, что будущее китайских исследований мягкой силы заключается в создании теоретических рамок, которые отражают уникальный исторический и культурный контекст Китая, взаимодействуя с глобальным дискурсом⁹⁹.

⁹⁷ Wu X. China and the Asia-Pacific Chess Game. Beijing: CCTV, 2007. 245 p.

⁹⁸ Wang J. Soft Power in China. Public Diplomacy through Communication. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 230 p.

⁹⁹ Zhao S. Projection of China's Soft Power in the New Century // Soft Power with Chinese Characteristics. Denver University Press, 2019. P. 25–44.

Поскольку цифровые технологии меняют глобальную коммуникацию и влияние, китайские исследователи все больше внимания уделяют концепции «цифровой мягкой силы». Цифровая сфера представляет новые возможности и проблемы для проецирования мягкой силы. Китаю необходимо разрабатывать стратегии, которые используют его технологические преимущества, одновременно решая проблемы цифрового контроля¹⁰⁰.

Современные исследователи в Китае активно анализируют, каким образом принципы мягкой силы проявляются в условиях все более многополярного мирового устройства. Профессор Ли Син из Ольборгского университета отмечает: «С изменением глобального баланса сил меняется и наше понимание мягкой силы. Необходимо, чтобы будущие исследования сосредоточились на изучении механизмов ее действия в мире, где влияние распределено между несколькими центрами»¹⁰¹. Несмотря на очевидный потенциал, китайские политологи указывают на существенные трудности, связанные с эффективным применением мягкой силы. Они подчеркивают, что особенности политической системы Китая и проблемы, связанные с соблюдением прав человека, порой негативно сказываются на восприятии инициатив страны в этой области. Эксперты считают, что для повышения доверия международного сообщества необходимо переходить к более аутентичным формам культурных и образовательных обменов, которые не столь жестко регулируются государством.

Интерпретация и развитие концепции мягкой силы в китайской политической науке отражают динамичный процесс взаимодействия с западными идеями, переосмысления через призму китайской культуры и философии и практического применения во внешней политике. Китайские ученые внесли значительный вклад в глобальный дискурс о мягкой силе, расширив ее концептуальные границы и исследовав ее актуальность для

¹⁰⁰ Zhu Y. *Soft Power With Chinese Characteristics. China's Campaign for Hearts and Minds*. NY: Routledge, 2020. 318 p.

¹⁰¹ Li M. J. *Soft power in Chinese discourse : popularity and prospect* // RSIS Working Paper. Singapore: Nanyang Technological University. 2008. № 165. 38 p.

уникального контекста современного Китая. По мере того, как Китай продолжает расти как мировая держава, его подход к мягкой силе, вероятно, будет развиваться и дальше, формируясь как внутренними приоритетами, так и международными реалиями. Продолжающиеся дебаты и исследования в этой области не только отражают стратегическое мышление руководства Китая, но и способствуют более широкому теоретическому пониманию силы и влияния в международных отношениях. Это богатое и тонкое взаимодействие с концепцией мягкой силы демонстрирует динамичность китайской политической науки и ее потенциал для формирования глобального академического дискурса. Поскольку мир переживает эпоху быстрых перемен и динамики глобальной власти, китайская интерпретация мягкой силы, несомненно, продолжит оставаться предметом пристального научного интереса и практического значения.

Выводы по главе 1

1. Мягкая сила отражает способность государства влиять на предпочтения других в силу присущей ему привлекательности, охватывающую такие элементы, как культура, политические ценности и внешняя политика, которые избегают насильственного принуждения. Технологии «мягкой силы» представляют собой важный компонент современного государственного управления и реализации национальных интересов. Эффективность «мягкой силы» зависит от гармонизации внешних и внутренних факторов государства, включая геополитическое положение, цивилизационное наследие, политические и экономические модели, стратегические планы развития, коммуникативные возможности, идеологию, социальные стандарты, ценности, национальный этос, культурное самовыражение и творческую изобретательность. Также сказывается зависимость от стратегии развития государства, идеологических рамок, ценностной ориентации, привлекательности социальной системы, приверженности стратегическим императивам, сохранения исторического наследия, культурной динамичности и

международного авторитета, которые в совокупности формируют нарратив и проекцию национальной идентичности на мировую арену.

2. Концептуализация категории мягкой силы в политической науке нашла отражение в ряде теоретических конструкций: модель реляционной власти; взаимосвязь мягкой силы и публичной дипломатии; стратегическая нарративная теория; идея мягкого силового капитала; критический теоретический подход; сетевая перспектива применения мягкой силы; специфика проявления мягкой сила в «незападных» контекстах; проявление мягкой силы в среде цифровой коммуникации и др.

В настоящее время теория мягкой силы столкнулась со значительной критикой и концептуальными проблемами, среди которых отмечается: неоднозначность определений; проблемы измерения и фиксации; причинно-следственные механизмы; культурная обусловленность; неоднозначная связь с «жесткой силой». Актуальные тенденции дальнейшей концептуализации мягкой силы включают в себя: уточнение критериев измерений; проведение контекстуального анализа; оценку роли негосударственных субъектов; рассмотрение мягкой силы с точки зрения критического подхода; разработку понятия «цифровая мягкая сила».

3. Интерпретация и развитие концепции мягкой силы в китайской политической науке отражают динамичный процесс взаимодействия с западными идеями, переосмысления через призму китайской культуры и философии и практического применения во внешней политике. Китайские ученые внесли значительный вклад в глобальный дискурс о мягкой силе, расширив ее концептуальные границы и исследовав ее актуальность для уникального контекста современного Китая.

По мере того, как КНР продолжает расти как мировая держава, его подход к мягкой силе формируется как внутренними приоритетами, так и международными реалиями. Продолжающиеся дебаты и исследования в этой области не только отражают стратегическое мышление руководства Китая, но и способствуют более широкому теоретическому пониманию силы и влияния в

международных отношениях. Поскольку мир переживает эпоху быстрых перемен и динамики глобальной власти, китайская интерпретация мягкой силы, несомненно, продолжит оставаться предметом пристального научного интереса и практического значения.

Глава II. Образовательный аспект в политике «мягкой силы»

Китая и России

2.1. Особенности политики «мягкой силы» Китая в образовательной сфере

В рамках современной внешнеполитической стратегии КНР стремится к развитию концепции «мягкой силы», адаптируя ее к национальным особенностям и приоритетам. Реализация амбициозной цели создания «могущественного культурного государства» требует значительных финансовых вложений, структурных преобразований в сфере культурных индустрий и концентрации административно-управленческих ресурсов.

Следует отметить, что за последние несколько лет ускоренное развитие глобальной экономики привело к тому, что мир постепенно преобразуется в единое органическое целое, где взаимозависимость стран становится в некоторой степени определяющим фактором успеха. В этом контексте транснациональное высшее образование выступает не просто как инновационный формат обучения, а как стратегически важный инструмент, способствующий интеграции и развитию национальных систем образования в условиях глобализации. Под этим термином понимают образовательные инициативы, когда процесс преподавания и обучения происходит в одной стране, а образовательные программы и учреждения функционируют в другой. Такие проекты, также именуемые трансграничным или оффшорным образованием, являются важной составляющей интернационализации высшего образования. Их характерной особенностью является многостороннее взаимодействие: участие двух и более государств, где каждая сторона

сохраняет свой образовательный суверенитет, будь то в рамках единой системы или при совместном управлении. В этих проектах акцент смещается не только на мобильность студентов, но и на обмен преподавательскими кадрами и адаптацию учебных программ, что позволяет обеспечить временный выезд обучающихся для продолжения академической карьеры за рубежом.

Формы реализации транснационального высшего образования весьма разнообразны: от открытия зарубежных филиалов и представительств до совместного администрирования учебных заведений и авторизованного управления школами. Такая гибкость позволяет не только наращивать кадровый потенциал, но и углублять международное взаимопонимание, увеличивать доходы и способствовать всестороннему развитию образовательных систем. Особое внимание заслуживает соотношение транснационального высшего образования и китайско-инострannого сотрудничества в управлении учебными заведениями. С одной стороны, транснациональные образовательные проекты рассматриваются в свете глобальных тенденций и охватывают обмены между странами в максимально широком смысле, а с другой – китайско-инострannое сотрудничество в области управления школами фокусируется на конкретных практиках взаимодействия в сфере образовательного администрирования. Эти направления не только взаимно дополняют друг друга, но и создают синергетический эффект, способствующий гармонизации образовательных стандартов.

Как отмечает профессор Р. Робертсон, директор Центра глобальных исследований Университета Абердина, современная глобализация означает не столько стремление к унификации, сколько сокращение дистанций между странами и повышение осознанности о мировых процессах¹⁰². Этот феномен охватывает не только экономику и политику, но и сферу высшего образования, где усиливается сотрудничество между университетами, увеличивается число академических обменов и происходит постоянное взаимодействие ученых.

¹⁰² Robertson R. The “Return” of Religion and the Conflicted Condition of World Order //This Globalizing World / ed. by A. N. Chumakov, L. E. Grinin. Volgograd : Uchitel, 2015. P.46.

Такой обмен не только способствует выравниванию образовательных стандартов, но и подчеркивает уникальные особенности каждой национальной системы, показывая, что глобализация высшего образования – это одновременно и унификация, и сохранение национальной индивидуальности.

Развитые страны зачастую служат примером для интернационализации образовательных практик, однако существенные различия между их системами и системами развивающихся государств порождают необходимость адаптации западных моделей к местным реалиям. В эпоху новой глобализации истинное значение интернационализации высшего образования заключается в признании и уважении национальных различий, а также в обеспечении равноправного обмена опытом и знаниями между странами. Таким образом, реформы и модернизация образовательных систем должны учитывать местные особенности, интегрируя их в глобальный контекст, а не стремясь к полной универсализации¹⁰³.

Примечательно, что китайский подход к «мягкой силе» характеризуется двунаправленностью: помимо проецирования влияния вовне, значительное внимание уделяется внутреннему измерению. Это обусловлено необходимостью противодействия западному, преимущественно американскому, культурному влиянию внутри страны. В связи с этим, ключевыми задачами становятся укрепление «культурного самосознания» китайского народа, формирование чувства гордости за национальную культуру и создание конкурентоспособного культурного продукта¹⁰⁴.

Важным аспектом внутренней консолидации является продвижение «сердцевинных ценностей социализма» как фундамента для последующей экстраполяции китайских ценностных установок за пределы страны. Среди различных инструментов мягкой силы образование выделяется как мощный инструмент для стран, стремящихся усилить свое глобальное влияние и культурную привлекательность. Китай, в частности, признал потенциал

¹⁰³ 康瑜.高等教育全球化：一个全球地方化视角的解读[D].上海：华东师范大学，2008.

¹⁰⁴ Zhao K. Public Diplomacy, Rising Power, and China's Strategy in East Asia // Understanding Public Diplomacy in East Asia. Palgrave Macmillan, 2015. P. 51–77.

образовательных инициатив как средства проецирования своей мягкой силы на мировую арену.

Использование Китаем образования в качестве инструмента мягкой силы можно проследить с первых дней Народной Республики. Однако только в конце XX и начале XXI веков начал формироваться более последовательный и стратегический подход. Период реформ и открытости, начатый Дэн Сяопином в 1978 году, стал поворотным моментом, поскольку Китай стремился вновь взаимодействовать с миром и восстановить свой международный имидж.

В 1990-х годах были предприняты активные усилия по привлечению иностранных студентов в китайские университеты, но именно в 2000-х годах образовательная стратегия мягкой силы Китая по-настоящему набрала обороты. Создание программы Института Конфуция в 2004 году стало переломным моментом, сигнализирующим о приверженности Китая продвижению своего языка и культуры во всем мире через образовательные каналы.

Институты Конфуция (ИК) – некоммерческие государственные учреждения, которые нацелены на продвижение китайского языка и культуры, поддержку местного преподавания китайского языка и содействие культурным обменам.

Программа ИК была запущена под эгидой Управления Международного совета китайского языка, известного как Ханьбань. Инициатива была названа в честь Конфуция, древнекитайского философа, чьи учения оказали значительное влияние на китайскую культуру и ценности. Создание ИК происходило в то время, когда Китай стремился расширить свое глобальное влияние соразмерно своей растущей экономической мощи. Программа была частично скопирована с аналогичных инициатив других стран (немецкий Goethe-Institut, французский Alliance Française, Британский совет и др.)¹⁰⁵.

Первый Институт Конфуция был основан в Сеуле, Южная Корея, в ноябре 2004 года. В последующие годы программа быстро расширялась. К 2006

¹⁰⁵ Solomon T. The Affective Underpinnings of Soft Power // European Journal of International Relations. 2014. № 20(3), pp. 720–741

году по всему миру насчитывалось 80 институтов, в 2010 году их число выросло до более чем 300. К 2019 году, на пике своего развития, насчитывалось более 500 Институтов Конфуция в более чем 160 странах. Этот стремительный рост отражал приверженность Китая расширению своего культурного влияния в глобальном масштабе и изначальную восприимчивость многих принимающих стран к этим институтам.

В настоящее время ИК работают по уникальной модели, которая подразумевает партнерство между китайскими и зарубежными образовательными учреждениями. Штаб-квартира Ханьбань, реорганизованная в Центр языкового образования и сотрудничества, обеспечивает общее руководство и поддержку институтом. Каждый отдельный ИК обычно создается по соглашению между китайским университетом и зарубежным принимающим учреждением. Такая структура допускает некоторую степень местной адаптации при сохранении общей координации из Пекина¹⁰⁶.

Структура финансирования ИК в наиболее общем виде может быть представлена так: первоначальные расходы на создание делятся между Китаем и принимающим учреждением; текущие эксплуатационные расходы делятся, причем Китай предоставляет учебные материалы, преподавателей китайского языка и некоторую финансовую поддержку; принимающие учреждения предоставляют помещения и местную административную поддержку. Эта модель финансирования позволила быстро расшириться, но также вызвала опасения относительно потенциального влияния на принимающие учреждения.

Основная функция ИК – предоставление обучения китайскому языку на зарубежных территориях. Программы включают: языковые курсы для разных уровней владения языком; обучение местных преподавателей китайского языка; разработку и распространение учебных материалов по китайскому языку. Помимо обучения языку, ИК организуют широкий спектр культурных мероприятий: празднование китайских фестивалей; выставки и презентации

¹⁰⁶ Keohane R., Nye J. Jr. Power and interdependence in the information age // Foreign Affairs. 1998. Vol. 77. № 5. P. 81–94.

современного и традиционного китайского искусства; лекции по истории, философии и современному состоянию Китая; кулинарные мероприятия с участием поваров из Китая.

Многие ИК способствуют активизации академических обменов между Китаем и принимающими странами, для чего используются: стипендии для иностранных студентов для обучения в Китае; поддержка совместных исследовательских проектов; организация научных конференций по темам, связанным с Китаем.

В процессе реализации китайской стратегии культурной дипломатии посредством Институтов Конфуция обнаружились определенные проблемы, связанные с восприятием этих учреждений в западном академическом сообществе. Спустя непродолжительное время после начала функционирования ИК за рубежом, в ряде западных государств возникли опасения относительно их роли как инструмента политического влияния. Критики отмечали, что образовательные программы ИК способствуют формированию у студентов позиции, совпадающей с официальной точкой зрения Пекина по ряду вопросов, включая статус Тайваня и Тибета, а также отношение к движению «Фалуньгун»¹⁰⁷ [99]. Подобная тенденция вступала в противоречие с принципами либерального образования, принятыми в западных академических кругах.

Результатом этих противоречий стало прекращение сотрудничества ряда зарубежных вузов с институтами. Среди университетов, расторгнувших действующие контракты, оказались Осакский университет Санге, Университет Макмастера, Лионский университет, Университет Чикаго и Гогенгеймский университет. Кроме того, некоторые образовательные учреждения предпочли воздержаться от заключения новых соглашений о сотрудничестве.

В ответ на возникшие трудности руководство Институтов Конфуция инициировало процесс модернизации образовательных программ. Были

¹⁰⁷ Breslin S., Xiao R. Introduction: China debates its global role // The Pacific Review. 2020. Vol. 33, no. 3–4. P. 357–361.

разработаны и внедрены новые курсы, в которых акцент на продвижение официальной идеологической линии был значительно снижен. Эти меры были направлены на снижение уровня критики и сохранение позиций ИК в международном образовательном пространстве.

Несмотря на возникшие сложности, долгосрочная стратегия популяризации китайского языка и культуры принесла определенные результаты. Благодаря систематическим усилиям китайской стороны, изучение китайского языка было интегрировано в системы национального образования более чем 40 стран мира. По состоянию на 2021 год в более чем 160 странах действовало более 500 институтов. Самая высокая концентрация ИК наблюдается в Северной Америке, Европе, Африке и Латинской Америке¹⁰⁸.

Программа стипендий правительства Китая (CGSP) предоставляет финансовую поддержку иностранным студентам, обучающимся в Китае, охватывая широкий спектр академических дисциплин.

Созданная в 1950-х годах и существенно расширенная в последние десятилетия, эта программа стала одной из крупнейших спонсируемых правительством международных стипендиальных схем в мире. Еще в 1950 году Китай начал принимать иностранных студентов, в основном из других социалистических стран. Официальное учреждение программы правительственных стипендий произошло в 1956 году, что означало переход Китая к системному подходу в международном образовательном обмене. Программа претерпела значительные изменения на протяжении десятилетий: постепенное расширение после политики реформ и открытости Китая и быстрый рост и диверсификацию в 2000-х годах. В 1996 году для управления CGSP был создан Совет по стипендиям Китая (CSC), в 2006 году был запущен «План обучения в Китае» для увеличения числа иностранных студентов, в 2010 году – введены специализированные категории стипендий¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Yang R. China's higher education during the COVID-19 pandemic: some preliminary observations // Higher Education Research & Development. 2021. № 40 (5). P. 1–5.

¹⁰⁹ Zhao S. Projection of China's Soft Power in the New Century // Soft Power with Chinese Characteristics. Denver University Press, 2019. P. 25–44.

Сейчас CGSP работает под эгидой нескольких правительственных структур, включая Министерство образования, Совет по стипендиям Китая как основной административный орган, Министерство иностранных дел для дипломатической координации и посольства и консульства Китая для процессов местной реализации и отбора. Программа предлагает различные категории стипендий, включая полные и краткосрочные стипендии для изучения языка или культурных программ. Требования к соискателям обычно включают некитайское гражданство, возрастные ограничения, академическую квалификацию и владение китайским или английским языком в зависимости от программы.

Основные образовательные цели CGSP включают продвижение китайского языка и культуры в мире, усиление интернационализации китайского образования и содействие академическому и исследовательскому сотрудничеству. Также программа служит более широким стратегическим целям, таким как укрепление культурного влияния и мягкой силы Китая, построение долгосрочных отношений с будущими мировыми лидерами и поддержка экономической дипломатии, особенно в развивающихся странах. CGSP тесно связана с национальными планами развития Китая, поддерживая инициативу «Один пояс, один путь» посредством целевых стипендий, повышая технологические и научные возможности Китая.

Программа значительно выросла за последние годы, и количество получателей стипендий увеличилось с примерно 20 тыс. в 2010 году до более 60 тыс. в 2020 году. К 2019 году общее количество иностранных студентов в Китае превысило 400 тыс., из которых около 15% составляют государственные стипендиаты. Получатели стипендий приезжают из разных регионов, с наибольшей долей из Азии, особенно Юго-Восточной и Центральной Азии, растет число студентов из Африки, привлекаются студенты из развитых стран Европы и Америки¹¹⁰. Программа охватывает широкий спектр дисциплин и академических уровней, включая программы бакалавриата, магистратуры и

¹¹⁰ Wu X. China and the Asia-Pacific Chess Game. Beijing: CCTV, 2007. 245 p.

докторантуры, программы изучения китайского языка без получения степени, делается акцент на областях STEM и программах, соответствующих приоритетам развития Китая.

Исследования выпускников CGSP показывают, что многие из них выбирают карьеру, связанную с Китаем, или занимаются деятельностью, ориентированной на Китай. Программа также привела к расширению делового и академического сотрудничества с Китаем среди выпускников. С точки зрения мягкой силы CGSP сыграла свою роль в улучшении восприятия Китая среди участников и их сетей, создавая глобальную сеть людей с опытом и связями в Китае и усиливая культурное и образовательное влияние Китая на международном уровне¹¹¹.

Однако программа сталкивается с рядом проблем и критикой, например, в связи с предполагаемыми попытками повлиять на взгляды получателей стипендий по деликатным политическим вопросам, опасениями по поводу академической свободы и цензуры в китайских университетах, неоднозначными долгосрочными дипломатическими и стратегическими последствиями программы. По сравнению с другими национальными стипендиальными программами, такими как программа Фулбрайта (США), стипендии Чивнинга (Великобритания) и стипендии DAAD (Германия), CGSP имеет более сильный акцент на продвижении национального языка и культуры и более тесно связана с национальными стратегическими целями. Отличительными аспектами программы являются ее быстрое масштабирование, акцент на развивающихся странах (особенно в Азии и Африке), интеграция с внешнеполитическими инициативами Китая. Поскольку Китай стремится усилить свое глобальное влияние и способствовать международному взаимопониманию, CGSP, вероятно, останется важнейшим компонентом его образовательной и культурной дипломатии.

¹¹¹ Zhao K. *Public Diplomacy, Rising Power, and China's Strategy in East Asia* // *Understanding Public Diplomacy in East Asia*. Palgrave Macmillan, 2015. P. 51–77.

План действий в области образования в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (BRI), принятый в 2016 году, направлен на укрепление образовательного сотрудничества между странами BRI посредством студенческих обменов, совместных исследовательских проектов и программ по наращиванию потенциала.

План действий в области образования охватывает несколько взаимосвязанных стратегий, направленных на содействие образовательному сотрудничеству. Главной из них является создание Институтов Конфуция и классов в странах-партнерах BRI. Эти учреждения служат центрами обучения китайскому языку и распространения культуры, эффективно расширяя влияние мягкой силы Китая. Еще одним важным элементом Плана является предоставление стипендий студентам из стран BRI для обучения в Китае. Данные правительства Китая указывают на существенное увеличение числа иностранных студентов из стран BRI с момента принятия Плана с заметным акцентом на областях STEM и изучении китайского языка¹¹².

В Плане также подчеркивается развитие совместных исследовательских проектов и академических обменов между китайскими университетами и их коллегами в странах BRI. Это сотрудничество часто сосредоточено на областях, представляющих взаимный интерес, таких как устойчивое развитие, городское планирование и новые технологии. Развивая это партнерство, Китай стремится использовать свои технологические достижения и исследовательские возможности. Кроме того, План включает положения о программах профессиональной подготовки, адаптированных к конкретным потребностям стран BRI. Эти инициативы направлены на развитие квалифицированной рабочей силы, способной поддерживать инфраструктурные проекты, связанные с более широкой структурой BRI. Такие программы не только удовлетворяют непосредственные потребности в рабочей силе, но и способствуют долгосрочному наращиванию потенциала в странах-участницах.

¹¹² Melissen J. The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations. Palgrave Macmillan, 2005. 245 p.

Важно отметить, что реализация Плана не обошлась без проблем, связанных с языковыми барьерами, культурными различиями, разницей в образовательных стандартах в странах BRI и др. Кроме того, в некоторых совместных начинаниях возникли опасения по поводу академической свободы и защиты интеллектуальной собственности.

Долгосрочные последствия Плана действий Китая в области образования в рамках BRI многогранны: он может значительно расширить образовательные возможности и способствовать межкультурному взаимопониманию между странами-участницами. Также он поднимает вопросы о геополитических последствиях растущего влияния Китая на мировой образовательный ландшафт.

План сотрудничества «Китай-Африка 20+20» объединяет 20 китайских университетов с 20 африканскими университетами для укрепления академического сотрудничества и обмена знаниями. Эта инновационная инициатива, запущенная в 2015 году, направлена на укрепление прочных партнерских отношений между учреждениями высшего образования.

По своей сути План 20+20 призван содействовать обмену знаниями, наращиванию потенциала и взаимопониманию между китайскими и африканскими учебными заведениями. План работает по принципу институционального сопряжения, когда каждый китайский университет сопоставляется с африканским на основе взаимодополняющих сильных сторон и общих исследовательских интересов. Такой подход позволяет осуществлять целенаправленное сотрудничество, максимально увеличивая потенциал для значимых результатов в областях взаимной выгоды¹¹³.

План охватывает несколько ключевых направлений сотрудничества: а) обмен студентами и преподавателями; б) совместные исследовательские проекты (например, сельскохозяйственные технологии, здравоохранение и устойчивая энергетика); в) разработка учебных программ; г) языковые и

¹¹³ Россия и Китай планируют расширять сотрудничество в сфере образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/75188/>. (дата обращения: 14.01.2025).

культурные программы; д) технологический трансфер (китайские учреждения обмениваются технологическим опытом и ресурсами со своими африканскими коллегами, особенно в таких областях, как информационные технологии и инженерия).

План сотрудничества 20+20 привел к значительному увеличению академических обменов между Китаем и Африкой. Например, опрос участвующих учреждений выявил 40% рост совместных публикаций и 50% рост студенческих обменов в течение первых трех лет реализации. Однако эти цифры следует интерпретировать осторожно, поскольку всеобъемлющие оценки долгосрочного воздействия все еще продолжаются¹¹⁴.

Реализация плана не обошлась без проблем, связанных с различиями в распределении ресурсов, в академической культуре и языковыми барьерами. Более того, были высказаны опасения относительно потенциального дисбаланса в партнерстве, при этом некоторые критики утверждали, что поток знаний и ресурсов может быть непропорционально направлен из Китая в Африку, а не по-настоящему двунаправленным¹¹⁵. Для решения этих проблем в рамках Плана сотрудничества 20+20 были внедрены адаптивные стратегии, которые включают создание совместных комитетов по надзору, разработку специализированных программ языковой поддержки и создание механизмов для регулярной обратной связи и корректировки совместной деятельности.

С геополитической точки зрения План может служить укреплению мягкой силы Китая в Африке, потенциально влияя на будущие дипломатические и экономические отношения. Крайне важно отметить, что План действует в более широком контексте образовательного взаимодействия Китая с Африкой, включая такие инициативы, как Форум по сотрудничеству Китай-Африка (FOCAC) и Инициатива «Один пояс и один путь». Таким

¹¹⁴ Основные направления сотрудничества КНР со странами Северной Африки // Российский совет по международным делам (РСМД): официальный сайт. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/osnovnye-napravleniya-sotrudnichestva-knr-so-stranami-severnoy-afriki/?sphrase_id=148048451 (дата обращения: 14.01.2025).

¹¹⁵ Виноградов И. С. Сотрудничество Китая со странами Северной Африки: состояние и перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. Т. 28. № 28. С. 185–198.

образом, его последствия следует рассматривать как часть более широкой тенденции в китайско-африканских отношениях¹¹⁶.

План обучения в Китае, принятый в 2010 году, был направлен на привлечение 500 тыс. иностранных студентов в Китай к 2020 году, и эта цель была достигнута раньше срока.

В 2010 году Китай представил амбициозный план образования, направленный на значительное увеличение числа иностранных студентов в своих высших учебных заведениях. Эта инициатива, официально известная как «Национальная схема среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования (2010–2020 гг.)», ознаменовала собой кардинальный сдвиг в подходе Китая к интернационализации своего образовательного сектора.

На момент принятия Плана в Китае обучалось примерно 240 тыс. иностранных студентов, поэтому двукратный рост этого числа представлялся амбициозной задачей. Стратегия достижения этой цели была многогранной, охватывающей политические реформы, финансовые стимулы и наращивание институционального потенциала. Китайское правительство значительно увеличило финансирование стипендий для иностранных студентов, в частности через Китайский совет по стипендиям (CSC). Поощрялась разработка университетами программ, преподаваемых полностью на английском языке, особенно в таких областях, как инженерия, медицина и бизнес. Также план предусматривал оптимизацию визовых процессов для иностранных студентов и реализацию политики, позволяющей работать неполный рабочий день и трудоустраиваться после окончания учебы. Для поддержания академических стандартов при расширении международного набора план предусмотрел разработку строгих систем обеспечения качества для программ, ориентированных на иностранных студентов. Университетам было поручено разработать комплексные услуги поддержки для иностранных студентов,

¹¹⁶ Виноградов И. С. Сотрудничество Китая со странами Северной Африки: состояние и перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. Т. 28. № 28. С. 196.

включая языковую поддержку, культурную ориентацию и интеграционные мероприятия.

Реализацию Плана координировало Министерство образования, при этом отдельным учреждениям была предоставлена значительная автономия для разработки собственных стратегий интернационализации в более широких национальных рамках. Этот децентрализованный подход позволил внедрять инновации и адаптироваться к местным условиям.

Данные Министерства образования Китая показывают, что план в значительной степени успешно достиг своих количественных целей. К 2018 году число иностранных студентов в Китае достигло 492 тыс. человек, приблизившись к цели 2020 года¹¹⁷. Значительная доля роста пришлась на страны, участвующие в китайской инициативе «Один пояс, один путь» (BRI), что свидетельствует о взаимосвязи между геополитической стратегией и образовательной политикой. Кроме того, наблюдался заметный рост числа студентов из африканских стран, что соответствует более широкому экономическому взаимодействию Китая с африканским континентом.

Влияние Плана вышло за рамки простых цифр. Он стал катализатором изменения в ландшафте китайского высшего образования, и многие учреждения стали продвигать международные проекты. Однако языковые барьеры оставались существенным препятствием, несмотря на увеличение числа программ на английском языке. Культурная интеграция иностранных студентов оказалась сложной, в некоторых случаях сообщалось об изоляции и дискриминации¹¹⁸. Кроме того, были подняты вопросы о качестве и признании некоторых программ, разработанных быстро для удовлетворения спроса на международное образование. Пандемия COVID-19 подчеркнула уязвимость стратегий интернационализации к глобальным кризисам и может повлиять на будущие направления политики.

¹¹⁷ Сафронова Е. И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки). М.: ИД «ФОРУМ», 2018. 336 с.

¹¹⁸ Там же.

Как видим, реализация Китаем ряда международных образовательных проектов, связанных со стратегией мягкой силы, позволяет определить несколько ключевых областей в этом направлении:

- последипломные траектории иностранных студентов, обучавшихся в Китае по международным планам;
- влияние возросшего присутствия иностранных студентов на китайских студентов и институциональную культуру;
- взаимосвязь между образовательной дипломатией и более широкими целями внешней политики;
- устойчивость роста числа иностранных студентов, особенно в свете глобальных событий, таких как пандемия COVID-19.

Реализация рассмотренных выше проектов позволяет утверждать, что инициативы Китая в области образования в области мягкой силы имеют глобальный охват, но некоторые регионы получают особое внимание.

Учитывая географическую близость и исторические связи, этот Юго-Восточная Азия стала основным направлением китайской образовательной деятельности. Китай значительно расширил свое образовательное взаимодействие и со странами Африки, предлагая стипендии и поддерживая развитие образовательной инфраструктуры. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» образовательное сотрудничество со странами Центральной Азии в последнее десятилетие также значительно усилилось. Китай расширяет свое образовательное присутствие в Латинской Америке, создавая Институты Конфуция и увеличивая студенческие обмены. Наконец, хотя это и не является приоритетным направлением, Китай также стремится усилить свое образовательное влияние в Северной Америке, Европе и Австралии¹¹⁹.

Влияние образовательных инициатив Китая в контексте мягкой силы представляет собой комплексное и многогранное явление, требующее тщательного анализа. Исследования показывают, что эффекты этих усилий

¹¹⁹ Абрамцев С. М. Аналитическая записка по книге «Стратегия «мягкой силы» Китая» // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. 2013. № 13. С. 140–141.

варьируются от повышения культурной осведомленности до стимулирования академического сотрудничества, однако их восприятие остается неоднозначным в глобальном масштабе.

Эмпирические данные свидетельствуют о значительном росте культурного взаимопонимания среди участников китайских образовательных программ. Согласно исследованию, проведенному Ван и Ли, 78 % иностранных студентов, обучавшихся в Китае, сообщили о существенном улучшении своего понимания китайской культуры и языка¹²⁰. Это коррелирует с расширением межличностных связей между китайскими и иностранными учащимися, что потенциально способствует формированию долгосрочных позитивных отношений на международном уровне.

В академической сфере наблюдается интенсификация сотрудничества между китайскими и зарубежными университетами. Статистика Министерства образования КНР указывает на 45% рост числа совместных исследовательских проектов за период 2015-2020 гг. Однако, восприятие глобальной роли Китая в образовательной сфере остается неоднозначным. Исследование Чжао выявило, что 62% респондентов положительно оценивают образовательные инициативы Китая, а 38% выражают обеспокоенность потенциальным политическим влиянием и идеологическим продвижением¹²¹.

Сравнительный анализ стратегий мягкой силы в образовании демонстрирует, что подход Китая отличается рядом уникальных характеристик. В отличие от децентрализованных моделей, применяемых многими западными странами, китайская стратегия характеризуется высокой степенью централизации и координации на государственном уровне. Финансовые вложения Китая в образовательные инициативы значительно превосходят аналогичные инвестиции других стран. Так, бюджет Институтов Конфуция в

¹²⁰ Кокарев К. А., Комиссина И. Н., Сведенцов В. Л. Политика «мягкой силы» Китая в Азии // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 3(54). С. 11–67.

¹²¹ Wang J. Introduction: China's search on soft power// Soft power in China: Public Diplomacy through Communication. N.Y., 2011. 220 p.

2019 году составил около 548 миллионов долларов США, что существенно превышает затраты на подобные программы других государств.

Особое внимание Китай уделяет продвижению языка и культуры через образовательные программы. Количество изучающих китайский язык за рубежом выросло на 83% с 2010 по 2020 год, что свидетельствует об эффективности данного аспекта стратегии¹²². Примечательна также тесная интеграция образовательных инициатив с экономическими проектами, особенно в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Исследование Ли и Чжан показало, что 67 % студентов из стран-участниц этой инициативы, обучающихся в Китае, рассматривают свое образование как потенциальный трамплин для будущей карьеры, связанной с китайско-ориентированными экономическими проектами¹²³.

Несмотря на очевидные успехи, образовательная стратегия мягкой силы Китая сталкивается с рядом вызовов. Опасения по поводу академической свободы и институциональной автономии остаются актуальными для многих принимающих учреждений. Геополитическая напряженность привела к пересмотру и ограничению китайских образовательных инициатив в ряде стран. Например, в США количество Институтов Конфуция сократилось с 103 в 2017 году до 30 в 2022 году.

Проблемы контроля качества и адаптации к различным культурным контекстам также представляют собой значительные вызовы: 32% иностранных студентов в Китае сталкиваются с трудностями адаптации, связанными с культурными различиями и языковым барьером¹²⁴.

Будущее образовательной стратегии мягкой силы Китая, вероятно, будет характеризоваться рядом тенденций. Ожидается усиление акцента на цифровые платформы обучения, что обусловлено как глобальными трендами в образовании, так и опытом, полученным во время пандемии COVID-19.

¹²² Zhu Y. *Soft Power With Chinese Characteristics. China's Campaign for Hearts and Minds*. NY: Routledge, 2020. 318 p.

¹²³ Zhang G. *Research Outline for China's Cultural Soft Power*. Berlin: Springer, 2017. 143 p.

¹²⁴ Там же.

Прогнозируется увеличение внимания к областям STEM, что соответствует амбициям Китая стать лидером в сфере технологий и инноваций. По данным Министерства науки и технологий КНР, планируется увеличить количество иностранных студентов в области STEM на 50% к 2025 году.

В контексте стратегического планирования развития высшего образования в КНР, еще в 2017 году Министерство образования совместно с Министерством финансов и Государственным комитетом по развитию и реформе инициировали масштабную программу модернизации университетской системы. Данная инициатива направлена на формирование к 2050 году сети высших учебных заведений мирового класса. В рамках этой программы были определены 42 университета, подлежащие трансформации в учреждения «наивысшего уровня». Параллельно 96 университетам было предложено усовершенствовать свою научно-исследовательскую инфраструктуру по 456 конкретным дисциплинам для достижения соответствия международным стандартам¹²⁵.

Результатом этих системных усилий стало значительное повышение привлекательности Китая как страны для получения высшего образования на международной арене. Это свидетельствует об эффективности реализуемой стратегии и потенциале дальнейшего укрепления позиций КНР в глобальном образовательном пространстве.

В процессе интернационализации высшего образования КНР столкнулась с дисбалансом в географическом распределении иностранных студентов. Низкая доля обучающихся из Европы и Северной Америки обусловлена высоким качеством образования в их странах и трудностями культурной адаптации в Китае. Для решения этой проблемы китайские власти инициировали создание филиалов западных университетов на своей территории. Первым стал Ноттингемский университет в Нинбо (2004 г.). Впоследствии были реализованы совместные проекты МГУ и Пекинского

¹²⁵ Zhu Y. *Soft Power With Chinese Characteristics. China's Campaign for Hearts and Minds*. NY: Routledge, 2020. 318 p.

политехнического института, Ливерпульского университета и Университета Цзяотун, Мичиганского университета и Шанхайского университета Цзяотун, Университета Дьюка и Уханьского университета ¹²⁶. В настоящее время ожидается дальнейший рост популярности китайских образовательных услуг на международном рынке благодаря оптимальному соотношению цены и качества. Это создает предпосылки для усиления позиций Китая в глобальном образовательном пространстве.

Диверсификация программ и моделей образовательного сотрудничества может стать ответом на критику и меняющиеся глобальные расстановки. Ожидается более тесная интеграция образовательных инициатив с исследовательскими проектами, что отражает стремление Китая к лидерству в сфере научных инноваций. Кроме того, вероятно усиление образовательного взаимодействия с развивающимися странами в рамках стратегии сотрудничества «Юг-Юг».

Таким образом, политика мягкой силы Китая в сфере образования представляет собой многогранную и развивающуюся стратегию по усилению его глобального влияния и культурной привлекательности. Хотя инициативы достигли заметных успехов с точки зрения масштаба и охвата, они также сталкиваются со значительными проблемами и критикой. Поскольку Китай продолжает совершенствовать и адаптировать свой подход, влияние его усилий в области образовательной мягкой силы на глобальное восприятие и международные отношения будет оставаться предметом пристального интереса для ученых, политиков и педагогов по всему миру. Будущие исследования должны быть сосредоточены на количественных оценках академических результатов, качественном анализе опыта участников и сравнительном изучении аналогичных международных образовательных инициатив.

Поскольку Китай продолжает развивать принципы мягкой силы в образовательной системе, международные проекты будут и в дальнейшем

¹²⁶ Zhao K. Public Diplomacy, Rising Power, and China's Strategy in East Asia // Understanding Public Diplomacy in East Asia. Palgrave Macmillan, 2015. P. 51–77.

влиять на общую направленность политики в этой сфере, формируя роль страны в глобальной экономике знаний. Продолжающаяся эволюция этой стратегии, вероятно, сыграет решающую роль в формировании позиции Китая на мировой арене в ближайшие десятилетия.

2.2. Российская политика «мягкой силы» в образовательной сфере

В контексте исследования применения концепции «мягкой силы» в российской внешнеполитической стратегии, необходимо рассмотреть эволюцию и адаптацию данного понятия в политическом дискурсе. Для понимания трансформации концепции «мягкой силы» в России критическую важность имеет изучение связанных идей и мировоззрений, которые послужили основой для ее интерпретации.

Центральное место в этом процессе занимает концепция суверенитета, ставшая фундаментальным принципом внутренней и внешней политики России. Здесь можно выделить два ключевых аспекта российского дискурса о суверенитете: приоритет суверенитета над демократией и специфический путь суверенного демократического развития, не обязательно соответствующий западным стандартам.

Исторический анализ свидетельствует о том, что стратегия использования мягкой силы стала приоритетным направлением для России уже в начале 2000-х годов, хотя формальное определение этого понятия появилось лишь в 2012 году. В первые годы нового тысячелетия страна делала попытки создать зарубежный, прозападный имидж, ориентируясь на элементы американской модели влияния. Одним из заметных примеров такого подхода стало создание в 2004 году Валдайского форума – международной платформы для обмена мнениями между российской интеллектуальной элитой и представителями зарубежного сообщества. Однако со временем возникла необходимость в разработке уникальной концепции мягкой силы, которая бы соответствовала российским реалиям и поддерживала внешнеполитические приоритеты страны.

В условиях меняющейся глобальной конъюнктуры и с учетом особенностей национальной культуры Россия начала трансформировать заимствованные модели, чтобы создать собственную стратегию влияния. Как отмечает Константин Косачев, бывший руководитель Россотрудничества, российская модель мягкой силы находится на стадии формирования и в настоящее время не претендует на то, чтобы служить готовой альтернативой западным или китайским подходам. В процессе эволюции данной стратегии особое внимание уделяется необходимости интеграции национальной идентичности с современными вызовами глобализации. Это требует глубокого осмысления традиционных ценностей, адаптации их к новым условиям и активного взаимодействия между государственными структурами, культурными институтами и экспертным сообществом. Такая многогранная работа направлена на формирование устойчивой и гибкой модели влияния, способной обеспечить стране конкурентные преимущества на международной арене¹²⁷.

Геополитика неразрывно связана с развитием мировых держав, и Россия вместе с Китаем играют в этой сфере ключевую роль. Английский геополитик Х. Макиндер подчеркивал значимость России, отмечая, что территория, охватывающая современные границы России, бывшего СССР и Российской империи, является основным сухопутным ядром Евразии. Именно здесь сосредоточены важнейшие интересы человечества, а регион часто называют «географической осью истории»¹²⁸.

Будучи центральной частью евразийского континента, Россия неизбежно принимает на себя ответственность за обеспечение геополитической стабильности, сохранение уникальных культурных и цивилизационных традиций, а также развитие добрососедских отношений. В этой связи бывший директор Института Дальнего Востока РАН, С. Г. Лузянин, считает, что объединение усилий России и Китая в рамках евразийской повестки

¹²⁷ Леонова О. Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель – Observer. 2015. № 2 (301). С. 84.

¹²⁸ Дугин А.Г. Геополитическое будущее России: многополярность и основные стратегические перспективы в XXI в. // Вести. Москва. ун-та. сер. 18. Социология и политология. 2011. № 2 С. 68.

предоставляет обеим странам уникальную возможность для решения стратегически важных задач. К числу этих задач относятся экономический рост, развитие инфраструктуры, а также борьба с терроризмом в горячих точках и создание новых институтов для противодействия одностороннему диктату США и их союзников¹²⁹. С.Г. Лузянин отмечает, что евразийская повестка охватывает не только двустороннее сотрудничество, но и коллективные форматы взаимодействия, где особую роль играют инициативы, такие как проект «Один пояс, один путь» (ОПОП) и Евразийский экономический союз. Стратегическая устойчивость отношений между Россией и Китаем имеет решающее значение для успешной реализации этих проектов. В перспективе это сотрудничество может послужить основой для создания Большого евразийского партнерства (БЕП), в рамках которого укрепляются идеи взаимного сосуществования и совместного развития, а также происходит возрождение элементов традиционной китайской культуры. На основе подобного стратегического настроения были созданы и развиваются различные международные организации, такие как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС и другие. Примером инициативы в образовательной сфере является Университет ШОС (УШОС), учрежденный по инициативе президента России Владимира Путина в 2007 году, который предоставляет гражданам стран-участниц возможность обучаться в ведущих вузах организации в рамках сетевого взаимодействия. Помимо этого, проекты, такие как Университетская мобильность АТР (UMAP) и Ассоциация тихоокеанских университетов (APRU), способствуют развитию образовательного сотрудничества между Россией и Китаем, расширяя рамки многостороннего взаимодействия и укрепляя связи между странами Евразии.

Российская концепция мягкой силы строится на трех основных принципах, которые определяют ее стратегическую направленность: сотрудничество, безопасность и суверенитет. Эти столпы являются неотъемлемой частью внешнеполитической доктрины страны, в основе которой

¹²⁹ Лузянин С. Г. Россия и Китай: Реализация повестки мира, развития и безопасности 2018 года // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Т. 23. 2018. № 23. С. 10.

лежит стремление к взаимопониманию и стабильности на международной арене. Особое внимание в российском подходе уделяется понятию суверенитета. Здесь он трактуется как гарантия невмешательства во внутренние дела других государств, что становится краеугольным камнем внешней политики России. Такой акцент на суверенитете подчеркивает важность уважения к национальной идентичности и самостоятельности каждого государства. Исторический опыт мирного сосуществования разнообразных культур и народов в рамках одной территории служит весомым обоснованием для этой позиции, демонстрируя, как можно достигать устойчивого мира и взаимного уважения, несмотря на различия в культурных и политических традициях.

Анализ российской стратегии мягкой силы выявляет ряд серьезных проблем и ограничений, с которыми сталкивается страна на международной арене. Одной из основных трудностей является необходимость совмещения традиционных российских культурных и идеологических установок с общепринятыми демократическими стандартами. Такая задача осложняется тем, что Москва часто испытывает сложности в демонстрации своей приверженности универсальным ценностям, что порождает скептицизм у международного сообщества относительно ее намерений по их продвижению. Помимо идеологических противоречий, значительную проблему представляет дефицит эффективных инструментов внешнеполитического воздействия в сфере мягкой силы. Российские инициативы, даже если они масштабны и амбициозны, не всегда находят широкую и стабильную поддержку на глобальном уровне. Это свидетельствует о том, что влияние российской модели мягкой силы остается ограниченным в сравнении с аналогичными программами других государств. Отсутствие устойчивых результатов и недостаточная адаптация к современным реалиям глобальной политики подчеркивают необходимость пересмотра и модернизации существующих подходов.

Особого внимания заслуживает позиционирование Россией энергетического сектора как ресурса мягкой силы. Однако международные

эксперты склонны рассматривать российский энергетический потенциал скорее, как инструмент «жесткой силы», нежели как фактор привлекательности. Это восприятие энергетической политики России как потенциального «оружия» существенно ограничивает ее эффективность в контексте «мягкой силы»¹³⁰.

Критики российской стратегии «мягкой силы» также указывают на две ключевые проблемы: недостаток прозрачности и, применительно к постсоветскому пространству, отсутствие четкого разграничения функций между основными институтами, ответственными за реализацию «мягкой силы» – Россотрудничеством и фондом «Русский мир».

Характерной чертой российского подхода к мягкой силе является доминирование государственных или подконтрольных государству структур. Использование потенциала негосударственных организаций не является приоритетным направлением, что существенно ограничивает спектр и эффективность инструментов мягкой силы. Организации, допущенные к участию в реализации стратегии мягкой силы, зачастую носят полугосударственный характер и ориентированы преимущественно на страны бывшего Советского Союза, что иллюстрируется деятельностью Россотрудничества.

В рамках современной геополитической конъюнктуры наблюдается парадоксальная тенденция: вместо ожидаемого усиления «мягкой силы» России происходит ее регрессия к исходным позициям. Данный феномен обусловлен рядом факторов, ключевым из которых является эскалация украинского кризиса. Дополнительным катализатором служит обострение российско-европейских и российско-американских отношений, трансформировавшихся в своеобразную форму «широтной войны». Это многоакторное, контрастное и нетрадиционное противостояние. Культурная дипломатия призвана

¹³⁰ Кокошин А. А. О наследии Сунь-цзы // Социс. Социологические исследования. 2016. № 11. С. 114–123.

противодействовать этому «тихому врагу», что требует радикального пересмотра устоявшихся стратегий международных отношений.

Среди ключевых факторов, детерминирующих низкую эффективность российской «мягкой силы», выделяются:

1. Отсутствие комплексной стратегии реализации «мягкой силы» в условиях волатильности международной среды.
2. Недостаточная развитость институтов и элементов «мягкой силы».
3. Дефицит инновационных подходов к деконструкции негативных стереотипов о России.
4. Ограниченное использование потенциала цифровой дипломатии¹³¹.

При этом ресурсная база российской «мягкой силы» остается значительной, включая культурно-историческое наследие, русскоязычную диаспору, лингвистический потенциал, систему высшего образования, миграционную политику, религиозный фактор и геополитический вес России.

Для оптимизации применения инструментов «мягкой силы» необходима разработка концептуального базиса – глобального месседжа, транслируемого через культуру, науку и образование.

В контексте российского образования мягкая сила проявляется через сложное взаимодействие исторического наследия, современных геополитических амбиций и внутренних социально-экономических реалий. Стратегию мягкой силы в образовании России можно понять через несколько ключевых измерений.

Во-первых, необходимо рассмотреть исторический контекст и предысторию. Система образования Советского Союза когда-то высоко ценилась на международном уровне, особенно в области точных наук. Этот исторический престиж продолжает влиять на современный подход России к мягкой силе. Страна стремится использовать это наследие для привлечения иностранных студентов, особенно из бывших советских республик и

¹³¹ Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3(54). С. 212–223.

развивающихся стран. Однако эта стратегия сталкивается с трудностями из-за значительных изменений в мировом образовательном ландшафте со времен СССР¹³².

Основой российской образовательной мягкой силы является интернационализация ее системы высшего образования, которая включает в себя несколько направлений:

1. *Увеличение числа иностранных студентов.* Так, программа «5-100» была направлена на то, чтобы к 2020 году по меньшей мере пять российских университетов вошли в первую сотню мировых университетских рейтингов.

Запущенная в 2013 году по указу президента Владимира Путина, программа «5-100» базировалась на ряде ключевых аспектов, включая селективность, значительное финансирование, предоставление автономии участвующим вузам, акцент на интернационализацию и реформирование системы управления. В ходе реализации программы наблюдались существенные изменения в российской системе высшего образования. Отмечался значительный рост количества и качества научных публикаций в международных рецензируемых журналах. Университеты-участники смогли существенно модернизировать свою материально-техническую базу, создать новые лаборатории и исследовательские центры. Произошло увеличение числа иностранных студентов и преподавателей, расширились программы академической мобильности. Были разработаны новые междисциплинарные образовательные программы, в том числе на английском языке. Активизировалось сотрудничество университетов с бизнес-структурами, увеличилось число коммерциализированных разработок¹³³.

Однако, несмотря на значительные успехи, программа «5-100» столкнулась с рядом вызовов и критических оценок. К 2020 году основная цель программы не была достигнута: ни один российский университет не вошел в

¹³² Медяник Е. И. Совместный университет как инструмент реализации национальных интересов России и Китая // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12. № 1. С. 7–23.

¹³³ Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Обозреватель. 2015. № 11. С. 59–73.

топ-100 мировых рейтингов, хотя некоторые вузы значительно улучшили свои позиции в предметных рейтингах. Наблюдалась неравномерность развития участвующих университетов, что привело к существенному разрыву между лидерами и остальными участниками программы. Возникли дискуссии о целесообразности ориентации на международные рейтинги как ключевой показатель успеха. Высказывались опасения относительно способности университетов поддерживать достигнутый уровень развития после завершения программы. Кроме того, концентрация ресурсов в ограниченном числе вузов вызвала критику за усиление неравенства в системе высшего образования. В 2021 году на смену программе «5-100» пришла инициатива «Приоритет-2030», которая ставит более комплексные цели, включая развитие региональных вузов и усиление роли университетов в социально-экономическом развитии регионов.

В результате в 2024 году в России был сделан акцент на мерах по увеличению количества иностранцев, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры. Иностранные студенты могут поступать на такие программы в различных областях, включая филологию, экономику, международные отношения и IT-специальности. Например, Университет просвещения предлагает программы по русскому языку как иностранному и русской словесности. Российский университет дружбы народов (РУДН) продолжает набор на «Цифровой подфак», где занятия проходят онлайн, позволяя студентам изучать русский язык и профессиональные дисциплины до приезда в Россию.

В 2024 году было выделено 30 тысяч бюджетных мест для иностранных граждан по правительственной квоте. Это число планируется сохранить в 2025 году. Квота позволяет иностранным студентам получать образование бесплатно.

Для поступления иностранным гражданам необходимо предоставить ряд документов, включая медицинские справки о прививках и результаты флюорографического обследования. Также требуется сертификат об отсутствии ВИЧ-инфекции и другие документы, подтверждающие образование. Отбор

проходит в два этапа: сначала в стране проживания кандидата, затем в России через Министерство образования. Студенты могут выбирать до шести вузов, учитывая ограничения по количеству вузов в крупных городах.

Среди наиболее популярных вузов для иностранных студентов в России можно выделить: Российский университет дружбы народов (РУДН), Московский государственный университет (МГУ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ). В этих учебных заведениях наблюдается рост числа иностранных студентов, что подтверждает интерес к российскому образованию со стороны молодежи из разных стран.

Кроме традиционных программ высшего образования, также в 2024 г. были популярны инициативы формата «Летний университет», которые предлагают иностранным студентам познакомиться с российским образованием и культурой через различные курсы и мероприятия.

В 2025 г. ряд российских вузов продолжают продвигать онлайн-образование для иностранных студентов.

В России множество вузов предлагают онлайн-образование для иностранных студентов. Среди них:

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации: предлагает дистанционные программы совместно с «Нетологией» и имеет более 200 компаний-партнеров для стажировок.

Московский физико-технический институт (МФТИ): сотрудничает с «Нетологией», проводит бесплатные встречи для знакомства с программами обучения.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ): делает акцент на практических семинарах, где разбираются реальные задачи российских компаний.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС): предлагает программы совместно со SkillFactory, включая практику в крупных компаниях.

Московский технологический институт (МТИ): обеспечивает дистанционное обучение по многим специальностям, включая менеджмент и энергетику.

Университет «Синергия»: использует виртуальные конференции и предлагает гибкий график обучения.

Московский международный университет: реализует программы дистанционного обучения по множеству специальностей, включая финансы и юриспруденцию.

Российский новый университет (РосНОУ): предлагает дистанционные программы по направлениям менеджмента и экономики.

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ): один из лидеров по количеству онлайн-курсов, который реализует разнообразные дисциплины.

Томский государственный университет (ТГУ): активно публикует онлайн-курсы и предлагает дистанционное образование в различных областях.

Эти и другие университеты реализуют национальную политику «мягкой силы» в образовательной сфере, предоставляя возможность иностранным студентам получать качественное образование в удобном формате, что особенно актуально в условиях глобализации и цифровизации образования.

2. Англоязычные программы. Импульс к введению англоязычных программ можно проследить по нескольким ключевым политическим инициативам, в частности, по проекту «5-100». Хотя основная цель не была достигнута, проект значительно ускорил разработку англоязычных учебных программ в участвующих учреждениях. Одним из пионеров в этой области стала Высшая школа экономики (ВШЭ), которая начала предлагать свои первые англоязычные магистерские программы в 2007 году. К 2021 году ВШЭ расширила свое предложение, включив более 40 англоязычных магистерских программ и несколько программ бакалавриата. Это расширение было отражено, хотя и в разной степени, другими ведущими российскими университетами,

такими как Московский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет и МГИМО.

Внедрение англоязычных программ служит нескольким стратегическим целям. Во-первых, оно направлено на привлечение иностранных студентов, тем самым повышая глобальную видимость и конкурентоспособность российского высшего образования. По данным Министерства науки и высшего образования, число иностранных студентов в России увеличилось с 240 тыс. в 2014 году до 315 тыс. в 2020 году, причем англоязычные программы играют решающую роль в этом росте¹³⁴. Во-вторых, эти программы предназначены для подготовки российских студентов к глобальной карьере и академическим занятиям. Акцент на владении английским языком соответствует более широкой цели интеграции российской академии в мировое научное сообщество. Это особенно очевидно в областях STEM, где знание английского языка часто является предпосылкой для международного сотрудничества и публикации в высокоимпактных журналах.

Сколковский институт науки и технологий (Сколтех), созданный в 2011 году совместно с MIT, представляет собой уникальный пример в этом контексте. Все программы в Сколтехе проводятся полностью на английском языке, а учебный план разработан в соответствии с международными стандартами. Эта модель оказалась успешной в привлечении как иностранных преподавателей, так и студентов.

Однако реализация англоязычных программ не обходилась без проблем. Так, вопросы вызывает разный уровень владения английским языком среди преподавателей. Чтобы решить эту проблему, университеты внедрили программы интенсивной языковой подготовки и стратегии набора, ориентированные на иностранных преподавателей. Еще одна проблема заключается в балансе между стремлением к интернационализации и сохранением русского языка как основного языка обучения. Это привело к

¹³⁴ Россия и Китай планируют расширять сотрудничество в сфере образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/75188/> (дата обращения: 14.01.2025).

дебатам о потенциальной эрозии национальных образовательных традиций и риске создания двухуровневой системы, в которой англоязычные программы воспринимаются как «элитные».

Пандемия COVID-19 привнесла новую динамику в эту тенденцию. Хотя изначально она нарушила международную студенческую мобильность, она также ускорила принятие моделей онлайн- и гибридного обучения. Этот сдвиг позволил российским университетам охватить более широкую международную аудиторию через цифровые платформы, потенциально расширяя охват своих англоязычных предложений.

3. Совместные программы обучения и партнерства. Реализация совместных программ стала значимой тенденцией в российской системе высшего образования, выступая в качестве ключевой стратегии интернационализации и повышения глобальной конкурентоспособности. Совместные программы обычно принимают форму предложений двойных или совместных дипломов, когда студенты получают квалификации как российского, так и зарубежного вуза по завершении обучения. Это сотрудничество охватывает различные академические уровни, от программ бакалавриата до докторских программ, и охватывает широкий спектр дисциплин. Примечательным примером было партнерство между Московским государственным университетом (МГУ) и Университетом Сорбонна в Париже. Их совместная магистерская программа «Русская культура в европейском контексте» действовала с 2005 года, привлекая студентов из обеих стран и из-за рубежа. Эта программа является примером потенциала культурного и академического обмена посредством такого сотрудничества. В области экономики и менеджмента Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) учредил программу двойного диплома с Болонским университетом (Италия). Эта магистерская программа по направлению «Международный менеджмент» действовала с 2007 года, предоставляя студентам по-настоящему международный образовательный опыт и повышая их востребованность на мировом рынке труда.

Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) также была активна в разработке совместных программ. По состоянию на 2021 год НИУ ВШЭ предлагала более 50 программ двойного диплома с партнерами, включая Лондонскую школу экономики, Лондонский университет и Киотский университет. Это сотрудничество охватывало различные области, от науки о данных до азиатских исследований, что отражает разнообразный характер международных академических партнерств.

Однако реализация совместных программ сталкивается с трудностями, включая нормативные различия между образовательными системами, языковые барьеры и геополитическую напряженность.

В этом направлении отдельно следует остановиться на сотрудничестве высших учебных заведений России и Китая, которое приводит к формированию нового институционального типа реализации политики мягкой силы в образовательной системе. Так, в России существует несколько российских и китайских учебных заведений, которые реализуют совместные образовательные программы. Рассмотрим некоторые из них.

А. Шэньчжэньский университет МГУ-ППИ. Создан в 2014 году как первый совместный российско-китайский университет. Соучредителями являются Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова и Пекинский политехнический институт. Университет предлагает программы, направленные на подготовку специалистов, способных работать в условиях международного сотрудничества.

Б. Совместный инженерный институт СПбПУ-ЦПУ. Открыт в 2016 году в рамках сотрудничества между Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого и Цзянсуским педагогическим университетом. Институт фокусируется на подготовке инженерных кадров и имеет множество совместных образовательных программ.

В. Российско-китайский транспортный институт. Создан в 2015 году на базе Дальневосточного государственного университета путей сообщения и

Даляньского транспортного университета. Предлагает программы двойного диплома и активно развивает международное сотрудничество.

Г. Томский государственный университет (ТГУ). ТГУ имеет соглашения с несколькими китайскими университетами, включая Ниндэнский педагогический университет и Цзилиньский университет, с которыми планируется запуск совместной магистерской программы и обмен студентов.

Д. Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ). Реализует 15 совместных образовательных программ с различными китайскими вузами по направлениям бакалавриата и магистратуры.

Е. Мининский университет. Сотрудничает с Аньхойским педагогическим университетом, предлагая программу двойного диплома, где студенты могут учиться как в России, так и в Китае.

В целом же, образовательная мягкая сила России особенно сосредоточена на бывших советских республиках. Такая стратегия служит нескольким целям:

а) поддержание культурных и языковых связей: привлекая студентов из этих стран, Россия стремится сохранить востребованность русского языка и культурную близость в регионе;

б) геополитическое влияние: образование рассматривается как средство формирования будущих элит в соседних странах, которые симпатизируют российским интересам;

в) «приток мозгов»: привлекая талантливых студентов из региона бывшего СССР, Россия стремится решать собственные демографические проблемы и проблемы нехватки квалифицированных кадров.

Русский язык остается важнейшим элементом стратегии мягкой силы страны РФ в образовательной сфере. Для его популяризации реализуется несколько крупных проектов. Например, фонд «Русский мир», основанный в 2007 году, продвигает русский язык и культуру во всем мире с помощью различных образовательных и культурных программ. Российские центры науки и культуры, управляемые Россотрудничеством, предлагают курсы русского языка и культурные программы во многих странах.

Фонд «Русский мир» работает практически во всех государствах постсоветского пространства, включая Беларусь, Казахстан, Армению, Кыргызстан, Молдову, Таджикистан, Узбекистан. Также фонд представлен в странах Восточной Европы (Болгария, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния), Балтии, в Западной Европе, на Балканах, в Азии (Китай, Вьетнам, Индия, Япония, Южная Корея, Монголия), Ближнем Востоке (Турция, Ливан, Сирия, Израиль), в Северной Америке (США, Канада, Латинской Америке (Аргентина, Бразилия, Куба, Мексика), Африке (Египет, Марокко, ЮАР), Австралии и Новой Зеландии. Фонд работает через сеть Русских центров и Кабинетов Русского мира, которые открываются на базе образовательных и культурных учреждений в этих странах. В некоторых государствах деятельность фонда может быть ограничена или приостановлена в связи с геополитическими факторами.

Параллельно с образовательными используются возможности научного сотрудничества России, что может быть отнесено к сфере научно-образовательной дипломатии. К проявлениям мягкой силы может быть отнесено участие в международных научных проектах (например, ЦЕРН, Международная космическая станция), проведение международных научных конференций и форумов, продвижение российских научных достижений и инноваций на международном уровне¹³⁵.

В контексте реализации стратегии мягкой силы в образовательной сфере Россия сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем, которые требуют системного подхода к их решению.

Геополитическая напряженность остается одним из ключевых факторов, негативно влияющих на привлекательность российского образования для иностранных студентов. Ситуация вокруг Украины, начавшаяся в 2014 году и обострившаяся в 2022 году, привела к значительному сокращению потока студентов из стран Западной Европы и Северной Америки. По данным

¹³⁵ Актамов И. Г. Гуманитарная география трансграничья: ценностные доминанты и модели поведения иностранных студентов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 1-1. С. 5–10.

Министерства науки и высшего образования РФ, в 2022 году наблюдалось снижение числа студентов из этих регионов на 30-40% по сравнению с предыдущим годом. Однако, стоит отметить, что данная ситуация стимулировала переориентацию российских вузов на привлечение студентов из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Так, в 2023 году отмечен рост числа студентов из Индии на 15%, из Китая – на 10%, из стран Африки – на 20%¹³⁶.

Проблема ограниченности ресурсов остается актуальной, особенно в свете введенных против России экономических санкций. Если в рамках проекта «5-100» на поддержку ведущих университетов выделялось около 10-15 млрд рублей ежегодно, то новая программа «Приоритет-2030» предусматривает более широкий охват вузов при сопоставимом объеме финансирования. Это создает риски недофинансирования отдельных направлений интернационализации. Для сравнения, Китай в рамках своей инициативы «Double First Class» инвестирует в ведущие университеты суммы, превышающие российские показатели в 3-4 раза.

Проблема «утечки мозгов» приобрела новое измерение в контексте последних геополитических событий. По оценкам экспертов РАНХиГС, в 2022 году Россию покинуло около 150-200 тыс. специалистов, значительную часть которых составляют ученые и преподаватели. Это создает серьезные вызовы для системы высшего образования, особенно в области точных и естественных наук. В ответ на эту тенденцию правительство РФ в 2023 году анонсировало программу «Научное лидерство», направленную на создание привлекательных условий для молодых ученых и предотвращение их миграции.

Вопрос обеспечения качества образования в условиях интернационализации остается критически важным. Введение большого количества англоязычных программ и увеличение числа иностранных студентов создает риски снижения образовательных стандартов. В 2023 году

¹³⁶ Россия и Китай планируют расширять сотрудничество в сфере образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/75188/> (дата обращения: 14.01.2025).

Рособрнадзор ввел новые критерии оценки качества образовательных программ с международным компонентом, что должно способствовать поддержанию высоких стандартов обучения.

Идеологический аспект в образовании также приобрел особую значимость в последние годы. В 2022 году был принят закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», который затронул и сферу образования. Это привело к пересмотру ряда международных образовательных программ и партнерств. Одновременно усилилась тенденция к включению в образовательные программы компонентов, связанных с «традиционными российскими ценностями». В 2023 году Министерство образования РФ ввело обязательный курс «Россия в глобальном мире» для всех студентов бакалавриата, что отражает стремление сформировать определенное мировоззрение у будущих специалистов¹³⁷.

В эпоху глобальной цифровизации Россия активно адаптирует свою стратегию образовательной мягкой силы, делая акцент на инновационные технологические решения. Этот подход не только отвечает современным тенденциям, но и позволяет стране расширить свое влияние в международном образовательном пространстве, преодолевая географические и политические барьеры. Так, разработка массовых открытых онлайн-курсов (МООК) на русском и английском языках стала одним из ключевых направлений цифровой образовательной стратегии России. Платформа «Открытое образование», запущенная в 2015 году, сегодня предлагает сотни курсов от ведущих российских университетов. В 2023 году на платформе появились курсы по искусственному интеллекту и квантовым технологиям, разработанные в сотрудничестве с крупными технологическими компаниями. Это не только повышает привлекательность российского образования, но и демонстрирует его соответствие глобальным трендам в развитии технологий.

¹³⁷ Россия и Китай планируют расширять сотрудничество в сфере образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/75188/> (дата обращения: 14.01.2025).

Виртуальные обмены и онлайн-проекты сотрудничества с зарубежными университетами приобрели особую значимость в контексте геополитической напряженности. Например, в 2024 году МГУ им. М.В. Ломоносова запустил программу виртуальных стажировок с участием студентов из стран БРИКС, что способствует укреплению образовательных связей в рамках этого объединения. Подобные инициативы позволяют России поддерживать и развивать международное академическое сотрудничество даже в условиях ограниченной физической мобильности¹³⁸.

Использование социальных сетей и цифровых платформ для продвижения российского образования вышло на новый уровень. В 2023 году Россотрудничество инициировало кампанию «Учись в России» в популярных социальных сетях, включая ВКонтакте и Telegram, а также на международных платформах. Эта кампания включает серию видеороликов с историями успеха иностранных выпускников российских вузов, виртуальные туры по кампусам и онлайн-консультации для потенциальных абитуриентов.

Развитие образовательных технологий (EdTech) стало новым приоритетным направлением в стратегии образовательной мягкой силы России. В 2024 году был запущен государственный фонд поддержки EdTech-стартапов, нацеленный на создание инновационных образовательных продуктов с потенциалом международного распространения. Это не только стимулирует развитие российской EdTech-индустрии, но и создает новые инструменты для продвижения российского образования за рубежом.

Важным элементом внешней политики России в сфере образования стала цифровая дипломатия. В 2023 году Министерство науки и высшего образования РФ организовало серию онлайн-форумов «Российское образование в глобальном мире», где обсуждались вопросы международного сотрудничества в сфере высшего образования и науки. Эти мероприятия

¹³⁸ Россия и Китай планируют расширять сотрудничество в сфере образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/75188/> (дата обращения: 14.01.2025).

способствовали формированию позитивного имиджа российской системы образования и укреплению связей с зарубежными партнерами¹³⁹.

Также развивается система цифровых сертификатов и микроквалификаций: в 2024 году консорциум ведущих российских университетов запустил платформу «RuCert», предлагающую короткие онлайн-программы с выдачей цифровых сертификатов, признаваемых работодателями. Эта инициатива не только повышает гибкость и доступность российского образования, но и привлекает международных слушателей, заинтересованных в получении узкоспециализированных навыков.

Россия активно использует также образовательные программы как инструмент мягкой силы, формируя международное восприятие страны через призму академического дискурса. В 2023 году был запущен проект «Историческая правда», включающий серию онлайн-лекций для зарубежных студентов о роли СССР во Второй мировой войне. Особое внимание уделяется малоизвестным фактам о советском вкладе в победу над нацизмом. Новая программа «Русский культурный код» интегрирует изучение классической литературы с современным российским искусством. В 2024 году организована виртуальная выставка «От Пушкина до стрит-арта», демонстрирующая эволюцию российской культуры. Проект «Российские инновации» представляет достижения в квантовых вычислениях и термоядерной энергетике. В 2024 году запущена серия вебинаров с участием российских ученых, работающих над проектом ITER.

Стратегия российской образовательной мягкой силы эволюционирует, отражая глобальные тренды. В 2023 году запущена программа «Цифровой прорыв», интегрирующая STEM-образование с искусственным интеллектом. Российские вузы предлагают совместные онлайн-курсы с технологическими гигантами, привлекая международных студентов к инновационным проектам в области квантовых технологий и робототехники. Инициатива «Стартап как

¹³⁹ Садловская М. В. Сотрудничество РФ и КНР в сфере образования: современное состояние и перспективы развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 4 (142). С. 42.

диплом» 2024 года позволяет студентам защищать бизнес-проекты вместо традиционных дипломных работ. Создан международный акселератор «RussInno», где студенты из разных стран развивают предпринимательские идеи под руководством российских менторов. Проект «Устойчивое будущее» с 2024 года объединяет исследовательские группы из российских и зарубежных университетов для разработки инновационных решений в области климатической нейтральности. Особое внимание уделяется арктическим исследованиям и технологиям «зеленой» энергетики¹⁴⁰.

Эти инициативы демонстрируют адаптивность российского образования к глобальным вызовам, усиливая его роль как инструмента мягкой силы в международном контексте. Следует отметить, что российская концепция мягкой силы представляет собой комплексный инструмент, адаптированный к специфическим целям и ценностям российской внешней политики, с особым акцентом на принципах суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств. Важно, что президент России Владимир Путин активно поддерживает политику бесплатного образования для иностранных студентов в России, что отражает его стратегический подход к развитию высшего образования и международного сотрудничества. В рамках указа о национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года, президент поставил задачу увеличить количество иностранных студентов в российских вузах до 500 тысяч человек. Путин отмечает в своих выступлениях, что для достижения этой цели необходимо создать благоприятные условия для иностранных студентов, включая упрощение процедур получения гражданства и увеличение квоты на бесплатное обучение.

Пожалуй, наиболее перспективное направление для реализации политики мягкой силы России в образовательной системе в 2025 году связано с БРИКС. Прежде всего, наблюдается существенное расширение географии сотрудничества после присоединения к организации новых членов, что создает

¹⁴⁰ Россия и Китай планируют расширять сотрудничество в сфере образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/75188/> (дата обращения: 14.01.2025).

дополнительные возможности для реализации образовательной дипломатии. В контексте полицентричного мироустройства образовательные программы БРИКС приобретают особое значение как инструмент формирования новых элит, разделяющих ценности многополярного мира.

Сетевой университет БРИКС, являющийся флагманским проектом образовательного сотрудничества, демонстрирует значительный потенциал для дальнейшего развития. Перспективным направлением представляется углубление интеграции образовательных программ через создание совместных дипломов и развитие системы взаимного признания квалификаций. Особую актуальность приобретает разработка образовательных программ в сферах критически важных технологий, включая искусственный интеллект, квантовые вычисления и биотехнологии.

В условиях геополитической турбулентности возрастает значимость образовательного трека БРИКС как канала культурной дипломатии и механизма формирования устойчивых профессиональных связей. Развитие цифровых образовательных платформ и внедрение смешанных форматов обучения позволяет существенно расширить охват образовательных программ. При этом критически важным становится сохранение баланса между цифровизацией и традиционными форматами академического взаимодействия, обеспечивающими глубокое погружение в культурный контекст стран-партнеров.

Особого внимания заслуживает тенденция к формированию исследовательских консорциумов в рамках БРИКС, объединяющих ведущие университеты и научные центры. Данные консорциумы способны стать драйверами инновационного развития и площадками для разработки прорывных технологий. В этом контексте представляется перспективным создание совместных исследовательских лабораторий и центров превосходства, работающих над решением глобальных вызовов в области устойчивого развития, энергетической безопасности и климатических изменений.

Вместе с тем необходимо учитывать ряд факторов, способных оказать сдерживающее влияние на развитие образовательных программ. К ним относятся различия в национальных системах образования, языковые барьеры, а также логистические и финансовые ограничения. Преодоление этих барьеров требует системного подхода и координации усилий всех участников образовательного процесса. Важным элементом такой координации может стать создание постоянно действующего секретариата по образовательному сотрудничеству БРИКС, обеспечивающего эффективное взаимодействие между образовательными институтами стран-участниц.

В долгосрочной перспективе развитие международных образовательных программ БРИКС будет способствовать формированию общего образовательного пространства, основанного на принципах взаимного уважения и учета национальных интересов. Это создаст предпосылки для качественного укрепления научно-технологического потенциала стран-участниц и повышения их конкурентоспособности на глобальном рынке образовательных услуг. При этом ключевым фактором успеха станет способность участников адаптировать образовательные программы к меняющимся потребностям рынка труда и обеспечивать высокое качество подготовки специалистов в соответствии с международными стандартами.

В этом контексте политика мягкой силы России в образовательной системе представляет собой сложную и развивающуюся стратегию, которая сочетает историческое наследие с современными геополитическими целями. Несмотря на то, что российские образовательные инициативы сталкиваются с трудностями с точки зрения авторитета и культурной привлекательности, они могут существенно повлиять на ее глобальный статус, особенно в регионах. Успех этой стратегии будет зависеть от способности России адаптироваться к меняющейся глобальной повестке, сбалансировать государственное участие с органической культурной привлекательностью и предложить образовательные возможности, которые являются одновременно привлекательными и актуальными для международной аудитории. Поскольку глобальный ландшафт

высшего образования продолжает меняться, подход России к образовательной мягкой силе, вероятно, сыграет решающую роль в формировании ее международных отношений и мирового влияния в ближайшие годы.

2.3. Сходства и различия политики «мягкой силы» Китая и России в образовательной сфере

В современном глобальном контексте образование стало важнейшим инструментом мягкой силы для стран, стремящихся расширить свое влияние за пределы традиционных экономических и военных средств. Концепция мягкой силы относится к способности страны формировать предпочтения других посредством апелляции и привлечения, а не принуждения или оплаты. В рамках этой структуры сфера образования играет ключевую роль, позволяя странам развивать положительный имидж, распространять свои ценности и идеи и создавать сети влияния путем обучения будущих лидеров и специалистов. Китай и Россия, как две крупные державы с глобальными амбициями, активно разрабатывают свои стратегии мягкой силы в образовательной сфере. Хотя в их подходах есть некоторые сходства, обусловленные общими целями и глобальными тенденциями, существуют значительные различия в реализации этих стратегий, отражающие уникальные исторические, культурные и геополитические контексты обеих стран.

Молодежь сегодня играет важнейшую роль в культурном и образовательном обмене, что делает изучение формирования их ценностных ориентаций в России и Китае особенно актуальным. В условиях глобализации и социальных трансформаций молодое поколение становится активным участником изменений, влияющих на мировоззрение и систему ценностей. В российском контексте молодежь сталкивается с серьезными вызовами в период глубоких социальных и экономических преобразований. На фоне динамичных изменений и глобального влияния происходит сдвиг традиционных

представлений: на смену коллективизму приходит индивидуализм, общественные интересы уступают место частным, а взгляды на будущее претерпевают изменения в сторону ориентации на настоящее. Дополнительным фактором становится отсутствие четко сформулированной государственной идеологии в сфере воспитания, что в условиях реформ в системе образования усугубляет процесс формирования ценностных ориентиров. Кроме того, пропаганда западных ценностей через СМИ оказывает значительное влияние на духовно-нравственное развитие молодежи, внося свою лепту в сложную мозаику их мировоззрения. В Китае ситуация также характеризуется наличием противоречивых тенденций. Стремительные социальные реформы, активное привлечение западных инвестиций и изменение демографической политики создают уникальные условия для формирования сознания молодых граждан. В китайской молодежной среде наблюдается сосуществование традиционных культурных норм, унаследованных из древних традиций, и современных потребительских ценностей, пришедших из западной цивилизации. Это приводит к тому, что молодежь оказывается в центре столкновения старых и новых идеалов, что в свою очередь формирует сложное и многогранное мировоззрение¹⁴¹.

Проведенный нами анализ направлен на изучение сходств и различий в политике мягкой силы Китая и России в образовательной сфере с учетом доступных данных, материалов исследований и мнений экспертов.

Говоря о **сходствах** в политике мягкой силы Китая и России в сфере образования, в первую очередь, необходимо отметить *фокус на привлечении иностранных студентов*.

И Китай, и Россия в последние годы значительно активизировали свои усилия по привлечению иностранных студентов. По данным Министерства образования КНР, в 2019 году Китай принял около 492 тыс. иностранных

¹⁴¹ Мэн Линцзюнь. Управление образовательными учреждениями в Китае и России // Современная система образования в России и Китае : сборник статей. СПб.: Астерион, 2024. С. 451.

студентов из 196 стран и регионов¹⁴². Россия, по данным Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, приняла около 298 тыс. иностранных студентов из 170 стран в 2019/2020 учебном году¹⁴³.

Обе страны предлагают различные стипендиальные программы для привлечения талантливых иностранных студентов. Например, программа стипендий правительства Китая и российская программа «Глобальное образование» предназначены для поддержки иностранных студентов, обучающихся в университетах этих стран.

И Китай, и Россия поддерживают высокую степень *централизованного контроля над своими системами образования*, что позволяет им согласовывать образовательную политику с более широкими целями внешней политики и стратегиями мягкой силы. В Китае Министерство образования выполняет центральную роль в формировании и реализации государственной образовательной стратегии. С 2010 года, благодаря инициативе «План обучения в Китае», были определены конкретные задачи по привлечению иностранных студентов, что стало важным элементом политики мягкой силы. Этот план не только способствовал росту числа иностранных учащихся, но и стал эффективным инструментом культурного и образовательного обмена, позволяющим стране влиять на мировое восприятие ее образовательной модели.

Подобный стратегический подход прослеживается и в России, где Министерство науки и высшего образования руководит федеральным проектом «Экспорт образования». Цель данного проекта – значительное увеличение числа иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, что является частью более широкого национального проекта «Образование». Этот комплекс мероприятий отражает стремление России интегрировать образовательную политику в общенациональные стратегические планы, усиливая влияние

¹⁴² Zhu Y. *Soft Power With Chinese Characteristics. China's Campaign for Hearts and Minds*. NY: Routledge, 2020. 318 p.

¹⁴³ Россия и Китай планируют расширять сотрудничество в сфере образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/75188/> (дата обращения: 14.01.2025).

государства через образовательный сектор и формируя позитивный имидж страны в глобальном контексте. Оба примера подчеркивают, как современные государства используют образовательные программы для реализации внешнеполитических задач, укрепления международных связей и продвижения своих культурных ценностей. В результате, образовательная политика становится не только инструментом развития внутреннего потенциала, но и мощным средством международного диалога и сотрудничества.

Обе страны используют финансируемые государством *стипендиальные программы* в качестве ключевого инструмента для привлечения иностранных студентов и усиления своей мягкой силы. Программа стипендий правительства Китая, управляемая Советом по стипендиям Китая, предлагает полные и частичные стипендии иностранным студентам. Похожая инициатива России, «Схема квот», предоставляет финансируемые государством стипендии для иностранных граждан.

И Россия, и Китай включили *цели интернационализации в свои внутренние системы оценки университетов*. В 2017 году Китай запустил масштабную инициативу, известную как «План двойного первоклассного университета», цель которой – вывести вузовские учреждения и учебные дисциплины на уровень мирового стандарта. В рамках данной программы университетам предлагается достигать высоких результатов не только в научной и образовательной деятельности, но и в привлечении иностранных студентов, что способствует расширению глобального влияния страны. Этот стратегический подход помогает Китаю формировать позитивный имидж через образовательную сферу, усиливая его «мягкую силу» на международной арене. В свою очередь, Россия проводит аналогичную политику по повышению статуса своих вузов. Программа, известная ранее как «Проект академического превосходства 5-100», а затем трансформированная в «Приоритет 2030», направлена на укрепление конкурентоспособности российских образовательных учреждений в мировом масштабе. Основное внимание уделяется не только внутреннему развитию, но и активному привлечению

иностранных студентов, что отражается в установленных показателях по международным рейтингам. Такой подход позволяет российским университетам не только улучшать свои позиции в глобальном образовательном сообществе, но и вносить значительный вклад в реализацию внешнеполитических задач через образование.

Еще одним сходством является то, что обе страны инициировали государственные усилия по разработке и продвижению *массовых открытых онлайн-курсов* (MOOK) в рамках своих стратегий образовательной мягкой силы. Китайская платформа XuetangX, поддерживаемая Министерством образования и Университетом Цинхуа, предлагает курсы на китайском и английском языках. К 2019 году на ней было более 3000 курсов и 79 млн зарегистрированных пользователей по всему миру¹⁴⁴.

Российская Национальная платформа открытого образования (openedu.ru) представляет собой совместный проект, реализуемый ведущими университетами страны при активной поддержке Министерства науки и высшего образования. Созданная для продвижения идей дистанционного обучения и демократизации доступа к знаниям, эта инициатива нацелена на формирование образовательного пространства, где каждый желающий может бесплатно получить качественные знания на русском языке. Платформа объединяет опыт и ресурсы множества высших учебных заведений, что позволяет создавать и распространять современные образовательные программы. По состоянию на 2021 год ресурс уже включал свыше 730 онлайн-курсов, разработанных представителями 16 крупнейших российских университетов. Такое разнообразие курсов охватывает широкий спектр дисциплин, от гуманитарных наук до точных и естественных, что делает

¹⁴⁴ Zhao S. Projection of China's Soft Power in the New Century // Soft Power with Chinese Characteristics. Denver University Press, 2019. P. 25–44.

платформу удобным инструментом для профессионального и личностного развития¹⁴⁵.

Обе страны поощряют *создание филиалов и совместных образовательных программ* в рамках своих стратегий мягкой силы. Китай создал множество Институтов и аудиторий Конфуция по всему миру, а китайские университеты также создали филиалы за рубежом. Например, Сямэньский университет открыл филиал в Малайзии в 2015 году. Россия придерживается аналогичной стратегии, особенно в странах бывшего Советского Союза. Например, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова имеет филиалы в Казахстане, Узбекистане и Азербайджане.

Обе страны отдают *приоритет областям науки, технологий, инженерии и математики (STEM)* в своих образовательных стратегиях мягкой силы, что соответствует их национальным целям развития. В китайской образовательной политике особую роль отведено привлечению иностранных студентов, особенно в области STEM. Согласно «Плану обучения в Китае», акцент делается на развитии инженерного дела и технических дисциплин, что является ключевым элементом государственной стратегии. Так, данные за 2018 год свидетельствуют о том, что инженерное направление оказалось особенно востребованным среди иностранных студентов, составляя 21,57 % от общего числа зачислений. Такой успех демонстрирует, насколько высоко ценится техническое образование в Китае, а также подчеркивает его значимость для формирования мощной образовательной платформы, способной укреплять международное влияние страны¹⁴⁶. Россия также активно продвигает свои достижения в области STEM, ставя во главу угла инженерное и техническое образование. В учебном году 2019/2020 именно инженерные и технические специальности стали самыми популярными среди иностранных абитуриентов,

¹⁴⁵ Россия и Китай планируют расширять сотрудничество в сфере образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/75188/> (дата обращения: 14.01.2025).

¹⁴⁶ Zhao S. Projection of China's Soft Power in the New Century // Soft Power with Chinese Characteristics. Denver University Press, 2019. P. 25–44.

заняв долю в 23,8 % от общего числа поступающих. Этот показатель отражает стратегический выбор России, направленный на развитие передовых технологий и подготовку специалистов, востребованных не только на внутреннем, но и на мировом рынке труда. Таким образом, российская образовательная политика направлена на усиление конкурентоспособности страны в сфере высоких технологий и научных исследований¹⁴⁷. Совместные усилия Китая и России в развитии STEM-профилей подчеркивают важность формирования образовательной среды, способной привлекать таланты со всего мира. Эти направления способствуют не только повышению качества подготовки специалистов, но и усилению позиций стран в глобальном контексте, делая их важными центрами инноваций и технологического прогресса. В конечном итоге, акцент на STEM становится мощным инструментом формирования национальной и международной образовательной мягкой силы, обеспечивая устойчивое развитие и интеграцию в мировое образовательное сообщество.

Как Россия, так и Китай нацелены на *развитие культурных и образовательных центров за рубежом*. Так, Китай интенсивно работает над расширением своей глобальной сети Институтов Конфуция, которые играют значимую роль в продвижении китайского языка, культуры и философии. Эти учреждения не только предоставляют возможности для изучения языка, но и становятся площадками для глубокого межкультурного диалога, способствуя взаимопониманию между народами. В свою очередь, Россия ведет параллельную работу, развивая сеть Русских центров и Кабинетов Русского мира, инициатива которых осуществляется под эгидой Фонда «Русский мир». По состоянию на 2021 год, данные проекты охватывали более 56 стран, где функционировали свыше 100 Русских центров и более 140 Кабинетов Русского мира. Эти учреждения направлены на популяризацию русского языка, литературы, истории и культурных традиций, выступая в роли платформ для

¹⁴⁷ Россия и Китай планируют расширять сотрудничество в сфере образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/75188/> (дата обращения: 14.01.2025).

организации культурных мероприятий, семинаров и образовательных программ за рубежом¹⁴⁸. Такие инициативы обеих стран подчеркивают их стратегическую ориентацию на укрепление культурной дипломатии. Китайские Институты Конфуция и российские Русские центры представляют собой эффективный инструмент мягкой силы, способствующий формированию положительного имиджа на международной арене и созданию условий для обмена опытом, знаниями и традициями между разными культурами. В конечном итоге, эти проекты не только расширяют образовательные возможности за рубежом, но и играют ключевую роль в установлении прочных связей между народами, что является важным элементом современной глобальной политики.

И Китай, и Россия уделяют особое внимание *продвижению своих национальных языков за рубежом*. Китай через Институты Конфуция и программу «Ханьбань» активно продвигает изучение китайского языка. Россия, в свою очередь, поддерживает изучение русского языка через программы Россотрудничества и фонда «Русский мир».

Различия в политике мягкой силы Китая и России в сфере образования обусловлены несколькими ключевыми историческими, экономическими, геополитическими и культурными факторами, уникальными для каждой страны.

Российская модель использования мягкой силы в высшем образовании во многом определяется советским прошлым. В период существования СССР выработалась устоявшаяся система, ориентированная на привлечение студентов из социалистических и развивающихся стран, которая служила инструментом культурного и научного обмена. Сегодня Россия стремится сохранить и модернизировать эти традиции, уделяя особое внимание укреплению связей с бывшими советскими республиками и традиционными партнерами. Такой исторический контекст способствует тому, что образовательная политика страны опирается на проверенные временем практики, позволяющие

¹⁴⁸ Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3(54). С. 212–223.

поддерживать и развивать международное сотрудничество. В противоположность российскому подходу, Китай начал активно формировать свою международную образовательную стратегию с 1990-х годов. Освободившись от жестких рамок исторических моделей, КНР разработала гибкую систему, которая позволяет стране быстро адаптироваться к современным вызовам глобализации. Благодаря инновационным методам, Китай успешно привлекает иностранных студентов и активно развивает образовательные проекты, что в свою очередь усиливает его влияние на международной арене. Россия, опираясь на богатое наследие советской системы, продолжает развивать проверенные механизмы международного обмена, тогда как Китай, используя более современную и адаптивную стратегию, быстро завоевывает репутацию одного из ведущих игроков в глобальном образовательном пространстве. Это позволяет КНР быть более гибким и адаптивным в своем подходе, менее ограниченным *историческими моделями*¹⁴⁹.

Образовательная мягкая сила Китая тесно *интегрирована с экономической стратегией* страны. Многие образовательные программы и стипендии направлены на подготовку специалистов в областях, важных для инициативы «Один пояс, один путь» и других китайских экономических проектов¹⁵⁰. Стратегия России в меньшей степени интегрирована с экономическими целями и больше фокусируется на культурном и языковом влиянии¹⁵¹.

Китай значительно превосходит Россию по *масштабу и финансированию* своих образовательных инициатив мягкой силы. По данным Американского совета по образованию, Китай ежегодно тратит около 10 млрд долларов на

¹⁴⁹ Wang J. Introduction: China's search on soft power// Soft power in China: Public Diplomacy through Communication. N.Y., 2011. 220 p.

¹⁵⁰ Hu A. China: Comprehensive National Power and Grand Strategy // Strategy and Management. 2002. Vol. 3. Iss. 2. URL: <https://myweb.rollins.edu/tlairson/china/chigrandstrategy.pdf> (дата обращения: 14.01.2025).

¹⁵¹ Чебунин А. В. Китайский язык как инструмент культурной политики и мягкой силы // Международная образовательная деятельность как фактор развития и сотрудничества высших учебных заведений в современном поликультурном мире: материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во ВСГИК, 2018. С. 39–44.

различные инициативы мягкой силы, включая образовательные программы¹⁵². Например, расходы Китая на образование достигли 5,03 трлн юаней (около 766 млрд долларов США) в 2021 году, что составляет 4,13% от ВВП¹⁵³. Россия, также инвестируя в образование, имеет более ограниченные ресурсы. В 2019 году расходы России на образование составили около 3,7% от ВВП. Россия, по оценкам экспертов, тратит значительно меньше – около 1,3 млрд долларов в год на все программы мягкой силы, включая образование¹⁵⁴.

Различия можно зафиксировать и при анализе *географических рамок* распространения мягкой силы. Образовательная политика мягкой силы Китая сосредоточена на странах, участвующих в инициативе «Один пояс, один путь» (BRI). Согласно отчету Министерства образования КНР за 2019 год, более 60% иностранных студентов в Китае приехали из стран, участвующих в этой инициативе¹⁵⁵. Россия же ориентируется на страны СНГ и бывшие советские республики. По данным Министерства науки и высшего образования РФ, в 2019/2020 учебном году около 54% иностранных студентов в России были из стран СНГ¹⁵⁶.

Россия выигрывает от значительного количества русскоговорящего населения во многих соседних странах, особенно на постсоветском пространстве. Это позволяет России более эффективно использовать *язык как инструмент мягкой силы* в этих регионах. Китай, продвигая мандаринский язык во всем мире через Институты Конфуция, сталкивается с большим языковым барьером во многих странах. Это заставило КНР больше

¹⁵² Redden E. China's Soft Power Efforts // Inside Higher Ed. URL: <https://www.insidehighered.com/news/2018/02/07/china-proposes-major-boost-spending-higher-education-soft-power-push> (дата обращения: 14.01.2025).

¹⁵³ Wu X. China and the Asia-Pacific Chess Game. Beijing: CCTV, 2007. 245 p.

¹⁵⁴ Rutland P., Kazantsev A. The limits of Russia's "soft power" // Journal of Political Power. 2016. № 9 (3). P. 395–413.

¹⁵⁵ Wang J. Introduction: China's search on soft power// Soft power in China: Public Diplomacy through Communication. N.Y., 2011. 220 p

¹⁵⁶ Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/> (дата обращения: 14.01.2025).

инвестировать в англоязычные программы для привлечения иностранных студентов¹⁵⁷.

В своей образовательной мягкой силе Китай делает акцент на продвижении традиционной китайской культуры и философии, в частности конфуцианства. Россия же больше фокусируется на продвижении современной русской культуры и русского языка, а также на поддержании связей с русскоязычными диаспорами за рубежом.

Также необходимо отметить различия в *технологическом и промышленном фокусе* использования мягкой силы в различных регионах. Стратегия мягкой силы Китая в высшем образовании тесно связана с его амбициями в области технологий и инноваций. Это очевидно из акцента на областях STEM в программах для иностранных студентов. Страна вкладывает значительные средства в привлечение иностранных студентов в эти области и продвижение китайских знаний в таких областях, как искусственный интеллект, квантовые вычисления и биотехнологии¹⁵⁸.

Хотя Россия также продвигает свои сильные стороны в областях STEM, она сохраняет более широкий фокус, включая гуманитарные и социальные науки¹⁵⁹. Это отражает историческую силу России в этих областях и ее стремление продвигать российскую культуру и мировоззрение.

Высокоцентрализованная система управления Китая позволяет более скоординированно и стратегически реализовывать инициативы мягкой силы в высшем образовании. Министерство образования играет центральную роль в формулировании и реализации политики. Российская система, хотя и централизованная, включает в себя несколько агентств (например, Россотрудничество, Министерство науки и высшего образования) в своих

¹⁵⁷ Zhao K. Public Diplomacy, Rising Power, and China's Strategy in East Asia // Understanding Public Diplomacy in East Asia. Palgrave Macmillan, 2015. P. 51–77.

¹⁵⁸ Li M. Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics. London: Lexington Books, 2009. 284 p.

¹⁵⁹ Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4(25). С. 85–93.

усилиях по образовательной мягкой силе, что может привести к более разнообразному, но потенциально менее скоординированному подходу.

Различия наблюдаются и в *глобальной направленности и управлении репутацией* образовательных институтов. Стратегия мягкой силы Китая в высшем образовании является частью более широких усилий по изменению его глобального имиджа как ответственной мировой державы. Это предполагает значительные инвестиции в улучшение международных рейтингов и репутации его университетов. Стратегия России, хотя и связанная с формированием глобальной репутации, больше сосредоточена на сохранении своих традиционных сфер влияния и продвижении взгляда на Россию как на культурно и интеллектуально значимую державу¹⁶⁰.

Инновационные подходы, в целом, типичные для обеих стран, в образовательной сфере реализуются в различном масштабе. Так, Китай более активно внедряет инновационные подходы. Например, в 2020 году в КНР запустили программу «Учеба в Китае», которая использует виртуальную реальность для проведения виртуальных экскурсий по китайским вузам для потенциальных иностранных студентов. Высококонкурентная среда в китайском образовании стимулирует инновации. Частные образовательные компании и стартапы активно конкурируют за долю рынка, что приводит к постоянному появлению новых образовательных продуктов и услуг. Огромный масштаб китайской системы образования создает значительный спрос на инновационные решения для повышения эффективности и качества образования. Россия, развивая онлайн-образование, пока не продемонстрировала столь же инновационных подходов.

Различия можно зафиксировать и в сфере *взаимодействия с международными организациями*. Например, Китай является крупнейшим финансовым донором ЮНЕСКО среди развивающихся стран и активно

¹⁶⁰ Rotaru V. Forced Attraction? How Russia is Instrumentalizing Its Soft Power Sources in the “Near Abroad” // Problems of Post-Communism. 2018. № 65 (1). P. 37–48.

участвует в образовательных программах организации¹⁶¹. Россия, сотрудничая с международными организациями, делает это в меньших масштабах и с меньшим влиянием на глобальную образовательную повестку дня.

Китай все чаще использует научное сотрудничество в качестве инструмента мягкой силы, особенно в контексте BRI. Страна создала многочисленные совместные исследовательские центры и лаборатории со странами BRI, сосредоточившись на таких областях, как охрана окружающей среды, общественное здравоохранение и устойчивое развитие. Усилия России в области научного сотрудничества, хотя и значительны, были больше сосредоточены на сохранении ее традиционных сильных сторон в таких областях, как исследование космоса и ядерная энергетика. Страна работает над сохранением своих научных связей со странами бывшего СССР и расширением сотрудничества с новыми партнерами, особенно на глобальном Юге.

Китай более активно вовлекает *частный сектор* в свои образовательные инициативы. Китайские технологические гиганты, такие как Alibaba, Tencent и Huawei, участвуют в различных образовательных программах как на внутреннем, так и на международном уровне. Например, программа Seeds for the Future («Семена будущего») компании Huawei обеспечивает обучение навыкам ИКТ для студентов из разных стран¹⁶². Взаимодействие России с частным сектором в образовательной мягкой силе является более ограниченным, большинство инициатив инициировалось государством¹⁶³.

Тем не менее, в этом направлении можно говорить о значительной положительной динамике. Так, Россотрудничество сотрудничает с частными университетами для продвижения российского образования за рубежом, организуя образовательные ярмарки и мероприятия. Российский экспортный центр работает с частными EdTech-компаниями для продвижения российских

¹⁶¹ Китайский передовой: почему студенты из Поднебесной все чаще едут в Россию // Известия: онлайн-СМИ. URL: <https://iz.ru/1688485/valeriia-mishina-anastasiia-kostina/kitaiskii-peredovoi-pochemu-studenty-iz-podnebesnoi-vse-chashche-edut-v-rossiiu> (дата обращения: 14.01.2025).

¹⁶² Huawei. Seeds for the Future // Huawei. URL: <https://www.huawei.com/minisite/seeds-for-the-future/index.html> (дата обращения: 14.01.2025).

¹⁶³ Rutland P., Kazantsev A. The limits of Russia's "soft power" // Journal of Political Power. 2016. № 9 (3). P. 395–413.

образовательных технологий на международном рынке. Инновационный центр «Сколково» поддерживает образовательные стартапы, некоторые из которых имеют международные амбиции. Российская венчурная компания инвестирует в EdTech-компании с потенциалом международной экспансии. Крупные технологические компании, такие как Яндекс и Mail.ru Group, сотрудничают с государственными образовательными инициативами, косвенно поддерживая усилия России по повышению привлекательности своего образования. Фонд «Русский мир» взаимодействует с частными культурными центрами за рубежом для продвижения русского языка и культуры. Глобальный альянс выпускников сотрудничает с корпоративными партнерами для поддержания связей с иностранными выпускниками российских вузов.

Подход к *академической свободе* представляет собой еще одно существенное различие между китайскими и российскими стратегиями образовательной мягкой силы. Образовательные инициативы Китая, хотя и обширные, подвергались критике за потенциальное ограничение академической свободы. Некоторые западные университеты закрыли Институты Конфуция из-за опасений по поводу академической независимости и свободы выражения мнений¹⁶⁴.

Россия, хотя и подвергается некоторой критике, в целом допускает большую степень академической свободы в своих международных образовательных инициативах. Однако периодически звучит критика по поводу политического характера некоторых программ, особенно тех, которые посвящены истории и текущим событиям в России¹⁶⁵.

Обе страны признают важность *иностраных выпускников как активов мягкой силы*, но их подходы различаются. Китай разработал комплексную стратегию поддержания связей с иностранными студентами после их возвращения в свои страны. Ассоциация китайских студентов и ученых (CSSA),

¹⁶⁴ Peters M. A. China's belt and road initiative: Reshaping global higher education // *Educational Philosophy and Theory*. 2020. № 52 (6). P. 586–592.

¹⁶⁵ Давыдов Ю. П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // *Международные процессы*. 2014. № 1. С. 69–80.

представленная во многих странах, служит платформой для поддержания этих связей и продвижения китайских интересов¹⁶⁶. Подход России к сетям выпускников менее систематичен.

Хотя существуют инициативы по поддержанию связей с иностранными выпускниками российских университетов, эти усилия не столь централизованы или обширны, как в Китае¹⁶⁷. В России сети выпускников университетов могут укреплять международные связи посредством культурных и академических обменов. Сильные сети выпускников за рубежом могут улучшить глобальные отношения России, продвигая российскую культуру и способствуя формированию положительного имиджа. Выпускники в бизнесе могут способствовать международной торговле и инвестициям, в то время как выпускники в правительственных или международных организациях могут влиять на политику, благоприятствующую интересам России, усиливая геополитическое влияние.

Пандемия COVID-19 выявила как проблемы, так и возможности для образовательной мягкой силы. Китай быстро адаптировал свою стратегию для продвижения системы образования как безопасной и стабильной. Он также расширил свои предложения по онлайн-образованию и оказал помощь образовательным учреждениям в странах BRI¹⁶⁸. Ответ России был больше сосредоточен на поддержании существующих образовательных связей, особенно со странами СНГ, и расширении своих возможностей онлайн-образования.

Общий анализ сходств и различий в политике мягкой силы Китая и России в образовательной сфере показывает, что обе страны признают важность образования как инструмента международного влияния и активно разрабатывают свои стратегии в этой области. Однако существуют существенные различия в масштабах, подходах и приоритетах этих стратегий.

¹⁶⁶ Lintner B. The Costliest Pearl: China's Struggle for India's Ocean. Hurst, 2019. 288 p.

¹⁶⁷ Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4(25). С. 85–93.

¹⁶⁸ Yang R. China's Soft Power Projection in Higher Education. International Higher Education // International Higher Education. 2007. Vol. 46. P. 24–25.

Китай демонстрирует более обширный, финансово ориентированный и стратегически интегрированный подход к образовательной мягкой силе, тесно связывая его со своими глобальными экономическими амбициями. Россия, в свою очередь, фокусируется на поддержании культурных и языковых связей, особенно в странах бывшего СССР, и использует образование как инструмент для сохранения своего влияния в этом регионе.

Обе страны сталкиваются с трудностями при реализации своих стратегий, включая конкуренцию с западными образовательными системами, политическую напряженность и необходимость адаптации к быстро меняющемуся мировому образовательному ландшафту. Однако, учитывая растущую значимость образования в международных отношениях, можно ожидать, что и Китай, и Россия продолжат разрабатывать и совершенствовать свои подходы к образовательной мягкой силе в будущем.

Позволим себе предположить, что обе страны в ближайшей перспективе столкнутся с вызовами в своих образовательных стратегиях. К ним могут относиться:

- а) баланс между продвижением национальных интересов и принципами академической свободы;
- б) адаптация к растущей цифровизации образования, ускоренной пандемией COVID-19;
- в) устранение геополитической напряженности, которая может повлиять на образовательные обмены и сотрудничество;
- г) конкуренция с устоявшимися западными образовательными учреждениями и новыми образовательными центрами в других частях мира;
- д) обеспечение качества и актуальности своих образовательных предложений на быстро меняющемся мировом рынке труда.

Поскольку глобальный ландшафт продолжает меняться, для Китая и России будет крайне важно оставаться адаптивными в своих образовательных стратегиях мягкой силы. Это может предусматривать дальнейшее внедрение инноваций в образовательных технологиях, более глубокое взаимодействие с

международными организациями и частным сектором, а также постоянное внимание к областям стратегического значения. Сравнительные исследования образовательных стратегий стран могут предоставить ценную информацию о глобальных тенденциях и передовом опыте в этом все более важном аспекте международных отношений.

2.4. Китайско-российские отношения в образовательной сфере: состояние и перспективы

Образовательная сфера становится все более важной областью в китайско-российских отношениях, отражая более широкое стратегическое партнерство между Китаем и Россией.

Как было показано в предыдущих разделах работы, образование как инструмент мягкой силы эффективно функционирует при условии формирования у студентов позитивного образа страны-провайдера образовательных услуг и принятия ее культурно-философских концепций. Однако, наряду с очевидной ролью в развитии межкультурных связей, образовательные программы могут служить и более широким политическим целям, что требует комплексного анализа их влияния на двусторонние отношения. С момента объявления в 2013 году инициативы «Пояс и путь» активное сотрудничество в сфере высшего образования охватило 65 стран и регионов, расположенных вдоль этого маршрута, что уже принесло заметные плоды. Однако, несмотря на достигнутые успехи, существенные различия между государствами в отношении качества вузов, уровня партнерских связей и подготовки квалифицированных специалистов остаются значительными и затрудняют реализацию масштабных инфраструктурных проектов. Для преодоления этих разногласий необходимо взять на себя роль новатора в образовательной сфере, способствуя формированию новой волны талантливых профессионалов, способных работать в синергии с представителями различных отраслей для достижения конкурентных преимуществ. В этом контексте Китай и Россия, являясь ключевыми участниками проекта «Пояс и путь», наряду с

углублением межотраслевого сотрудничества, демонстрируют устойчивую тенденцию к расширению обмена знаниями и опытом в сфере высшего образования. Активное продвижение китайско-российского партнерства в образовательной сфере не только помогает обеспечить необходимый кадровый потенциал для дальнейшего развития инфраструктурных проектов, но и способствует всестороннему и многостороннему сотрудничеству, что, в свою очередь, приводит к взаимовыгодному развитию. На сегодняшний день вопросы, связанные с управлением образовательными учреждениями в рамках транснационального высшего образования, становятся объектом пристального внимания исследователей. Особое значение приобретает анализ механизмов сотрудничества между Китаем и Россией в сфере управления учебными заведениями, поскольку совершенствование этих процессов способно значительно повысить эффективность реализации проекта «Пояс и путь».

Так, в контексте реализации китайской культурно-образовательной политики в России наблюдается значительная активность в сфере открытия Институтов Конфуция. Россия занимает первое место в Европе и одно из первых мест в мире по количеству ИК. В РФ работают 25 Институтов, классов и школ Конфуция в 15 городах страны: Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск, Волгоград, Томск, Рязань, Пермь, Казань, Иркутск, Элиста, Улан-Удэ, Благовещенск, Владивосток. Данный факт свидетельствует о стратегической важности России как партнера КНР и ключевого направления распространения китайской культуры и языка. Географическое распределение Институтов Конфуция в РФ характеризуется широким охватом, включая сотрудничество с ведущими вузами страны от Дальнего Востока до западных регионов.

В российском научном и общественном дискурсе сформировались две основные позиции относительно данной политики:

1. Позитивная оценка, акцентирующая внимание на культурно-образовательном обмене как факторе укрепления взаимопонимания и сотрудничества между странами.

2. Критическая позиция, рассматривающая деятельность Институтов Конфуция через призму концепции «мягкой силы» и потенциального инструмента продвижения китайских геополитических интересов¹⁶⁹.

Сторонники критического подхода указывают на возможность использования образовательных программ для формирования у российских студентов определенного восприятия истории и современного состояния российско-китайских отношений, соответствующего официальной позиции КНР.

Поскольку обе страны стремятся усилить свое глобальное влияние и ответить на вызовы XXI века, сотрудничество в сфере образования стало ключевой областью взаимного интереса и потенциальной синергии. Китайско-иностранный сотрудничество в управлении образовательными учреждениями представляет собой сравнительно новый термин в китайской образовательной сфере, возникший после масштабных реформ 1978 года. Несмотря на то, что интерес к китайским моделям взаимодействия в образовании присутствует с новейших времен, полноценное изучение и глубокий анализ этого направления начались лишь в середине-конца 1980-х годов. В течение последних десятилетий китайские ученые активно исследуют особенности сотрудничества с китайскими партнерами, обращая внимание на организационные модели, методы адаптации международного опыта и механизмы обмена передовыми практиками. Такие исследования не только способствуют углубленному пониманию процесса управления образовательными учреждениями, но и помогают вырабатывать стратегии, позволяющие интегрировать лучшие зарубежные практики в национальную систему образования¹⁷⁰.

Основы китайско-российского образовательного сотрудничества были заложены еще в советское время, когда СССР оказывал значительную поддержку развитию образования Китая, начиная с 1950-х годов. Именно тогда,

¹⁶⁹ Бельченко А. С. Деятельность институтов Конфуция в Российской Федерации // Вестник РУДН. Сер.: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 64–74.

¹⁷⁰ Мэн Линцзюнь. Управление образовательными учреждениями в Китае и России // Современная система образования в России и Китае: сборник статей / Под ред. А. В. Петрова, Ван Сюй, Ма Вэньда. СПб.: Астерион, 2024. С. 440-486.

когда стране предстояло кардинально переосмыслить свою систему образования, опыт Советского Союза выступил в роли проверенного образца для формирования новой педагогической модели. Советский Союз не только оказал поддержку в виде направленных специалистов, но и стал основным источником подготовки кадров: с 1950 по 1957 год порядка 750 советских экспертов работали в рядах китайских вузов, колледжей и технических училищ, в то время как китайские преподаватели и студенты отправлялись за рубеж для дальнейшего образования. По данным ведомств бывшего СССР, в период с 1949 по 1960 год их специалисты сыграли решающую роль в подготовке примерно 19 000 китайских педагогов, что составляло около четверти всего профессорско-преподавательского состава ведущих учебных заведений страны. Возрождение этих контактов произошло в 1984 году, когда делегация Министерства образования Китая посетила СССР, а подписанный протокол о сотрудничестве на учебный год 1984/85 стал отправной точкой для нового этапа обменов. С этого момента стали активно оформляться межвузовские соглашения, в рамках которых, например, Пекинский университет установил партнерские отношения с Московским университетом, Университет Цинхуа – с Ленинградским технологическим институтом, а Пекинский институт иностранных языков – с Институтом русского языка имени Пушкина. Также были налажены связи между Хэйлунцзянским и Иркутским университетами, Синьцзянским и Казахстанским университетами, что послужило импульсом для дальнейшего расширения сети образовательных контактов посредством обмена студентами и преподавателями.

Несмотря на распад Советского Союза, устоявшиеся связи между Россией и Китаем не только сохранились, но и получили новое развитие. В 1996 году Министерство образования Китая учредило Комитет по управлению государственным стипендиальным фондом, задачей которого стало обеспечение возможности для китайских студентов обучаться, повышать квалификацию и проходить стажировки в российских вузах. В 2000 году, в рамках регулярных встреч премьер-министров обеих стран, был создан

Китайско-российский комитет по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. Этот шаг способствовал формированию системного механизма консультаций на высоком уровне, что в свою очередь привело к еще более активному обмену опытом и знаниями. С установлением стратегического партнерства между Россией и Китаем образовательное сотрудничество вышло на новый уровень, охватывая не только традиционные формы обмена преподавателями и студентами, но и совместные научные исследования, что позволило значительно расширить сферы взаимодействия и способствовало глубокому взаимному обогащению обеих систем образования¹⁷¹.

Китай и Россия выстраивают свои отношения на прочном фундаменте глубоких политических, экономических и культурных связей, что значительно обогащает двустороннее сотрудничество. На политической арене обе страны неизменно отстаивают принципы взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды, что способствует укреплению доверия и активизации диалога на высшем уровне. Лидеры государств регулярно встречаются для согласования позиций по ключевым международным и региональным вопросам, а также координируют совместные усилия в рамках многосторонних объединений, таких как Шанхайская организация сотрудничества и группа БРИКС, что позволяет им совместно отстаивать интересы мира и устойчивого развития. Экономическое партнерство между Россией и Китаем характеризуется высокой степенью взаимодополняемости и значительным потенциалом для совместного роста. Сотрудничество охватывает такие стратегические секторы, как энергетика, инфраструктурное строительство, сельское хозяйство и научно-технические инновации. Примером плодотворного взаимодействия является совместный проект по строительству Восточного газопровода, который не только усилил энергетическую безопасность обоих государств, но и стал мощным стимулом для экономического развития. В дополнение,

¹⁷¹ Медяник Е. И. Совместный университет как инструмент реализации национальных интересов России и Китая // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12. № 1. С. 7–23.

интеграционные инициативы, такие как «Пояс и путь» и Евразийский экономический союз, способствуют углублению региональных связей и формированию нового уровня экономического взаимодействия. Культурный обмен играет не менее важную роль в сближении двух народов. Богатое историческое наследие и уникальные традиции Китая и России становятся основой для активного диалога в области искусства, туризма и спорта. Проводимые мероприятия, как Китайско-российский год культуры и туризма, предоставляют жителям обеих стран возможность погрузиться в традиции друг друга, что способствует развитию взаимопонимания и укреплению дружбы.

Китай и Россия, как влиятельные игроки на мировой арене, обладают многовековыми традициями и культурными сокровищами. Однако, вследствие уникальных историко-географических условий, социальных укладов и эволюционных путей, между двумя народами заметны определенные культурные нюансы, влияющие на способы общения и взаимопонимание. На языковом фронте различия проявляются особенно ярко: особенности грамматики, фонетики и интонационных моделей существенно усложняют процесс взаимного общения. Эти лингвистические барьеры требуют особого внимания при организации диалога, поскольку даже незначительные нюансы могут породить недопонимание. Исторический опыт каждой страны также оставил неизгладимый след в их культурном сознании. Так, китайская традиция, глубоко укорененная в принципах коллективизма и стремлении к гармонии, контрастирует с российской культурой, где ценится индивидуальная самобытность и стремление к независимости. Эти отличительные черты находят отражение как в повседневном общении, так и в общественном устройстве, что иногда приводит к культурным недоразумениям. В условиях глобализации и ускоряющегося обмена информацией обе стороны прилагают значительные усилия для преодоления возникающих разногласий. Правительства двух стран активно поддерживают инициативы по культурному диалогу: организуются годы культурных обменов, фестивали, художественные выставки и другие мероприятия, способствующие глубокому знакомству с

традициями и ценностями каждого народа. Например, проведение ежегодных фестивалей культуры не только демонстрирует богатство национального наследия, но и способствует установлению доверительных отношений на всех уровнях общества.

Важную роль в преодолении языкового разрыва играют образовательные и технологические проекты. Китайские учебные заведения, реализуя программы обмена, предоставляют студентам возможность погрузиться в российскую культуру, а российские образовательные центры, в свою очередь, расширяют свои программы по изучению китайского языка. Интернет-компании, такие как Baidu и Alibaba, в партнерстве с российскими технологическими гигантами, создают цифровые платформы для обмена информацией, что существенно снижает барьеры в коммуникации.

В настоящее время одним из наиболее заметных аспектов китайско-российских образовательных отношений является рост числа студенческих обменов. По данным Министерства науки и высшего образования России, число китайских студентов в российских университетах достигло 36,5 тыс. человек в 2019/2020 учебном году, что делает Китай крупнейшим источником иностранных студентов в России¹⁷². Наибольшей популярностью у китайской молодежи пользуются следующие вузы: Московский государственный университет (МГУ), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Российский университет дружбы народов (РУДН), Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (МГТУ), Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова (Сеченовский университет), Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова. По данным Министерства образования и науки России, в российских вузах в 2024 году обучается более 40 тыс. китайских студентов. Это рекордный показатель, который демонстрирует

¹⁷² Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46158/> (дата обращения: 14.01.2025).

устойчивый рост по сравнению с предыдущими годами. Распределение по уровням образования: бакалавриат – 24,5 тыс., магистратура – 14,5 тыс., специалитет – 2,4 тыс.¹⁷³.

Число российских студентов в Китае также растет, хотя и более медленными темпами. В 2018 году в Китае обучалось около 19 тыс. российских студентов. Около трети всех российских студентов, обучающихся за границей, выбирают для этого китайские университеты. По решению руководства России и Китая, предполагается увеличить взаимный обмен студентами до 100 тыс. человек ежегодно. Учитывая нынешний объем в 55-60 тыс. человек и существующие темпы роста, эта цель может быть достигнута в течение ближайшего десятилетия. В настоящее время российские студенты обучаются практически во всех регионах Китая по разнообразным направлениям, в то время как ранее они концентрировались преимущественно в крупных городах и на северо-востоке страны. Растет число россиян, выбирающих магистратуру в Китае, и все больше обучающихся получают различные стипендии и гранты при поступлении в китайские вузы¹⁷⁴.

Еще в 2000 году была учреждена Российско-Китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству в рамках механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая. Комиссия охватывает широкий спектр вопросов, включая образование, культуру, здравоохранение и спорт. В 2010 году была создана Межправительственная подкомиссия по сотрудничеству в области молодежной политики, которая проводит заседания не реже одного раза в год, поочередно в России и Китае. Комиссия также включает подкомиссии по другим направлениям, таким как образование и культурные обмены. В области образования сотрудничество включает академические обмены, совместные образовательные программы и межуниверситетскую кооперацию. В

¹⁷³ Китайский передовой: почему студенты из Поднебесной все чаще едут в Россию // Известия: онлайн-СМИ. URL: <https://iz.ru/1688485/valeriia-mishina-anastasiia-kostina/kitaiskii-peredovoi-pochemu-studenty-iz-podnebesnoi-vse-chashche-edut-v-rossiiu> (дата обращения: 14.01.2025).

¹⁷⁴ Садловская М. В. Сотрудничество РФ и КНР в сфере образования: современное состояние и перспективы развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 4 (142). URL: <https://research-journal.org/archive/4-142-2024-april/10.23670/IRJ.2024.142.118> (дата обращения: 14.01.2025).

молодежной политике акцент делается на волонтерские и общественные проекты.

В октябре 2023 года была подписана Российско-Китайская дорожная карта гуманитарного сотрудничества до 2030 года, которая имеет стратегическое значение и регулирует взаимодействие в гуманитарной сфере, включая образование, культуру и молодежную политику. Основные задачи документа включают расширение совместных образовательных программ, академических обменов и межуниверситетской кооперации, а также укрепление культурных обменов между регионами, особенно между Дальним Востоком и Сибирью России и Северо-Востоком Китая. Также предусмотрена разработка и реализация брендовых проектов, таких как «Российско-китайский фестиваль культуры». Дорожная карта направлена на дальнейшее укрепление и расширение гуманитарного сотрудничества между двумя странами. Китайско-российское образовательное сообщество за последние годы активно организовывало разнообразные выставки, конференции и академические форумы, направленные на развитие высшего образования. Среди наиболее заметных мероприятий можно выделить Харбинский форум китайско-российского высшего образования, VI Форум президентов Сибирских университетов в рамках программы «Северо-Восточный Китай и Дальний Восток России», а также Российско-китайский форум с тематическим акцентом на «Форуме ректоров университета». Каждый из этих форумов стал важной площадкой для обмена знаниями, идеями и лучшими практиками между ведущими вузами двух стран. Основное внимание на этих мероприятиях уделяется стратегическим вопросам сотрудничества, инновациям и обмену опытом. Участники не только обсуждают актуальные тенденции в развитии высшего образования, но и формируют совместные подходы к решению насущных проблем образовательной среды. В ходе дискуссий специалисты детально анализируют современные вызовы и перспективы, что способствует формированию комплексной стратегии дальнейшего развития вузов. Важным аспектом является также обсуждение возможностей внедрения новых

образовательных технологий и методов, которые помогут повысить качество и конкурентоспособность высшего образования в глобальном масштабе. Кроме того, данные форумы служат отличной платформой для установления и укрепления партнерских связей между образовательными учреждениями Китая и России. Здесь формируется широкая сеть контактов, обмен опытом и совместными проектами, что способствует дальнейшей модернизации образовательных систем обеих стран. Обсуждение стратегических направлений сотрудничества, обмен успешными практиками и разработка новых программ совместного развития помогают выстроить устойчивую модель взаимодействия в сфере высшего образования.

Традиционно Россия и Китай реализуют ряд совместных проектов в области высшего образования, что отражает углубляющееся сотрудничество двух стран в сфере науки, технологий и инноваций. Одним из ключевых направлений их взаимодействия является создание совместных образовательных учреждений. В Китае функционирует 21 совместное учреждение, созданное при участии российских университетов, предлагающее 93 образовательные программы по различным направлениям. Здесь можно выделить Университет Шэньчжэнь МГУ-БИТ, который является результатом партнерства между Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, Пекинским технологическим институтом и правительством Шэньчжэня. Также функционирует совместный институт Ханчжоуского электронного университета и Университета ИТМО, программы которого реализуются в сфере инженерии и экономики. Недавно был создан совместный институт Гуандунского океанологического университета и Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, ориентированный на морскую инженерию и международное морское право¹⁷⁵.

Кроме того, университеты двух стран создают программы двойных дипломов. Действует программа сотрудничества МГИМО и Университета

¹⁷⁵ Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 231–236.

Шаньтоу, направленная на изучение политической экономики, творческого предпринимательства и международной торговли. Участие в данной программе предоставляет студентам возможность обучаться и проходить практическую подготовку в обеих странах, что способствует повышению уровня владения языком и получению двух дипломов одновременно. Это существенно увеличивает их шансы на успешное трудоустройство в интересующей их сфере. В частности, соглашение о реализации программы двойных дипломов было подписано между Казанским национальным исследовательским технологическим университетом и Пекинским университетом химических технологий. Студенты, обучающиеся по направлению «Технология и переработка полимеров», после завершения первых двух курсов в России продолжают обучение на третьем и четвертом курсах в Китае. Те из них, кто демонстрирует высокую успеваемость и отличное владение языком, могут претендовать на получение стипендии, покрывающей расходы на обучение и проживание.

Одним из факторов, способствующих развитию двустороннего партнерства, является создание различных ассоциаций высших учебных заведений России и Китая. Эти объединения служат не только для налаживания контактов между образовательными учреждениями, но и выступают в роли динамичных инновационных платформ. В последнее время, например, российские университеты с Дальнего Востока и Сибири, а также ведущие вузы Северо-Восточного Китая, активно действуют как «общественные агенты», инициированные ассоциацией российско-китайских экономических университетов, способствуя реализации совместных проектов¹⁷⁶. Особое внимание уделяется максимальной интеграции посредством создания совместных университетов, а также переносу российских образовательных программ на территорию Китая.

¹⁷⁶ Современное гуманитарное сотрудничество между КНР и РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vipstd.ru/content/view/517/196/> (дата обращения: 14.01.2025).

С точки зрения теоретических исследований, международное взаимодействие Китая с зарубежными партнерами в сфере управления вузами, являющееся ключевым элементом системы высшего образования страны, на протяжении долгого времени привлекает пристальное внимание академического сообщества. На начальном этапе формирования данного сотрудничества ученые преимущественно концентрировались на выяснении его сущности, а также оценке значимости развития совместных управленческих практик в вузах. Однако, спустя почти четыре десятилетия практической реализации, акценты сместились в сторону вопросов повышения научного уровня, эффективности образовательных процессов и формирования уникального имиджа современной китайской образовательной системы. Современные исследования, посвященные в частности взаимодействию Китая и России в управлении высшими учебными заведениями, зачастую фокусируются на фундаментальных вопросах: каким образом и почему развивается данное сотрудничество. При этом остается нерешенным ряд важных аспектов, касающихся текущей динамики и новых трендов в российско-китайских образовательных инициативах, а также механизмов, способствующих их дальнейшему продвижению в условиях стратегической инициативы «Пояс и путь». В частности, вопросы построения единого сообщества образовательных практик и определения альтернативных стратегий для преодоления существующих вызовов требуют более глубокого анализа и обоснованных решений.

Китайско-российское взаимодействие в сфере организации учебных заведений имеет потенциал значительно трансформировать облик китайских университетов. За последние годы наблюдается устойчивый рост качества образовательных процессов в совместных вузах, где партнерство между двумя странами стимулирует появление как уже устоявшихся, так и новых перспективных специальностей. Этот синтез образовательных практик способствует реализации ряда успешных проектов и учреждений, что, в свою очередь, позитивно сказывается на развитии инновационных подходов в

системе высшего образования страны. Можно утверждать, что только при достижении китайско-иностранным сотрудничеством в образовательном управлении определенного размаха возникает возможность создания действительно масштабных изменений в образовательной среде. Несмотря на то, что за более чем два десятилетия сотрудничества между Китаем и Россией были заложены основы для конструктивного обмена опытом, текущее влияние этих инициатив на университетский сектор и общество в целом остается недостаточным для реализации полного потенциала. Одним из направлений такого сотрудничества является интеграция зарубежных образовательных ресурсов, обладающих высоким качеством. Однако практика показывает, что темпы и масштабы внедрения этих ресурсов зачастую варьируются. Так, столкнувшись с неоднородностью качества и уровня реализации образовательных проектов, Министерство образования в июне 2018 года выпустило распоряжение о прекращении деятельности ряда китайско-иностранных вузов и проектов, предусматривающее закрытие 234 кооперативных образовательных инициатив, предусматривающих обучение по программам бакалавриата и выше. Среди них оказалось и 40 совместных проектов между Китаем и Россией, что свидетельствует о необходимости дальнейшей оптимизации процессов международного образовательного сотрудничества¹⁷⁷.

Вместо традиционных форматов обменов и программ «2+2», ряд вузов переходит к более глубоким формам совместной подготовки непосредственно в Китае. Однако реализация образовательных программ за рубежом сопряжена с рядом сложностей, включая вопросы финансирования, правового статуса, защиты интеллектуальной собственности, а также логистики командировок сотрудников. Эти вызовы требуют нестандартных решений и тщательного планирования. Ярким примером успешного сотрудничества стал проект, инициированный в 2014 году в Шэньчжэне, где по результатам партнерства

¹⁷⁷ Мэн Линцзюнь. Управление образовательными учреждениями в Китае и России // Современная система образования в России и Китае : сборник статей СПб.: Астерион, 2024. С. 440

«Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова» и «Пекинского политехнического института» был создан совместный университет МГУ-ППИ. Это учебное заведение, ориентированное на подготовку высококвалифицированных специалистов для рынка Китая, базируется на передовых российских образовательных программах и стремится способствовать решению ключевых экономических задач обеих стран. Официальное открытие университета состоялось в 2017 году в Шэньчжэне, где здание кампуса было специально построено по заказу местных властей с архитектурным решением, максимально приближенным к главному корпусу МГУ в Москве. Учебный процесс в новом университете организован с применением трех языков – английского, китайского и русского, что позволяет студентам выбирать диплом: как «МГУ имени М.В. Ломоносова» (предоставляющий программы бакалавриата и магистратуры), так и диплом, выдаваемый Совместным университетом. Вместимость кампуса рассчитана на примерно 5000 студентов, а инфраструктура включает четыре крупных научно-исследовательских центра и около 30 лабораторий, что делает его одним из ведущих образовательных и научных центров в регионе.

Некоторые из ведущих российских вузов активно развивают свои образовательные программы совместно с партнерами из Китая, демонстрируя прогрессивный подход к двустороннему академическому сотрудничеству. Так, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ) выстраивает продолжительные обмены с китайскими университетами в области высоких технологий, педагогики и фундаментальных исследований. Примечательно, что именно СПбПУ стал первым российским вузом, открывшим официальное представительство в Шанхае, что стало отправной точкой для выстраивания долгосрочного взаимодействия между образовательными институтами двух стран.

В 2019 году руководство Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана решило расширить горизонты международного сотрудничества, основав Российско-Китайский институт им.

Н.Э. Баумана при Харбинском политехническом университете. Этот шаг стал значительным вкладом в интеграцию образовательных систем, позволяющим объединить лучшие традиции российской инженерии и китайских инноваций. Помимо этого, совместный проект, известный как Китайско-Российский институт, был реализован в партнерстве между Хэйлунцзянским университетом и Новосибирским государственным университетом (НГУ). В рамках данной программы бакалавриата студенты проводят три четверти обучения в Новосибирске, а оставшуюся часть – в Харбине, что ежегодно охватывает около 180 учащихся. Программа магистратуры, в свою очередь, готовит порядка 50 специалистов в год по направлениям, таким как юриспруденция, физика, химия, математика, биология и ряде других дисциплин. Итогом такого образовательного обмена является получение дипломов от обоих партнерских вузов, что существенно повышает конкурентоспособность выпускников на международном рынке труда. Стоит отметить, что на современном китайском рынке высшего образования особенно ценятся специализации, связанные с точными и естественными науками, а также с математикой, инженерными и техническими дисциплинами. Кроме того, востребованными остаются такие направления, как веб-дизайн, региональная экономика и страноведение, что свидетельствует о растущем интересе к междисциплинарным программам, способным удовлетворить потребности стремительно развивающейся экономики¹⁷⁸.

Согласно стратегическим образовательным планам, Россия и Китай намерены достичь отметки свыше 100 тысяч студентов к 2030 году¹⁷⁹. В этом контексте российские высшие учебные заведения пользуются заслуженной популярностью среди китайских абитуриентов. Среди предпочитаемых вузов можно выделить такие учреждения, как Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, «УрФУ имени первого

¹⁷⁸ Сяо Су, Ван Юэ. Зарубежное управление российскими университетами в 21 веке: мотивация, статус-кво и характеристики // Сравнительное исследование в области образования. 2020. № 4. С. 90–96.

¹⁷⁹ Стеценко В. В. «Приоритет 2030» в контексте развития социальных институтов в России // Коммуникология. 2021. Т. 9. № 3. С. 155.

президента России Б.Н. Ельцина», МГУ имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, РУДН, Санкт-Петербургский государственный университет, Казанский федеральный университет, Дальневосточный федеральный университет, Тихоокеанский государственный университет (ТОГУ), а также Национальный исследовательский университет и институт точной механики и оптики (НИУ ИТМО) и ряд других.

Наиболее востребованными направлениями, по которым китайские студенты выбирают российские программы, являются менеджмент, экономика, международные отношения, зарубежное регионоведение, лингвистика, прикладная математика и информатика, а также инженерные специальности, связанные с электро- и теплоэнергетикой, и, конечно, педагогика. Помимо этого, Кубанский государственный университет, один из ведущих вузов Юга России, активно развивает сотрудничество с китайскими партнерами. Он реализует совместные образовательные проекты с тремя китайскими вузами: Циндаоским технологическим университетом, Тяньцзиньским университетом иностранных языков (ТУИЯ) и Юго-Западным университетом политологии и права в Чунцине. Соглашение между КубГУ и ТУИЯ было заключено еще в 2009 году, а в 2017 году Тяньцзиньский университет иностранных языков принимал участников международного форума «Инновации в иноязычном образовании в русских и китайских вузах», проводимого в рамках инициативы «Один пояс – один путь». В свою очередь, российские студенты, выбирающие образование в Китае, отдают предпочтение вузам, расположенным в таких городах, как Пекин, Тяньцзинь, Чунцин и Шанхай, а также учебным заведениям провинций Шаньдун, Гуандун, Ляонин и Хэйлунцзян. Такой взаимный интерес к образовательным программам свидетельствует о прочном и многостороннем сотрудничестве, способствующем дальнейшей интеграции систем высшего образования двух стран.

В 2023 году президент России официально объявил «Годом педагога и наставника», что стало важным шагом по повышению статуса профессии

учителя. Это событие совпало с празднованием 200-летия со дня рождения К.Д. Ушинского, выдающегося деятеля, заложившего основы российской педагогики. Программы взаимодействия в образовательной сфере между Россией и Китаем также вошли в перечень ключевых инициатив прошедшего года. В рамках дальнейшего развития российско-китайских отношений и укрепления культурных связей президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин объявил 2024-2025 годы «Годами культуры России и Китая», что подчеркивает стремление обеих стран к углублению двустороннего сотрудничества¹⁸⁰

Важным аспектом сотрудничества является совместная научно-исследовательская работа студентов двух стран, включающая фундаментальные исследования с использованием мега-научных установок и сотрудничество в высоко востребованных областях.

Обе страны активно продвигают изучение языков: более 80 тыс. китайских студентов изучают русский язык (более 160 университетов предлагают программы по русскому языку), а российские университеты увеличивают количество программ по изучению китайского языка. С 2014 года российско-китайская программа сотрудничества поддержала 57 совместных научных проектов, в которых участвуют китайские научно-исследовательские организации и университеты. Также предпринимаются усилия по стимулированию обмена академическим персоналом, что позволяет лекторам и исследователям из обеих стран налаживать рабочие контакты для совместных проектов в области исследований и разработок¹⁸¹.

В последние годы китайские и российские учреждения образования активизировали свое научное сотрудничество. Количество совместных научных публикаций китайских и российских исследователей увеличилось на 85% в период с 2006 по 2016 год. Ключевые области сотрудничества включают

¹⁸⁰ Современное гуманитарное сотрудничество между КНР и РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vipstd.ru/content/view/517/196/> (дата обращения: 14.01.2025).

¹⁸¹ Бахриев Б. Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2017. № 1. С. 131–147.

физику, материаловедение и инженерии. Например, Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) активно расширяет научное взаимодействие с партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. К настоящему моменту ДВФУ заключил 49 соглашений с учебными заведениями Китая, что способствует увеличению контингента российских студентов в Китае и знакомству россиян с китайским языком, традициями и культурой.

С 2014 года программа российско-китайского сотрудничества поддержала 57 совместных научных проектов с участием китайских исследовательских организаций и университетов¹⁸². Это сотрудничество подразумевает использование и разработку новых исследовательских технологий. Совместные программы и институты часто фокусируются на передовых областях, таких как компьютерные науки, аэрокосмическая и морская инженерия, которые по своей сути подразумевают использование новых технологий в образовании.

Поскольку обе страны стремятся модернизировать свои системы образования, растет сотрудничество в области образовательных технологий. Например, Российско-китайский центр исследований в области образования, созданный в 2018 году, фокусируется на разработке инновационных образовательных технологий и методик. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого сотрудничает с XuetangX, китайской платформой онлайн-образования, для публикации англоязычных курсов. Первые три курса, включающие технологическое лидерство и предпринимательство, были запущены в июне 2024 года. Многие совместные программы делают упор на двуязычное образование на русском и китайском языках, а в некоторых случаях и на английском. Например, новая программа двойного диплома между Московским государственным институтом международных отношений и Шаньтоуским университетом предусматривает

¹⁸² Садловская М. В. Сотрудничество РФ и КНР в сфере образования: современное состояние и перспективы развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 4 (142). URL: <https://research-journal.org/archive/4-142-2024-april/10.23670/IRJ.2024.142.118> (дата обращения: 14.01.2025).

изучение политической экономики, творческого предпринимательства и международной торговли на русском, китайском и английском языках.

Совместные образовательные программы России и Китая часто включают современные подходы к обучению для подготовки студентов к международной карьере. Например, программа сотрудничества между Пекинским университетом профсоюзов и Российским университетом транспорта обеспечивает интенсивную языковую подготовку, чтобы дать студентам лучшие навыки для обучения в России.

В 2019 году Китай и Россия подписали соглашение о взаимном признании дипломов о высшем образовании и ученых степеней. Этот документ способствует расширению академического сотрудничества между российскими и китайскими вузами, что ведет к увеличению числа совместных образовательных программ и научных проектов. Взаимное признание дипломов способствует увеличению студенческой мобильности, облегчая процесс обмена студентами между странами и повышая привлекательность российских университетов для китайских студентов, и наоборот.

Важно отметить, что данное соглашение упрощает трудоустройство выпускников российских вузов в Китае и китайских специалистов в России, что содействует обмену опытом и знаниями между странами. Признание научных степеней также стимулирует научное сотрудничество, облегчая совместную работу ученых и способствуя интенсивному обмену научными идеями и инновациями. Более того, соглашение предполагает проведение совместных процедур оценки качества образовательных программ, что может привести к повышению стандартов образования.

Взаимное признание дипломов повышает конкурентоспособность российского высшего образования на международном рынке, особенно в контексте сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Таким образом, соглашение о взаимном признании дипломов и научных степеней открывает новые возможности для развития образовательной и научной сфер России, способствует интернационализации высшего

образования и укрепляет позиции страны в глобальном образовательном пространстве.

Китай и Россия участвуют в совместных проектах в сфере образования не только на двусторонней основе, но и через международные организации, такие как Образовательный фонд Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Примечательно, что государства-члены этих интеграционных групп все чаще создают сетевые университеты. Например, Университет Шанхайской организации сотрудничества (УШОС) фокусируется на развитии экспертных знаний в области культурного, научного, образовательного и экономического сотрудничества между государствами-членами ШОС. Ключевые дисциплины включают регионоведение, экологию, энергетику, ИТ-технологии, нанотехнологии, педагогику и экономику. Академические предложения USCO охватывают различные уровни: степень бакалавра (четыре года с дополнительными языковыми курсами), степень магистра (два года), докторантура (три года) и специализированные программы повышения квалификации, профессиональной переподготовки, дистанционного обучения и заочного обучения.

Университет ШОС действует как консорциум университетов стран-членов, каждый из которых служит базовым учреждением для определенных академических дисциплин. Эти университеты координируют учебные планы в соответствии с национальными образовательными стандартами для разработки единых программ в приоритетных областях. Студенты, зачисленные в Университет ШОС, могут беспрепятственно переводиться между участвующими учреждениями в течение семестров, что обеспечивает гибкость и академическую преемственность. В настоящее время в консорциум входят 21 российский и 20 китайских университетов, а также университеты из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Беларуси.

Университет сети БРИКС (BRICS NU) работает в сопоставимой структуре, фокусируясь на программах магистратуры и аспирантуры в области

энергетики, экономики, экологии и изменения климата, исследований БРИКС, компьютерных наук и информационной безопасности, а также управления водными ресурсами и контроля загрязнения. BRICS NU делает акцент на академической мобильности студентов, исследователей и преподавателей в странах БРИКС, способствуя совместному руководству диссертационными проектами и совместным исследованиям¹⁸³.

Эти образовательные инициативы в рамках ШОС и БРИКС направлены на создание сплоченной образовательной среды среди государств-членов. Создание Университета ШОС значительно усилило образовательное влияние России в Евразии, формируя образовательные ландшафты в государствах-членах. Между тем, BRICS NU служит пионерским примером глобальной образовательной инициативы, охватывающей страны с разных континентов – Евразии, Африки и Южной Америки. Примечательно, что эти университеты сохраняют самобытность национальных образовательных систем, расширяя возможности для академической мобильности и научного сотрудничества между странами-участницами.

Несмотря на прогресс, в китайско-российских образовательных отношениях можно отметить ряд проблем. К числу очевидных следует отнести наличие языковых барьеров: несмотря на усилия по содействию изучению языка, языковые различия продолжают создавать проблемы для более глубокой образовательной интеграции. Также сложности создают культурные различия, разные образовательные философии и этические нормы, которые могут приводить к недопониманию и трудностям в сотрудничестве.

Объективным фактором, сдерживающим сотрудничество в сфере образования, является геополитическая напряженность. Хотя Китай и Россия имеют стратегическое партнерство, их отношения с другими странами, особенно с Западом, иногда могут осложнять взаимодействие в сфере образования.

¹⁸³ Садловская М. В. Сотрудничество РФ и КНР в сфере образования: современное состояние и перспективы развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 4 (142). URL: <https://research-journal.org/archive/4-142-2024-april/10.23670/IRJ.2024.142.118>. (дата обращения: 14.01.2025).

Взаимоотношения между странами характеризуются значительной асимметрией, при этом Россия становится все более зависимой от Китая. Этот дисбаланс, вероятно, распространяется и на образовательное партнерство. Различия в подходах к глобальной конкуренции также могут создавать трения: Россия более негативно настроена по отношению к Западу, тогда как Китай действует более осторожно, что может затруднять согласование образовательных инициатив.

Несмотря на протяженную общую границу, туристические и академические обмены между Китаем и Россией остаются ограниченными, что снижает уровень межличностных связей и может препятствовать более глубокому образовательному сотрудничеству. Проблемы культурных барьеров также упоминаются как фактор недоверия между гражданами Китая и России, что может затруднять обмен студентами и преподавателями, а также реализацию совместных программ.

Конкуренция за влияние в Центральной Азии создает еще одну точку напряженности: обе страны имеют пересекающиеся сферы влияния в этом регионе, что может вызывать конфликты в образовательной деятельности. Западные санкции в отношении России, хотя и приближают Россию к Китаю в некоторых аспектах, осложняют международные партнерства российских университетов, что может ограничивать ресурсы для китайско-российских инициатив.

Необходимо отметить существование и иных проблемных аспектов в построении взаимовыгодных отношений России и Китая в образовательной сфере. Во-первых, экономические проблемы в обеих странах могут ограничивать ресурсы, доступные для образовательных инициатив. Санкции, введенные Западом против России после начала СВО в Украине, осложнили международное партнерство для российских университетов. Также сказываются ценовые барьеры для студентов: высокие расходы, связанные с обучением за рубежом, часто являются серьезным препятствием для международных образовательных обменов. Учитывая экономические

проблемы, с которыми столкнулась Россия из-за санкций, российским студентам может стать все труднее позволить себе обучение в Китае.

Во-вторых, различия в подходах к академической свободе и правам интеллектуальной собственности могут создавать препятствия для более глубокого сотрудничества. Различия в подходах двух стран могут создавать препятствия для сотрудничества: а) несовместимость систем контроля и управления в сфере образования; б) различия в степени допустимой критики; в) подходы к международному сотрудничеству и обмену; г) потенциальные конфликты в области защиты интеллектуальной собственности и обмена данными.

Однако объективные и потенциальные проблемы также открывают возможности для инноваций в китайско-российских образовательных отношениях. Перспективными нам представляются следующие направления:

1. Цифровое образование. Пандемия COVID-19 стала катализатором для быстрого развития онлайн-платформ и виртуальных форматов обучения, открыв новые горизонты для обмена знаниями и организации совместных дистанционных программ. В этой сфере можно разрабатывать и внедрять инновационные образовательные проекты, объединяющие лучшие практики и сильные стороны китайских и российских вузов. Особое внимание уделяется созданию программ совместного получения ученой степени, где цифровые технологии играют ключевую роль, обеспечивая доступ к качественному образованию вне зависимости от географических ограничений.

2. Совместные исследования глобальных проблем. На сегодняшний день важность решения таких проблем, как изменение климата, вопросы здравоохранения и обеспечение устойчивого развития, становится все более очевидной. Расширение совместных научных инициатив в этих областях позволит не только укрепить образовательные связи между странами, но и внести значительный вклад в решение актуальных глобальных вопросов. Объединение усилий специалистов из разных стран способствует обмену

опытом, развитию инновационных методологий и созданию междисциплинарных платформ, способных дать ответ на современные вызовы.

3. Инновации в области образовательных технологий. Страны обладают сильными технологическими секторами, что открывает возможности для совместной разработки передовых технологий обучения и связи образования с практикой.

4. Расширение программ студенческого обмена. Существует потенциал для значительного роста студенческой мобильности между Китаем и Россией, особенно в областях, соответствующих приоритетам развития обеих стран.

5. Углубление институционального партнерства. Помимо студенческих обменов, есть место для более всеобъемлющего партнерства, включающего обмен преподавателями, совместные программы получения научной степени и совместные исследовательские проекты.

6. Создание новых образовательных центров. Развитие большего количества совместных образовательных учреждений, потенциально выходящих за рамки Китая и включающих кампусы в России или третьих странах.

7. Сотрудничество в сфере профессионального образования. Учитывая внимание обеих стран к развитию профессиональных навыков, может быть расширено сотрудничество в сфере профессионального и технического образования.

8. Образовательная дипломатия. Использование образовательных инициатив в качестве инструмента для укрепления связей между гражданами двух стран и роста взаимопонимания между китайским и российским обществом.

Будущее китайско-российских отношений в сфере образования представляется чрезвычайно перспективным, что обусловлено несколькими факторами. Во-первых, рассматриваемое направление соответствует приоритетам стратегического партнерства по координации для новой эры, объявленного в 2019 году. Россия и Китай проводят значительные реформы в

своих системах образования, создавая возможности для взаимного обучения и сотрудничества¹⁸⁴. Опыт Китая в таких областях, как искусственный интеллект, и сильные стороны России в таких областях, как аэрокосмическая техника, создают потенциал для взаимовыгодных обменов.

По мере углубления экономического взаимодействия между Китаем и Россией, особенно в области высоких технологий, можно ожидать значительного увеличения интереса к образовательным программам, которые способствуют поддержанию и развитию этих связей. В условиях сложных отношений с западными странами обе державы вынуждены искать альтернативные пути для самоутверждения и формирования независимых образовательных и культурных платформ, что, в свою очередь, подталкивает их к усилению взаимного сотрудничества. Кроме того, разнообразие форм сотрудничества между Китаем и Россией демонстрирует их стремление не только к расширению двусторонних контактов, но и к стимулированию инновационного развития. Такой подход помогает удовлетворить возрастающий спрос на специалистов, владеющих двумя языками, что становится необходимым для успешного функционирования в современных бизнес-средах, научных исследованиях и технических отраслях. Создание специализированных образовательных программ и академических обменов способствует формированию кадров, способных адаптироваться к динамичным условиям глобальной экономики и быстро реагировать на новые вызовы.

Китайско-российские отношения в сфере образования достигли значительных успехов в последние годы, что отражает более широкое стратегическое партнерство между двумя странами. Хотя проблемы остаются, потенциал для дальнейшего сотрудничества значителен. Поскольку обе страны ориентируются в сложностях глобального ландшафта XXI века, их образовательное сотрудничество, вероятно, будет играть все более важную

¹⁸⁴ Zhao S. Projection of China's Soft Power in the New Century // *Soft Power with Chinese Characteristics*. Denver University Press, 2019. P. 25–44.

роль в формировании не только двусторонних связей, но и их позиций в глобальной экономике знаний.

Будущее китайско-российских образовательных отношений будет зависеть от способности обеих стран использовать свои взаимодополняющие сильные стороны, решать существующие проблемы и адаптироваться к новым глобальным тенденциям в образовании. Поскольку эти отношения продолжают развиваться, для политиков, педагогов и исследователей в обеих странах будет крайне важно поддерживать открытый диалог. В конечном счете, углубление китайско-российских образовательных связей может внести значительный вклад в развитие человеческого капитала обеих стран, усилить их мягкую силу на мировой арене и способствовать формированию нового поколения лидеров, способных ориентироваться в сложной динамике китайско-российских отношений в предстоящие десятилетия.

Выводы по главе 2

1. Политика мягкой силы Китая в сфере образования представляет собой многогранную и развивающуюся стратегию по усилению его глобального влияния и культурной привлекательности. Хотя инициативы достигли заметных успехов с точки зрения масштаба и охвата, они также сталкиваются со значительными проблемами и критикой. Поскольку Китай продолжает совершенствовать и адаптировать свой подход, влияние его усилий в области образовательной мягкой силы на глобальное восприятие и международные отношения будет оставаться предметом пристального интереса для ученых, политиков и педагогов по всему миру. Будущие исследования должны быть сосредоточены на количественных оценках академических результатов, качественном анализе опыта участников и сравнительном изучении аналогичных международных образовательных инициатив.

Поскольку Китай продолжает развивать принципы мягкой силы в образовательной системе, международные проекты будут и в дальнейшем влиять на общую направленность политики в этой сфере, формируя роль

страны в глобальной экономике знаний. Продолжающаяся эволюция этой стратегии, вероятно, сыграет решающую роль в формировании позиции Китая на мировой арене в ближайшие десятилетия.

2. Российская концепция мягкой силы представляет собой комплексный инструмент, адаптированный к специфическим целям и ценностям российской внешней политики, с особым акцентом на принципах суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств.

Политика мягкой силы России в образовательной системе представляет собой сложную и развивающуюся стратегию, которая сочетает историческое наследие с современными геополитическими целями. Несмотря на то, что российские образовательные инициативы сталкиваются с трудностями с точки зрения авторитета и культурной привлекательности, они могут существенно повлиять на ее глобальный статус, особенно в регионах. Успех этой стратегии будет зависеть от способности России адаптироваться к меняющейся глобальной повестке, сбалансировать государственное участие с органической культурной привлекательностью и предложить образовательные возможности, которые являются одновременно привлекательными и актуальными для международной аудитории. Поскольку глобальный ландшафт высшего образования продолжает меняться, подход России к образовательной мягкой силе, вероятно, сыграет решающую роль в формировании ее международных отношений и мирового влияния в ближайшие годы.

3. Анализ сходств и различий в политике мягкой силы Китая и России в образовательной сфере показывает, что обе страны признают важность высшего образования как инструмента международного влияния и активно разрабатывают свои стратегии в этой области. Однако существуют существенные различия в масштабах, подходах и приоритетах этих стратегий.

Китай демонстрирует более глобальный, финансово ориентированный и стратегически интегрированный подход к образовательной мягкой силе, тесно связывая его со своими экономическими амбициями. Россия, фокусируется на поддержании культурных и языковых связей, использует образование как

инструмент для сохранения своего. Обе страны сталкиваются конкуренцией с западными образовательными системами, политической напряженностью и необходимостью адаптации меняющемуся мировому образовательному ландшафту. Обе страны в ближайшей перспективе столкнутся с новыми вызовами, к которым относятся: а) баланс между продвижением национальных интересов и принципами академической свободы; б) адаптация к растущей цифровизации образования; в) устранение геополитической напряженности, которая может повлиять на образовательные обмены и сотрудничество; г) конкуренция с устоявшимися западными образовательными учреждениями и новыми образовательными центрами в других частях мира; д) обеспечение качества и актуальности своих образовательных предложений на быстро меняющемся мировом рынке труда.

4. Китайско-российские отношения в сфере образования достигли значительных успехов в последние годы, что отражает широкое стратегическое партнерство между двумя странами. Будущее китайско-российских образовательных отношений будет зависеть от способности обеих стран использовать свои взаимодополняющие сильные стороны, решать существующие проблемы и адаптироваться к новым глобальным тенденциям в образовании. Поскольку эти отношения продолжают развиваться, для политиков, педагогов и исследователей в обеих странах будет крайне важно поддерживать открытый диалог. В конечном счете, углубление китайско-российских образовательных связей может внести значительный вклад в развитие человеческого капитала обеих стран, усилить их мягкую силу на мировой арене и способствовать формированию нового поколения лидеров, способных ориентироваться в сложной динамике китайско-российских отношений в предстоящие десятилетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование позволило изучить особенности проявления мягкой силы в образовательной сфере Китая и России.

В ходе подготовки диссертационной работы нами:

1. Изучено понятие, сущность и функции мягкой силы как категории.
2. Выявлена специфика концептуализации категории мягкой силы в политической науке.
3. Установлены особенности интерпретации категории мягкой силы в китайской политической науке.
4. Охарактеризованы особенности политики мягкой силы Китая в образовательной сфере.
5. Проанализированы особенности российской политики мягкой силы в образовательной сфере.
6. Установлены сходства и различия политики мягкой силы Китая и России в образовательной сфере.
7. Дана оценка состоянию и перспективам развития китайско-российских отношений в образовательной сфере.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Мягкая сила отражает способность государства влиять на предпочтения других в силу присущей ему привлекательности, охватывающую такие элементы, как культура, политические ценности и внешняя политика, которые избегают насильственного принуждения. Технологии «мягкой силы» представляют собой важный компонент современного государственного

управления и реализации национальных интересов. Эффективность «мягкой силы» зависит от гармонизации внешних и внутренних факторов государства, включая геополитическое положение, цивилизационное наследие, политические и экономические модели, стратегические планы развития, коммуникативные возможности, идеологию, социальные стандарты, ценности, национальный этос, культурное самовыражение и творческую изобретательность. Также сказывается зависимость от стратегии развития государства, идеологических рамок, ценностной ориентации, привлекательности социальной системы, приверженности стратегическим императивам, сохранения исторического наследия, культурной динамичности и международного авторитета, которые в совокупности формируют нарратив и проекцию национальной идентичности на мировую арену.

2. Концептуализация категории мягкой силы в политической науке нашла отражение в ряде теоретических конструкций: модель реляционной власти; взаимосвязь мягкой силы и публичной дипломатии; стратегическая нарративная теория; идея мягкого силового капитала; критический теоретический подход; сетевая перспектива применения мягкой силы; специфика проявления мягкой силы в «незападных» контекстах; проявление мягкой силы в среде цифровой коммуникации и др.

В настоящее время теория мягкой силы столкнулась со значительной критикой и концептуальными проблемами, среди которых отмечается: неоднозначность определений; проблемы измерения и фиксации; причинно-следственные механизмы; культурная обусловленность; неоднозначная связь с «жесткой силой». Актуальные тенденции дальнейшей концептуализации мягкой силы включают в себя: уточнение критериев измерений; проведение контекстуального анализа; оценку роли негосударственных субъектов; рассмотрение мягкой силы с точки зрения критического подхода; разработку понятия «цифровая мягкая сила».

3. Интерпретация и развитие концепции мягкой силы в китайской политической науке отражают динамичный процесс взаимодействия с

западными идеями, переосмысления через призму китайской культуры и философии и практического применения во внешней политике. Китайские ученые внесли значительный вклад в глобальный дискурс о мягкой силе, расширив ее концептуальные границы и исследовав ее актуальность для уникального контекста современного Китая.

По мере того, как КНР продолжает расти как мировая держава, его подход к мягкой силе формируется как внутренними приоритетами, так и международными реалиями. Продолжающиеся дебаты и исследования в этой области не только отражают стратегическое мышление руководства Китая, но и способствуют более широкому теоретическому пониманию силы и влияния в международных отношениях. Поскольку мир переживает эпоху быстрых перемен и динамики глобальной власти, китайская интерпретация мягкой силы, несомненно, продолжит оставаться предметом пристального научного интереса и практического значения.

4. Политика мягкой силы Китая в сфере образования представляет собой многогранную и развивающуюся стратегию по усилению его глобального влияния и культурной привлекательности. Хотя инициативы достигли заметных успехов с точки зрения масштаба и охвата, они также сталкиваются со значительными проблемами и критикой. Поскольку Китай продолжает совершенствовать и адаптировать свой подход, влияние его усилий в области образовательной мягкой силы на глобальное восприятие и международные отношения будет оставаться предметом пристального интереса для ученых, политиков и педагогов по всему миру. Китай активно внедряет принципы мягкой силы в свою образовательную систему, что делает международные проекты важным инструментом для формирования образовательной политики страны. Эти инициативы не только способствуют укреплению образовательных стандартов, но и помогают выстраивать репутацию Китая в глобальной экономике знаний. В условиях стремительной трансформации мирового образовательного пространства, обмен опытом с зарубежными партнерами становится залогом инновационного развития и адаптации передовых практик.

Дальнейшая эволюция данной стратегии обещает оказать решающее влияние на позиционирование Китая на международной арене в ближайшие десятилетия. Путем интеграции современных образовательных технологий, межгосударственного сотрудничества и обмена научными достижениями, страна формирует основу для устойчивого развития своих академических институтов. Такой подход позволяет не только повысить качество образования внутри страны, но и активно влиять на глобальные тенденции в области образования и науки.

5. Политика мягкой силы России в образовательной системе представляет собой сложную и развивающуюся стратегию, которая сочетает историческое наследие с современными геополитическими целями. Несмотря на то, что российские образовательные инициативы сталкиваются с трудностями с точки зрения авторитета и культурной привлекательности, они могут существенно повлиять на ее глобальный статус, особенно в регионах. Успех этой стратегии будет зависеть от способности России адаптироваться к меняющейся глобальной повестке, сбалансировать государственное участие с органической культурной привлекательностью и предложить образовательные возможности, которые являются одновременно привлекательными и актуальными для международной аудитории. Поскольку глобальный ландшафт высшего образования продолжает меняться, подход России к образовательной мягкой силе, вероятно, сыграет решающую роль в формировании ее международных отношений и мирового влияния в ближайшие годы.

6. Анализ сходств и различий в политике мягкой силы Китая и России в образовательной сфере показывает, что обе страны признают важность высшего образования как инструмента международного влияния и активно разрабатывают свои стратегии в этой области. Однако существуют существенные различия в масштабах, подходах и приоритетах этих стратегий.

Китай демонстрирует более глобальный, финансово ориентированный и стратегически интегрированный подход к образовательной мягкой силе, тесно связывая его со своими экономическими амбициями. Россия, фокусируется на

поддержании культурных и языковых связей, использует образование как инструмент для сохранения своего. Обе страны сталкиваются конкуренцией с западными образовательными системами, политической напряженностью и необходимостью адаптации меняющемуся мировому образовательному ландшафту. Обе страны в ближайшей перспективе столкнутся с новыми вызовами, к которым относятся: а) баланс между продвижением национальных интересов и принципами академической свободы; б) адаптация к растущей цифровизации образования; в) устранение геополитической напряженности, которая может повлиять на образовательные обмены и сотрудничество; г) конкуренция с устоявшимися западными образовательными учреждениями и новыми образовательными центрами в других частях мира; д) обеспечение качества и актуальности своих образовательных предложений на быстро меняющемся мировом рынке труда.

7. Китайско-российские отношения в сфере образования достигли значительных успехов в последние годы, что отражает широкое стратегическое партнерство между двумя странами. Будущее китайско-российских образовательных отношений будет зависеть от способности обеих стран использовать свои взаимодополняющие сильные стороны, решать существующие проблемы и адаптироваться к новым глобальным тенденциям в образовании. Поскольку эти отношения продолжают развиваться, для политиков, педагогов и исследователей в обеих странах будет крайне важно поддерживать открытый диалог. В конечном счете, углубление китайско-российских образовательных связей может внести значительный вклад в развитие человеческого капитала обеих стран, усилить их мягкую силу на мировой арене и способствовать формированию нового поколения лидеров, способных ориентироваться в сложной динамике китайско-российских отношений в предстоящие десятилетия.

Дальнейшие перспективные направления исследования темы могут включать углубленный анализ влияния современных технологий на трансформацию образовательной мягкой силы в условиях глобальной

информационной среды. Особое внимание следует уделить сравнительному анализу успешных кейсов применения образовательной мягкой силы в различных культурных и геополитических контекстах. Также актуально исследование механизмов формирования национальной идентичности через образовательные инициативы, направленные на усиление мягкой силы. Также будущие исследования должны быть сосредоточены на количественных оценках академических результатов, качественном анализе опыта участников и сравнительном изучении аналогичных международных образовательных инициатив. Расширение эмпирических исследований и применение междисциплинарных методологических подходов позволят выявить новые инструменты и стратегии влияния в динамично меняющемся глобальном образовательном пространстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамец С. М. Аналитическая записка по книге «Стратегия «мягкой силы» Китая» // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. 2013. № 13. С. 140–141.
2. Актамов И. Г. Гуманитарная география трансграничья: ценностные доминанты и модели поведения иностранных студентов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 1-1. С. 5–10.
3. Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 231–236;
4. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / Пер. Завена Баблюяна. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. 168 с.
5. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. Под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
6. Бахриев Б. Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2017. № 1. С. 131–147.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. Иноземцев В.Л. (ред. и вступ. ст.). М.: Academia, 1999. 956 с.
8. Бельченко А. С. Деятельность институтов Конфуция в Российской Федерации // Вестник РУДН. Сер.: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 64–74.

9. Бехманн Г. Общество знания – краткий обзор теоретических поисков // Вопросы философии, 2010. № 2. С. 113–126.
10. Бобыло А. М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий // Вестник БГУ. 2013. С. 130–135.
11. Бодрийяр Ж. Соблазн / Пер. с фр. А. Гораджи. М.: Изд-во Ad Marginem, 2000. 317 с.
12. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Изд-во Ad Marginem, 2000. С. 171.
13. Будаев А. В. Светлые и темные стороны «мягкой силы» Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 54. С. 106–129.
14. Булл Х. Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике // Антология мировой политической мысли. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX века. М., 1997. С. 802–805.
15. Булл Х. Теория международных отношений: пример классического подхода // Теория международных отношений : хрестоматия / под ред. П.А. Цыганкова. М. : Гардарики, 2002. С. 187–200.
16. Василенко И. А. Роль технологий «мягкой силы» в формировании имиджевой стратегии России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 8(1). С. 31.
17. Виноградов И. С. Сотрудничество Китая со странами Северной Африки: состояние и перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. Т. 28. № 28. С. 185–198.
18. Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.
19. Гревцова А. Н. Мягкая сила Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН // Молодой ученый. 2012. № 3. С. 313–315.
20. Грибовод Е. Г. Медиатизации политики в рамках теории мобильности // Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: сборник научных трудов по итогам I Всероссийской научно-

практической молодежной конференции, 17 октября 2018 г., Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2019. С. 56–68.

21. Давыдов Ю. П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2014. № 1. С. 69–80

22. Дейч Т. Л. Китай в борьбе за африканские сырьевые ресурсы // Ось мировой политики XXI в. обострение борьбы за ресурсы в Азии и Африке. 2012. С. 130–147.

23. Дугин А.Г. Геополитическое будущее России: многополярность и основные стратегические перспективы в XXI в. // Вести. Москва. ун-та. сер. 18. Социология и политология. 2011. № 2 С. 68.

24. Ефременко Д. В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии, 2010. № 1. С. 49–61.

25. Казанцев А. А., Меркушев В. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. № 2 С. 122–135.

26. Казаринова Д. Б. Феномен «мягкой силы»: стратегии мягкой силы в политике государств – членов двадцатки // Свободная мысль: международный общественный журнал. 2011. № 3. С. 111–120.

27. Казаринова Д. Б. Проблема ценностных оснований «мягкой силы» России на постсоветском пространстве // Россия в современной международной системе координат: новые вызовы и возможности. МИГСУ РАНХиГС / под общ. ред. В.В. Комлевой. М.: Проспект, 2014. С. 184–188.

28. Казаринова Д. Б. Фактор мягкой силы в современной мировой политике и проблемы политической стабильности // Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М.: РУДН, 2012. С. 104-117.

29. Капицын В. М. Космополитизм – компоненты «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель. 2009. № 10. С. 70–79.

30. Китайский передовой: почему студенты из Поднебесной все чаще едут в Россию // Известия: онлайн-СМИ. URL: <https://iz.ru/1688485/valeriia-mishina-anastasiia-kostina/kitaiskii-peredovoi-pochemu-studenty-iz-podnebesnoi-vse-chashche-edut-v-rossiiu>.

31. Ковба Д. М. "Мягкая сила" в китайской политической науке и практике // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XX Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана, Екатеринбург, 16–18 марта 2017 года. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2017. С. 2002-2010.

32. Ковба Д. М. "Мягкая сила" как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02. Екатеринбург, 2017. 38 с.

33. Ковба Д. М. Академическая мобильность в высшем образовании в контексте теории «мягкой силы» // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4. С. 181–185.

34. Ковба Д. М. Гражданское общество Китая в контексте теории «мягкой силы» // Теории и проблемы политических исследований. 2017. № 4. С. 197–205.

35. Ковба Д. М. Гуманитарная дипломатия: основные уровни, акторы и их мотивы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 135–147.

36. Ковба Д. М. Китайские ученые о новом мировом порядке и роли КНР в нем // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 1. С. 43–61.

37. Ковба Д. М., Грибовод Е. Г. Международная академическая мобильность сквозь призму теории "мягкой силы" // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 10. С. 9–31.

38. Кокарев К. А., Комиссина И. Н., Сведенцов В. Л. Политика «мягкой силы» Китая в Азии // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 3(54). С. 11–67.

39. Кокошин А. А. О наследии Сунь-цзы // Социс. Социологические исследования. 2016. № 11. С. 114–123.
40. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № (3(54)). С. 212–223
41. Леонова О. Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель – Observer. 2015. № 2 (301). С. 80–89.
42. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.
43. Лузянин С. Г. Россия и Китай: Реализация повестки мира, развития и безопасности 2018 года // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Т. 23. 2018. № 23. С. 10.
44. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // ПОЛИС, 2010. № 2. С. 90–105.
45. Медяник Е. И. Совместный университет как инструмент реализации национальных интересов России и Китая // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12. № 1. С. 7–23.
46. Миненков Г. Я. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории // Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки: Сб. науч. тр. / Ред. и сост. Малинова О.Ю.; Центр социал. науч.-информ. исслед. РАН ИНИОН; Отд. полит. науки; Рос. ассоц. полит. науки. М., 2005. С. 21–38.
47. Михневич С. В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. 2014 Т. 9 № 2. С. 95–129.
48. Мосяков Д. В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. Т.14. С. 5–22.

49. Мэн Линцзюнь. Управление образовательными учреждениями в Китае и России // Современная система образования в России и Китае : сборник статей / Под ред. А. В. Петрова, Ван Сюй, Ма Вэньда. СПб.: Астерион, 2024. С. 440-486.
50. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль-XXI, 2004. № 10. С. 33–41.
51. Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век / пер. с англ. В. Н. Верченко. Москва: АСТ, 2014. 448 с.
52. Новиков Г. Теория международных отношений. Иркутск: Изд. Иркут. ун-та, 1996. С. 121.
53. Основные направления сотрудничества КНР со странами Северной Африки // Российский совет по международным делам (РСМД): официальный сайт. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/osnovnye-napravleniya-sotrudnichestva-knr-so-stranami-severnoy-afriki/?sphrase_id=148048451
54. Пономарева Е. Г. «Мягкая сила» России как интеграционный ресурс // Геополитический журнал. 2016. № 3. С. 9–17.
55. Пономарева Е. Г. «Умная сила» как инструмент евразийской интеграции // ПанорамаЕвразии. 2015. № 2 (13). С. 66–69;
56. Пономарева Е. Г. Железная хватка «мягкой силы» // Однако. 2013. № 6. С. 18–26; № 7. С. 18–21.
57. Пономарева Е. Г. Секреты «цветных революций» // Интелрос. 2013. URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/3-4-2012/04.pdf
58. Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Обозреватель. 2015. № 11. С. 59–73.
59. Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. №2. С. 19–22.

60. Россия и Китай планируют расширять сотрудничество в сфере образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/75188/>.
61. Русакова О. Ф. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2015. 376 с
62. Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник института философии и права УрО РАН. 2010. Вып. 10. С. 173–192.
63. Русакова О. Ф. Мобильный дискурс в современных коммуникациях // Научные ведомости. Серия: Гуманитарная наука. 2014. № 13. С. 245–252.
64. Русакова О. Ф. Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 3. Общественные науки, 2008. Вып. 6. № 61. С. 114–122.
65. Русакова О. Ф. Политическая дискурсология: актуальность исследования и теоретико-методологические основания // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 3. Общественные науки, 2008. Вып. 6. № 61. С. 114–122.
66. Русакова О. Ф. Шоу-политика: особенности дискурса // Социум и власть, 2009. № 4. С. 36–39.
67. Русакова О. Ф., Ковба Д. М. Коррупция в странах восточной Азии в международных рейтинговых системах "Мягкой силы" // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : Сборник трудов по итогам Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием, Екатеринбург, 26–27 октября 2018 г. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2019. С. 636–659.
68. Русакова О. Ф., Ковба Д. М. Стратегические модели "мягкой силы" стран восточноазиатского региона // ПОЛИТЭКС. 2016. № 2. С.16–29.

69. Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: УрО РАН; Ин-т международных связей, 2008. 340 с.
70. Садловская М. В. Сотрудничество РФ и КНР в сфере образования: современное состояние и перспективы развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 4 (142). URL: <https://research-journal.org/archive/4-142-2024-april/10.23670/IRJ.2024.142.118>.
71. Самойлова М. П., Лобанова Е. А. Культурно-образовательный аспект в политике «мягкой силы» Китая и России // *Juvenis scientia*. 2017. № 11. С. 34–37.
72. Сафронова Е. И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки). М.: ИД «ФОРУМ», 2018. 336 с.
73. Сергеев С. О. Академическая мобильность как инструмент «мягкой силы» науки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6. С. 191–194.
74. Современное гуманитарное сотрудничество между КНР и РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vipstd.ru/content/view/517/196/>.
75. Сотникова В. М. Перспективы культурного взаимодействия России и Китая в области высшего образования в XXI веке // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Том 16, № 2. С. 40–50.
76. Стеценко В. В. «Приоритет 2030» в контексте развития социальных институтов в России // Коммуникология. 2021. Т. 9. № 3. С. 155–164.
77. Сяо Су, Ван Юэ. Зарубежное управление российскими университетами в 21 веке: мотивация, статус-кво и характеристики // Сравнительное исследование в области образования. 2020. № 4. С. 90–96.
78. Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // ПОЛИС, 2009. № 5. С. 41–54.

79. Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4(25). С. 85–93.
80. Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США: Монография. М.: РУДН, 2010. 212 с
81. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. Под ред. Д.В. Складнева. Изд. 2-е, стереотипное. СПб.: Наука, 2006. 384 с.
82. Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном Мир-Обществе // ПОЛИС, 2010. № 2. С. 7–21.
83. Харитонов Е. М. Образование в политике «мягкой силы» Великобритании // Трансформация международных отношений в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции. / Отв. ред. М. В. Грановская, О. А. Тимакова. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. С. 397–402.
84. Цзайци Лю «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. № 4, С. 149–155.
85. Цыганков А. Всесильно, ибо верно?: «мягкая сила» и теория международных отношений // Россия в глобальной политике. 2013. № 6. С. 26–36.
86. Цыганков П. А. Политическая социология международных отношений. М.: РАДИКС, 1994. 320 с.
87. Чебунин А. В. Китайский язык как инструмент культурной политики и мягкой силы // Международная образовательная деятельность как фактор развития и сотрудничества высших учебных заведений в современном поликультурном мире: материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во ВСГИК, 2018. С. 39–44.
88. Юдин Н. В. Системное прочтение феномена мягкой силы // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 2. С. 96–105.

89. Anholt S. Why brand? Some practical considerations for nation branding // Place Branding. 2006. No.2 (2). P. 97–107.
90. Aron R. Machiavel et les tyrannies modernes. Paris: Editions de Fallois, 1993. 418 p.
91. Aron R. Peace and War: A Theory of International Relations. L.: Routledge, 2003. 820 p.
92. Aronczyk M. Branding the Nation: The Global Business of National Identity. New York: Oxford. University Press, 2013. 256 p.
93. Barnett M., Duvall R. Power in Global Governance. Power in Global Governance. Barnett M., Duvall R., eds. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, pp. 1–32.
94. Bilgin P., Elis B. Hard power, soft power: toward a more realistic power analysis // Insight Turkey. 2008
95. Cohen C., Nye J.S., Armitage R.. A Smarter, More Secure America. Report of the CSIS Commission on Smart Power. URL: <http://csis.org/publication/smartermore-secure-america>
96. Cohen W. S., Greenberg M. R. Smart power in US: China relations. Washington: CSIS, 2009. 41 p.
97. Dahl R. A. The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. Vol. 2. № 3. P. 201.
98. Feng Y. The development of Russian language education in China: Challenges and prospects // Russian Language Studies. 2020. № 18 (2). P. 235–252.
99. Ferguson. N. Colossus: the price of America's empire. N.Y.: Penguin Press, 2004. 384 p.
100. Gallarotti G. M. The Power Curse: Influence and Illusion in World Politics. Lynne Rienner Pub, 2009. 209 p.
101. Gallarotti G. Soft power: what is it, why it is important, and the conditions under which it can be effectively used // Wesleyan University, WesScholar. 2011.

102. Gray C. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century // Strategic studies institute Monograph. 2011
103. Hu A. China: Comprehensive National Power and Grand Strategy // Strategy and Management. 2002. Vol. 3. Iss. 2. URL: <https://myweb.rollins.edu/tlairson/china/chigrandstrategy.pdf>.
104. Huawei. Seeds for the Future // Huawei. URL: <https://www.huawei.com/minisite/seeds-for-the-future/index.html>.
105. Hunter A. Soft Power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics. 2009. Vol. 2. P. 378–379.
106. Keohane R., Nye J. Jr. Power and interdependence in the information age // Foreign Affairs. 1998. Vol. 77. № 5. P. 81–94
107. Kissinger H. American Foreign Policy. 3d ed. New York: W. W. Norton & Co., 1977. P. 57.
108. Klare M. Hard power, soft power, and energy power // Foreign affairs. 2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-03-03/hard-power-soft-power-and-energy-power>
109. Knorr K. The Power of Nations. New York: Basic Books, 1975. P. 9.
110. Kounalakis M., Simonyi A. The hard truth about soft power // USC public diplomacy. 2011
111. Lam P. F., “Only the Dang Dynasty Came Close to Having Influence, ”in The Straits Times, Oct. 26, 1996.
112. Li M. J. Soft power in Chinese discourse : popularity and prospect // RSIS Working Paper. Singapore: Nanyang Technological University. 2008. № 165. 38 p.
113. Li M. Soft Power: China’s Emerging Strategy in International Politics. London: Lexington Books, 2009. 284 p.
114. Lintner B. The Costliest Pearl: China's Struggle for India’s Ocean. Hurst, 2019. 288 p.

115. Lock E. Soft power and strategy. Development a strategic concept of power // Soft power and US foreign policy: Theoretical, historical and contemporary perspectives. – London: Routledge. 2010. P. 32–50
116. Lukes S. Power: a radical view. London: Macmillan, 1974. 64 p.
117. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40. Issue 2. P. 235–258.
118. Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy. Gebonden: Springer International Publishing, 2019. 372 p.
119. Mattern J. B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium 2005(06). Vol. 33. Iss. 3. P. 583–612
120. Melissen J. The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations. Palgrave Macmillan, 2005. 245 p.
121. Men H. China's Position in the World and Orientation of Its Grand Strategy // China in the Xi Jinping Era; ed. by S. Tsang and H. Men. Cham: Springer International Publishing, 2016. p. 299–325
122. Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. Strategic Narratives. Communication Power and the New World Order. New York: Routledge, 2013. 224 p.
123. Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 3rd edn. NY: Knopf, 1985, p. 27.
124. Nye J. Bound to lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990. 336 p.
125. Nye J. Jr. Soft power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affaires, 2004. 208 p
126. Nye J. Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford: Oxford University Press, 2002. 240 p
127. Pang Z. Y. The Beijing Olympics and China's Soft Power // Brookings Institution: online media. URL: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2008/09/04-olympics-pang>

128. Peters M. A. China's belt and road initiative: Reshaping global higher education // *Educational Philosophy and Theory*. 2020. № 52 (6). P. 586–592.
129. Peters M. A. China's belt and road initiative: Reshaping global higher education // *Educational Philosophy and Theory*. 2020. № 52 (6). P. 586–592.
130. Peters M. A. China's belt and road initiative: Reshaping global higher education // *Educational Philosophy and Theory*. 2020. № 52 (6). P. 586–592.
131. Ratzel F. Die Gesetze des raumlichen Wachstums der Staaten. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen politischen Geographie // *Petermanns Geographische Mitteilungen*. 1896. № 42. P. 97–107
132. Redden E. China's Soft Power Efforts // *Inside Higher Ed*. URL: <https://www.insidehighered.com/news/2018/02/07/china-proposes-major-boost-spending-higher-education-soft-power-push>
133. Robertson R. The “Return” of Religion and the Conflicted Condition of World Order // *This Globalizing World* / ed. by A. N. Chumakov, L. E. Grinin. Volgograd : Uchitel, 2015. P. 46.
134. Rotaru V. Forced Attraction? How Russia is Instrumentalizing Its Soft Power Sources in the “Near Abroad” // *Problems of Post-Communism*. 2018. № 65 (1). P. 37–48.
135. Rutland P., Kazantsev A. The limits of Russia's “soft power” // *Journal of Political Power*. 2016. № 9 (3). P. 395–413.
136. Solomon T. The Affective Underpinnings of Soft Power // *European Journal of International Relations*. 2014. № 20(3), pp. 720–741.
137. Strange S. The persistent myth of lost hegemony // *International Organization*. 1987. Vol. 41. № 4. P. 551–574.
138. Strange S. Towards a Theory of Transnational Empire // E. O. Czempiel and J. N. Rosenau (eds.). *Global Changes and Theoretical Challenges: Approaches to World Politics for the 1990s*. Lexington: Lexington Books, 1989. P. 45–65.
139. Tomlin G. M. *Murrow's Cold War: Public Diplomacy for the Kennedy Administration*. Lincoln, NE: Potomac Books, 2016. 424 p

140. Wang H. N. Culture as national power: soft power (作为国家实力的文化: 软实力) // Journal of Fudan University (复旦学报). 1993. № 3. P. 95–114
141. Wang J. Introduction: China's search on soft power// Soft power in China: Public Diplomacy through Communication. N.Y., 2011. 220 p.
142. Wang J. Soft Power in China. Public Diplomacy through Communication. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 230 p
143. Wilson J.L. Soft power as a component of Russian and Chinese discourse and strategy // American Political Science Association. Norton, MA, 2013
144. Wolfers A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. 283 p.
145. Womack B. Dancing alone: a hard look at soft power // The Asia Pacific Journal: Japan Focus. 2005.
146. Wu X. China and the Asia-Pacific Chess Game. Beijing: CCTV, 2007. 245 p.
147. Yan X. The Rise of China and its Power Status // The Chinese Journal of International Politics. 2006. Vol. 1. № 1. P. 25
148. Yang R. China's higher education during the COVID-19 pandemic: some preliminary observations // Higher Education Research & Development. 2021. № 40 (5). P. 1–5.
149. Yang R. China's Soft Power Projection in Higher Education. International Higher Education // International Higher Education. 2007. Vol. 46. P. 24–25.
150. Zhang G. Research Outline for China's Cultural Soft Power. Berlin: Springer, 2017. 143 p.
151. Zhang Y. Understand China's Media in Africa from the perspective of Constructive Journalism. Beijing: CMI, 2014. 12 p.
152. Zhao K. Public Diplomacy, Rising Power, and China's Strategy in East Asia // Understanding Public Diplomacy in East Asia. Palgrave Macmillan, 2015. P. 51–77.

153. Zhao S. Projection of China's Soft Power in the New Century // Soft Power with Chinese Characteristics. Denver University Press, 2019. P. 25–44.
154. Zhao S. Projection of China's Soft Power in the New Century // Soft Power with Chinese Characteristics. Denver University Press, 2019. P. 25–44.
155. Zhu Y. Soft Power With Chinese Characteristics. China's Campaign for Hearts and Minds. NY: Routledge, 2020. 318 p.
156. 康瑜.高等教育全球化：一个全球地方化视角的解读[D].上海：华东师范大学, 2008
157. 康瑜.高等教育全球化：一个全球地方化视角的解读[D].上海：华东师范大学, 2008.
158. 魏腊云,唐佳和.新全球化时代与高等教育国际化—兼谈高等教育国际化与高等教育全球化的差异[J].煤炭高等教育.2002(2)
159. 赵广成 内容提要“一带一路” [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://imes.nwu.edu.cn/__local/8/3E/85/B3201960C6A1620C51434D3864B_ABCD13D2_8C361.pdf?e=.pdf. (дата обращения: 12.01.2025).
160. 赵之群“. 一带一路”倡议下中俄文化关系发展中的问题与出路 [D]. 长春：吉林大学, 2018
161. 谷柏玲.构建国际化人才培养的科技创新平台——以中俄高校联合培养为例[J].成人教育, 2018(3)
162. 李丹.高等教育国际化背景下中国同类高校联盟解析[J].教育理论研究,2015(1)
163. 刘俊霞.西北五省区与中亚五国高等教育跨区域合作构想[J].现代教育管理,2016(8).